

**ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА**

Константин Капитонов

БЛИЖНИЙ ВОСТОК В ЛИЦАХ

Москва
1998

Научное издание

Капитонов К.А.

Ближний Восток в лицах. – М., 1998, 210 с.

ISBN 5–89394–019–9

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
МОНАРХИ	
1 ХУСЕЙН БЕН ТАЛАЛ — ПРОФЕССИЯ — КОРОЛЬ	6
2 СУЛТАН КАБУС — ПРЫЖОК В БУДУЩЕЕ	21
3 КОРОЛЬ ФАХД — ИМАМ, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ, ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ	32
ПРЕЗИДЕНТЫ	
4 ХОСНИ МУБАРАК — “ГОСПОДИН ЧЕСТНОСТЬ”	39
5 БЕН АЛИ — ЧЕЛОВЕК ОБНОВЛЕНИЯ	51
6 ХАФЕЗ АСАД — ИЗ ЛЕТЧИКА В ПРЕЗИДЕНТЫ	65
7 САДДАМ ХУСЕЙН — ИГРОК, КОТОРОМУ ДОЛГО ВЕЗЕТ	75
8 ЭЗЕР ВЕЙЦМАН — ПРЕВРАЩЕНИЕ “ЯСТРЕБА” В “ГОЛУБЯ”	84
ПРЕМЬЕР–МИНИСТРЫ	
9 РАФИК ХАРИРИ — ПРОСТОЙ ПАРЕНЬ ИЗ САЙДЫ	94
10 БИБИ НЕТАНИЯГУ — “ГОСПОДИН ТРИ НЕТ”	101
ЛИДЕРЫ РЕВОЛЮЦИЙ	
11 ЯСИР АРАФАТ — ПАЛЕСТИНЕЦ НОМЕР ОДИН	111
12 МУАММАР КАДДАФИ — НЕИСТОВЫЙ СЫН БЕДУИНА	121
ПОЗНАВШИЕ ВЛАСТЬ	
13 ИЦХАК РАБИН — ВОЕНАЧАЛЬНИК, ДИПЛОМАТ, ПРЕМЬЕР–МИНИСТР	137
14 ШИМОН ПЕРЕС — ПОЛИТИК, КОТОРОМУ НЕ ВЕЗЕТ	148
15 ИЦХАК ШАМИР — ПЕНСИОНЕР МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ.	163
16 ХАШЕМИ РАФАДЖАНИ — С КОРАНОМ В БОЛЬШУЮ ПОЛИТИКУ	172
17 АЯТОЛЛА МОНТАЗЕРИ — НЕСОСТОЯВШИЙСЯ “ПРЕСТОЛОНАСЛЕДНИК”	183
18 БУТРОС ГАЛИ — В РОЛИ ГЕНСЕКА ВСЕЛЕННОЙ	190
19 АВИГДОР ЛИБЕРМАН — ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СДЕЛАЛ СЕБЯ	197

ПРЕДИСЛОВИЕ

Искусство подготовки политического портрета того или иного лидера является одним из самых непростых жанров социально–политической литературы. И дело здесь заключается не только в том, какой именно персонаж будет удостоен внимания автора, или какие подробности личной жизни избранного лица подвергнутся анализу. Главная сложность состоит в том, чтобы суметь “вписать” данную личность в контекст политической и социально–экономической обстановки в конкретной стране, а не впасть в простое пересказывание биографии.

Тем более сложной становится задача, когда речь заходит о политическом портрете лидеров тех или иных восточных государств, а особенно – ближневосточных, где роли личности, во–первых, придается особое значение, а во–вторых, их влияние на самые разные аспекты жизни “своих” стран неизмеримо выше по сравнению, например, с западными государствами. Помимо, так сказать, временных отличий (на Востоке президент, даже при выборной форме правления, находится у власти гораздо дольше, чем на Западе), основное отличие состоит в фактически определяющем воздействии личности, находящейся у власти, на социально–экономическую и политическую обстановку в стране. Поэтому столь резко отличается, скажем, Египет времен президента Насера от Египта президента Садата, а шахский Иран – от Ирана времен аятоллы Хомейни, и т.д. Видимо, это можно объяснить не только определенной “привычкой” местного населения к абсолютным формам правления (практически все ближневосточные государства сравнительно недавно были монархиями), но и “принципом единоличия”, укоренившимся в этих странах после распространения в них Ислама, который регулировал не только духовную, но и повседневную жизнь своих сторонников. Поэтому неудивительно, что на Ближнем Востоке единственным государством, резко отличающимся по многим параметрам, в том числе и по накалу внутривнутриполитической обстановки, количеству партий, участвующих в выборах, меньшему воздействию политического лидера на повседневную жизнь страны, является Израиль – государство иной религии, иных

политических традиций, иной истории среди ближневосточных стран.

Предлагаемая читательскому вниманию книга – первая попытка комплексного исследования роли личности в современной жизни ряда государств Ближнего Востока. Состоящая из своеобразных эссе, она освещает различные стороны жизненного пути политических лидеров таких стран, как Ирак, Иран, Израиль, Иордания и др. Написанная живо и интересно, эта монография, подготовленная в рамках Института изучения Израиля и Ближнего Востока, содержит немало полезных сведений и фактов о политических лидерах тех стран, которые ныне все больше привлекают внимание российских политиков и бизнесменов, помогает пониманию того, “кто есть кто” на Ближнем Востоке.

Д.э.н., профессор **В.Исаев**.

ХУСЕЙН БЕН ТАЛАЛ – ПРОФЕССИЯ – КОРОЛЬ

“Моя профессия – король...” Так назвал одну из своих книг иорданский монарх Хусейн Бен Талал. Для такого названия у него были все основания. Ведь никто еще из арабских лидеров не сохранял бразды власти столь долго, как он. Да и жизнь короля была куда богаче драматическими событиями, чем жизнь любого другого главы государства.

Правя Иорданским Хашимитским королевством почти 46 лет, и, придерживаясь сбалансированного курса во внешней политике, малик (король) Хусейн по праву выдвинулся в одного из наиболее опытных и влиятельных лидеров на Ближнем Востоке.

“Король Иордании – это государственный деятель мирового масштаба”, – так отзывалась о нем Маргарет Тэтчер. Марокканский монарх Хасан 2-й выразил восхищение “самопожертвованием короля Хусейна во имя своего народа” и тем, что он “никогда не изменял своим принципам и политическим убеждениям”.

Не менее лестно о нем отзывались президенты Франсуа Миттеран, Рональд Рейган, Хосни Мубарак, генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр и многие другие государственные и политические деятели, с которыми общался иорданский монарх.

В то же время среди левых арабских сил есть немало противников короля. Достаточно сказать, что на него покушались больше двадцати раз. В 1953 году его самолет пытались сбить сирийцы. В 1960 году предназначенная для него бомба убила премьер-министра. Ему подсовывали отравленную пищу, кислоту во флакончике с каплями для носа. Всех попыток и не перечислить...

Хусейн – внук Абдаллы

Хусейн Бен Талал принадлежит к династии Хашимитов, представители которой считают себя прямыми потомками основателя ислама Мухаммеда по линии его дочери Фатимы и ее мужа Али. Прадед будущего короля – Хусейн Бен Али был шерифом (правителем) Хиджаза и хранителем святых мест мусульман в Мекке и Медине. Дед – Абдалла Бен Хусейн – первым монархом эмирата

Трансиордания, переименованного 25 мая 1946 года в Иорданское Хашимитское королевство – “полностью независимое государство с наследственной монархией”.

Именно дед оказал огромное влияние на внука.

Этому человеку я обязан многим, – скажет позднее король Хусейн. – Он стремился привить мне науку управления государством, обучал искусству дипломатии, войны и компромиссов. Он учил меня понимать умы людей, тонкости арабского мира, в котором мы жили. Он постоянно повторял: “Самая великая обязанность лидера – служить... Только в этом случае ты будешь жить в мире с собой и Богом”.

Король Хусейн 1-й (его полное имя Аль-Хусейн Бен Талал Бен Абдалла Бен Аль-Хусейн) – потомок пророка Мухаммеда в 39-м колене. Родился 14 ноября 1935 года. По свидетельству очевидцев, провел детство обычное для среднего мальчика-иорданца в простом амманском квартале Джебель Амман. Там наследный принц Талал Бен Абдалла и его жена принцесса Зейн аш-Шараф снимали скромную пятикомнатную виллу, окруженную маленьким садиком. В семье, где денег никогда не было в достатке (доход отца составлял около трех тысяч долларов в год), росли еще два младших брата Хасан и Мухаммад и сестра Басма.

Когда пришло время поступать в школу, король Абдалла решил, что внук должен получить специальное религиозное образование. Выполняя волю деда, Хусейн стал изучать классический арабский язык и Коран. Затем его отдали в престижный колледж “Виктория” в Александрии (Египет), где он почти в совершенстве овладел английским.

Передо мной открылся новый мир, – вспоминал позднее король Хусейн. – Мир, который я совсем не знал: футбол, крикет, книги, общение с товарищами.

Он до сих пор помнит большую общую спальню, которую делил с тридцатью другими юношами, ледяной душ по утрам, школьную одежду из легкой шерстяной ткани и спортивную рубашку с символикой колледжа. В течение двух лет, проведенных в “Виктории”, будущий король продолжал занятия по арабскому языку и религиозному образованию, стал одним из лучших саблистов и даже завоевал медаль в соревнованиях по фехтованию. Радость деда была такой большой, что он присвоил 16-летнему Хусейну звание капитана иорданской армии.

Как и любой школьник, он с нетерпением ждал каникул, чтобы побездельничать и развлечься. Но его жизнь складывалась по-

другому... Каникул не было. Будущий монарх повсюду сопровождал деда, выполняя роль переводчика с английского и наблюдая, как тот отстаивал интересы королевства.

Рано утром они завтракали. Завтрак состоял из бедуинского кофе, немного приправленного кардамоном, или из чая с мятой и лепешек без масла и джема. Король Абдалла считал, что человек работает лучше, когда его желудок полупустой.

Потом начинался рабочий день. Юный Хусейн присутствовал на совещаниях, наблюдал, как дед диктовал свои меморандумы и письма. За ужином король Абдалла учил внука обязанностям монарха, как можно успешно противостоять противнику.

Я понимаю сейчас, – признался в одном из интервью король Хусейн, – почему дед по мере своего старения становился все более внимательным ко мне и дружелюбным. Это происходило потому, что в его глазах я становился таким, каким он хотел видеть своего сына.

(Замечу в скобках, что король Абдалла отличался завидным здоровьем и крепким телосложением. Он хотел, чтобы его сын – наследный принц Талал был “доблестным и неутомимым бедуином”. Но тот был тяжело болен...)

Вот так во время каникул будущий монарх обучался профессии короля под строгим, но благожелательным контролем своего деда.

Так продолжалось до 20 июня 1951 года. В тот день король Абдалла был убит у входа в мечеть Аль-Акса в Иерусалиме боевиком палестинской националистической организации “Аль-Джихад аль-Мукаддас” (“Священная война”). Хусейн, находившийся рядом с дедом, чудом избежал смерти: вторая пуля попала в медаль на его мундире, который он надел по настоянию деда. Это был первый жестокий урок насилия, который он не забыл до сих пор.

Любопытно, но за три дня до отъезда в Иерусалим, король Абдалла сказал Хусейну:

Я хочу, чтобы ты, сынок, знал, что однажды тебе придется взять на себя огромную ответственность. Я полагаюсь на тебя в том, что ты сделаешь даже невозможное для того, чтобы мои усилия не пропали даром. Я полагаюсь на тебя в том, что ты продолжишь служить моему народу.

Новым королем стал старший сын Абдаллы – Талал (отец Хусейна), коронованный 6 сентября 1951 года. А сам Хусейн – наследным принцем.

Прощай детство

С этого дня оборвалась его беззаботная школьная жизнь. Став престолонаследником, он был вынужден находиться в Иордании (его отец в это время проходил курс лечения в Европе), чтобы представлять королевский дом. Уже тогда ему весьмагодились уроки деда...

Вскоре в Амман вернулся король Талал Бен Абдалла. Хусейн отправился в Англию, чтобы продолжить образование в привилегированном военном колледже Харроу.

Как велика была разница между Харроу и колледжем “Виктория”! – вспоминал позднее король Хусейн. – Я должен был всему переучиваться и чувствовал себя как “новобранец”. Но я жил жизнью независимого мужчины.

У него была маленькая комната, в которой стояли кровать, стол, стул и шкаф для одежды. На полу лежал небольшой ковер, который он привез из Иордании.

Каждое утро будущий монарх вставал в семь часов, делал зарядку, принимал холодный душ. Сам убирал комнату, сам чистил ботинки. Брюки тоже гладил сам, кладя их на ночь под матрас.

В Англии он научился танцевать фокстрот, вальс и южноамериканские танцы. Отлично играл в регби, а на соревнованиях в беге с препятствиями завоевал медаль.

Там же, в Харроу, у него зародилась страсть (она сохранилась и по сей день) к высоким скоростям. Это произошло после того, как один из друзей семьи подарил ему небесно-голубой “Ровер” – его первый автомобиль. Позднее, уже будучи королем, он принимал участие в ралли по горным дорогам, в гонках на картингах и мотоциклах.

Кстати сказать, в Аммане будущий монарх не смог получить водительское удостоверение: там никто не осмелился взять на себя такую ответственность. Поэтому сдавать на права ему пришлось в Англии. Он до сих пор управляет автомобилем, имея при себе британские документы.

Жизнь наследного принца в Харроу не сводилась только к вождению автомобиля. В течение месяцев он принимал посетителей, большинство из которых были дипломаты. Его часто посещали члены иорданского правительства, когда приезжали в Англию. Он был в курсе мельчайших подробностей относительно состояния здоровья своего отца.

У меня все время было предчувствие, – напишет он позднее, – что серьезные причины вынудят меня вернуться в свою страну раньше, чем этого можно было ожидать.

Действительно, учебу снова пришлось прервать. Это произошло 12 августа 1952 года, когда Хусейн проводил каникулы в Лозанне (Швейцария) на берегу Леманского озера. В тот день он находился в номере отеля “Бориваж” и наблюдал через окно за спортивным самолетом, на котором летчик выполнял фигуры высшего пилотажа. В девять утра раздался стук в дверь, и молодой слуга вручил ему конверт на серебрянном подносе. “Его Величеству королю Хусейну”, — гласила надпись. Вздохнув, он распечатал конверт...

Из письма он узнал, что 11 августа 1952 года на секретном заседании, продолжавшемся десять часов, парламент принял отречение Талала (тот не смог выполнять свои обязанности по состоянию здоровья) и провозгласил Хусейна королем Иордании.

По признанию монарха, это был тот момент, которого он больше всего боялся. Потому что он уже никогда не будет студентом, не сможет отныне жить нормальной жизнью и устроить свою личную жизнь.

Король Хусейн положил конверт в карман, сел за стол и написал письмо премьер-министру Тауфику Абуль Худа, в котором сообщал, что “немедленно возвращается в Иорданию” и будет счастлив “иметь честь послужить стране и арабскому делу”.

Через несколько дней 17-летний монарх прибыл в Амман. Толпы людей стояли вдоль улиц, по которым ехал кортеж, и кричали: “Да здравствует Хусейн!”

Поскольку король не достиг совершеннолетия, страной управлял регентский совет. Чтобы лучше ознакомиться с состоянием дел государства, он совершил трехнедельную поездку по стране, в ходе которой посетил важнейшие города, селения, встречался с тысячами иорданцев, внимательно выслушивал их жалобы и советы. Добирался то на самолете, то на автомобиле в самые отдаленные уголки. В пустыне среди бедуинов он участвовал в арабском празднике, танцевал с ними вокруг костра. “Если в Иордании есть такие люди, — подумал тогда король, — страна будет жить благополучно”.

Тем не менее, он все чаще задавал себе вопросы: “Готов ли я управлять страной? Что еще надо сделать для того, чтобы подготовить себя к тому дню, когда мне исполнится 18 лет, и я буду должен взять на себя управление страной?”

Зная, что ему предстоит быть одновременно и главнокомандующим вооруженных сил Иордании, король Хусейн принял решение закончить английскую академию Сандхерст, в которой когда-то учился его отец. Это именно он сказал однажды сыну: “Человек

может научиться руководить другими только в том случае, если сначала дисциплинирует себя. А в мире нет лучшего места, способного научить этому, чем Сандхерст”.

19 сентября 1952 года Хусейн на время сменил титул короля на звание слушателя Королевской военной академии Сандхерста. Он был прикомандирован к роте Инкерманна, именуемой “Олд Колледж”, и поселился в комнате №109.

В первый же день его принял начальник академии и сразу сообщил, что жизнь в Сандхерсте “трудная и утомительная, которая требует огромного резерва сил и самообладания”.

Считаете ли Вы, что сможете выдержать эти условия или же предпочитаете избрать для себя особый льготный режим? – спросил начальник академии и, помолчав, добавил: – Выбирая самую строгую программу, Вы обрекаете себя на то, что с Вами будут обращаться также, как с другими слушателями.

Король выбрал наиболее трудный вариант – специальную программу, рассчитанную на полгода, – ибо был полон решимости извлечь из учебы максимальную пользу. Эта программа заставляла его усердно работать, совершать больше марш-бросков, чаще участвовать в маневрах, в ночных походах. Он научился обращаться с современным оружием, прилагал все усилия, чтобы понять главное в военной науке.

Между Западом и Востоком

2 мая 1953 года регентский совет, управлявший страной, утратил силу. С этого дня король Хусейн стал полновластным правителем Иорданского Хашимитского Королевства.

Но прежде молодой монарх принес присягу в парламенте, которая начиналась словами: “Клянусь Аллахом, что буду уважать Конституцию и буду верным народу...” После этого был произведен 101 залп из орудий, возвестив народу о восшествии Хусейна на престол. Затем он направился в мечеть на молебен, посетил гробницу деда, над которой прочел наизусть суру из Корана за упокой его души.

В конце дня король Хусейн нанес визит своей матери. Поцеловав его, она сказала:

Ты не должен допустить, чтобы власть вскружила тебе голову. Иорданский народ выразил тебе преданность, любовь и веру. Да направит Аллах на правильный путь твои шаги.

Став полновластным правителем, Хусейн Бен Талал ориентировался на Запад. И это не удивительно: получив образование в

Харроу и Сандхерсте, он впитал в себя систему западных ценностей, которым отдает предпочтение до сих пор. Тем не менее, иорданский монарх, по собственному признанию, считает, что формы буржуазно-демократического государственного устройства совершенно не пригодны для арабского мира. Он – сторонник авторитарной власти.

Следует подчеркнуть, что одно из главных внутренних противоречий короля Хусейна как политического и государственного деятеля вытекает из приобретенного им во время обучения в Англии западного мировоззрения, с одной стороны, и его принадлежности к виднейшей арабской династии – с другой. Ведя в личном плане западный образ жизни, он в то же время должен демонстрировать приверженность исламу, соблюдать его ритуальную сторону, доказывать, что он отстаивает установки панарабского национализма.

Пройдя трудную школу борьбы за установление безраздельной авторитарной власти, король Хусейн, будучи опытным тактиком, всегда делал ставку на укрепление своей страны. Для Иордании, которая исторически была слабее своих соседей и ни дня не существовала без дотаций со стороны Запада, в практическом плане это выражалось в поисках сильного и надежного союзника.

В арабском мире таким союзником долгое время был Ирак. Понимая, однако, что поддержка со стороны лишь одного государства не может гарантировать достаточной устойчивости, король Хусейн постоянно искал новые точки опоры. В 1985 году он, например, помирился с президентом Сирии Хафезом Асадом. Затем одним из первых среди арабских лидеров восстановил дипломатические отношения с Египтом и, наконец, взял на себя сложную роль посредника в устранении сирийско-иракских разногласий.

Кстати сказать, любимыми формами политической деятельности короля, по сведениям иорданских журналистов, являются посредничество (особенно тайное), создание коалиций и союзов. В последние годы эта склонность подогревается у него сознанием того, что сама Иордания стала мала для его фигуры. Он понимает, что по старшинству пребывания у власти мог бы играть ведущую роль, как в арабском, так и в исламском мире.

Говорят, что в узком кругу король Хусейн позволяет себе высказывания о том, что его династия имеет больше исторических прав на саудовский престол, чем сами саудиты.

Главным гарантом существования король считал Соединенные Штаты Америки. Он исходил из того, что степень взаимопонимания и сотрудничества с американцами должна быть всегда до-

статочно высокой, чтобы предотвратить возможную агрессию против Иордании со стороны Израиля. Тем не менее, он не поддерживает стремление США к размещению ядерного оружия в космосе, решительно осуждает активное привлечение Тель-Авива к реализации программы “стратегической оборонной инициативы”.

Несмотря на свою прозападную ориентацию, король Хусейн выступал за развитие контактов и сотрудничества с Советским Союзом (дипломатические отношения установлены 20 августа 1963 года) и социалистическими странами.

Я не думаю, – говорил он, – что следует бояться того, что Иордания станет страной, относящейся к одному блоку. Мы будем отстаивать нашу самостоятельность, однако, вместе с тем поддерживать наилучшие, насколько это в наших силах, отношения с Советским Союзом.

Первый официальный визит короля Хусейна в СССР состоялся в октябре 1967 года. Находясь в Москве, он выразил “глубокую признательность народу и правительству Советского Союза за искреннюю и ценную помощь, которую СССР оказал арабским государствам, ставшими жертвами израильской агрессии”. Затем последовало еще несколько визитов, имевших важное значение для развития и укрепления двусторонних отношений. Однажды он лично посадил самолет в густом тумане, который несколькими часами ранее так и не смог преодолеть экипаж премьер-министра Великобритании.

Не признавая возможности переноса социалистического опыта на арабскую почву, король, тем не менее, с большим пониманием относился к советскому мировоззрению, признавал некоторые позитивные стороны социальности, особенно во внешней политике СССР. Так, например, советские инициативы по вопросам разоружения, недопущение милитаризации космоса, призывы к установлению всеобщей безопасности, реализация идеи создания безъядерного мира вызвали повышенный интерес иорданского монарха.

Разоружение, – подчеркивал он не раз, – должно быть вопросом номер один для каждого государства, каждой организации, каждой личности.

Палестинский фактор

Сложно и зигзагообразно развивались отношения короля Иордании с Организацией освобождения Палестины (ООП) и ее лиде-

ром Ясиром Арафатом – одним из основных действующих лиц на ближневосточной сцене.

Напомню, что после израильской агрессии в июне 1967 года сотни тысяч палестинцев были изгнаны со своих земель и король Хусейн предложил им свою страну в качестве убежища. Сегодня они составляют около 60 процентов почти четырехмиллионного населения Иордании.

В 1970 году в Аммане произошли ожесточенные иордано–палестинские столкновения. Король Хусейн лично возглавил операцию своей армии. В результате вооруженное присутствие палестинцев на территории королевства было ликвидировано.

Вскоре Хусейн и Арафат помирились. Еще позднее монарх разрешил ООП открыть свои представительства в иорданской столице и подписал с палестинским лидером соглашение о совместных действиях с целью возвращения оккупированных израильтянами земель. Однако, некоторое время спустя король вдруг пришел к выводу, что глава ООП никогда не примет условий, необходимых для созыва мирной конференции по Ближнему Востоку. Поэтому он снова отрекся от Арафата и закрыл большинство представительств ООП в Аммане. Но несмотря на это, палестинский фактор всегда оставался одним из центральных, как во внутренней, так и во внешней политике иорданского монарха.

В феврале 1985 года король Хусейн вновь заключил соглашение с лидером ООП. Оно предусматривало создание совместной иордано–палестинской делегации на международных переговорах по ближневосточному урегулированию, а также конфедерации Иордании и Палестины. Король понимал, что из-за высокой концентрации в Иордании палестинцев и особых отношений с Западным берегом реки Иордан, захваченном Израилем в ходе “шестидневной войны” в июне 1967 года, он не в состоянии вести прямые переговоры с Тель–Авивом без палестинского участия.

Если бы эта проблема касалась только Иордании, – неизменно подчеркивал он, – мы могли бы иметь дело непосредственно с Израилем.

Через год, однако, ООП расторгла это соглашение. Но даже после нового разрыва с Арафатом король Хусейн продолжал пользоваться уважением многих руководителей палестинских организаций.

Один из них откровенно заявил:

Мы хотим сотрудничать с королем, поскольку нуждаемся в нем. Удастся ли добиться независимости для Палестины или будет

создана конфедерация с Иорданией, мы так или иначе зависим друг от друга.

Здесь необходимо подчеркнуть, что король Хусейн более активно, чем другие арабские лидеры, выступал за созыв международной конференции по Ближнему Востоку. Он настаивал на том, чтобы в ней участвовали все вовлеченные в конфликт арабские страны, Израиль и ООП, а также пять постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Однако в 1988 году король Хусейн неожиданно для всех изменил правила мирного урегулирования ближневосточного конфликта. Он вдруг принял решение о прекращении юридических и административных связей Иордании с Западным берегом.

Чтобы понять значение этих решений, следует напомнить, что после первой арабо–израильской войны 1948–1949 годов Западный берег был присоединен к Иордании дедами короля. Многие арабские государства не одобрили этого шага. Они считали, что данная территория должна принадлежать палестинцам. В 1967 году Израиль захватил Западный берег. Однако, Иордания продолжала финансировать оставшиеся там социально–политические структуры, а жители сохраняли иорданские паспорта. Такое положение продолжалось до 1988 года, пока король не бросил свою “бомбу”.

Теперь, – заявил он, – оккупированные территории отданы под полную ответственность ООП.

Мне думается, что смысл данного шага состоял в том, что иорданский монарх попытался еще раз поставить палестинский вопрос в разряд первоочередных. Хотя надо признать, что своим решением он возложил основную тяжесть в переговорах о мирном урегулировании на плечи палестинских лидеров. Но этим же решением король снова подтвердил, что рассматривает ООП как единственного законного представителя арабского народа Палестины.

Иорданские журналисты рассказали мне, что в рабочем кабинете короля в Аммане висят фотографии Иерусалима и священных мусульманских мест, потерянных Иорданией в ходе израильской агрессии летом 1967 года. Судя по всему, иорданский монарх не надеется вернуть Иерусалим, и поэтому он как бы исключил его из вопроса о возвращении Западного берега. Он ограничивается общим заявлением о “необходимости свободного доступа к святым местам и, возможно, объявления Иерусалима свободным городом”.

Как бы то ни было, король Хусейн не растратил энергии в поисках мира. Правда (и это следует признать!), политическая и фи-

нансовая зависимость королевства от США, Западной Европы и консервативных арабских режимов заметно тормозят и сковывают его активность на международной арене.

Такова королевская жизнь

С первых дней своего правления король, как и всякий другой служащий, отправлялся в свой кабинет во дворце Басман и покидал его только после завершения работы. Его рабочий день начинался, как правило, в 8–30 утра и редко заканчивался в 8 вечера.

Овладеть рутиной правления было несложно,— написал монарх в одной из своих книг. — Ежедневно я принимал бесконечный поток министров, депутатов парламента, военных, послов, коммерсантов.

По его собственному признанию, этот поток нередко “вычеркивал” время для обеда. Добавим еще различные официальные церемонии, приемы, пресс-конференции, интервью (король не избегает встреч с журналистами).

Вспоминая начало своей карьеры, монарх признавался позднее, что “испытывал большие затруднения в том, что касалось сближения с иорданским народом и понимания его чаяний”.

Как я могу быть хорошим, добрым и примерным королем,— спрашивал себя Хусейн,— если доподлинно не знаю своих подданных?

Чтобы ответить на этот вопрос и увидеть своими глазами жизнь простых людей, он старался встречаться с ними. Особенно с теми, кто жил в пустыне, где глубокие бедуинские традиции покоятся на трех принципах: честь, мужество и гостеприимство.

Вместе с тем, король Хусейн понимал, что бедуины — это лишь часть иорданского народа. А он хотел знать, чем “дышат” его подданные в городах и селах, что думают о нем и правительстве. Чтобы узнать это, он переодевался в водителя такси и выезжал по вечерам на старом “форде” на улицы иорданской столицы.

Эта ночная работа открыла мне глаза на многое, — рассказывал потом монарх. — Ведь пассажиры говорят так, как будто водителя нет за рулем.

Однажды, чтобы разговорить пассажира-бедуина, он спросил его:

Хороший ли в этом году урожай?

Урожай прекрасен, благодаря Аллаху и королю.

А что ты думаешь о короле? – спросил Хусейн и добавил: – Я часто слышу о нем очень разные толки. Что он за человек? Хороший ли он король?

После Аллаха он наш великий руководитель и наставник. Он защищает нас, оказывает любую помощь, в которой мы нуждаемся. Мы его очень любим.

А я совсем не уверен в том, что ты говоришь... – подзадорил король Хусейн пассажира.

Бедуин разгневался и закричал, сверкая глазами:

Если ты осмелишься повторить это еще раз, то я изобью тебя.

Такие поездки король совершал много раз... А возвращаясь под утро в свою резиденцию, он отдавал охране все заработанные деньги.

Именно в это же время король решил научиться управлять самолетом. Очевидно, сказалась давняя страсть к высоким скоростям.

Сам он так объяснил свое желание:

Насколько я помню, мне всегда хотелось летать. Но полет для меня влечение более глубокое, чем просто управление самолетом. Когда я садился в кабину, я забывал все свои проблемы. Но главное – в воздухе исчезали все запреты, которые окружали монарха на земле.

Следует заметить, что намерение молодого Хусейна научиться летать вызвало бурный протест со стороны королевской семьи и правительства. Но он был тверд в своем решении и начал брать уроки у командующего ВВС Иордании полковника Эжена Далглейша.

Правда, тот пошел на хитрость. Чтобы отбить у монарха охоту к полетам, он на первом же занятии поднял его в воздух на маленьком самолете типа “Остер” и в течение получаса выполнял фигуры высшего пилотажа. Но юный Хусейн проявил силу воли, назначив второй урок на следующий день.

С тех пор король налетал не одну тысячу часов, освоил все виды самолетов и вертолетов, находившихся на вооружении иорданских ВВС, а также пассажирские авиалайнеры, включая “Боинг–747”. Кстати сказать, однажды это спасло ему жизнь.

Но не только самолеты были увлечением иорданского короля. Он до сих пор увлекается радиodelом, подводным плаванием, фотографией, теннисом, водными и горными лыжами. Есть у него еще одна страсть – рыбалка. Здесь он преуспел: в соревнованиях по рыбной ловле на Красном море занял призовое место.

И все-таки главным для него всегда были и остаются государственные дела.

По словам моих иорданских коллег, король Хусейн правит страной, как “строгий отец, не терпящий открытого несогласия”. Политические партии запрещены в Иордании законом. Правда, монарх посчитал уместным разрешить ограниченную деятельность мусульманским фундаменталистам, которые в некоторых странах, как известно, играют в основном разлагающую роль. Организация “Братья-мусульмане” зарегистрирована в Иордании как “общественная”, хотя она является частью движения, которое плодит бунтарство в ближневосточном регионе.

Поскольку исламское возрождение набирает в Иордании силу, король Хусейн вынужден подходить к этому вопросу очень тонко. Он даже пошел на то, что разрешил участвовать в парламентских выборах кандидатам от “Братьев-мусульман”.

Впрочем, в 1985 году он продемонстрировал, что существует предел тому, насколько далеко могут заходить фундаменталисты. Он призвал законодательную палату принять постановление, запрещающее духовенству “бесконтрольные, чрезмерные проповеди”.

В июне 1978 года король Хусейн женился в четвертый раз. Его супруга – королева Нур, в девичестве Лайза Халяби, арабка по происхождению, родилась в США. От этого брака у него четверо детей – принцы Хамза и Хашим, принцессы Иман и Райя. Всего же у монарха одиннадцать детей (пять сыновей и шесть дочерей). У него есть приемный сын – принц Абид и приемная дочь – принцесса Дия, родители которой погибли в авиакатастрофе в 1977 году вместе с королевой Алией.

Королевская семья занимает небольшой дворец Ан-Надва, расположенный в иорданской столице. Кстати, ни король, ни королева не являются собственниками этой резиденции, как, впрочем, и других домов, в которых живут. Все, чем они пользуются, – самолеты, вертолеты, яхта, автомашины, арабские скакуны – принадлежат иорданскому правительству.

Все дети живут в этом же дворце, поскольку королева Нур убеждена, что дети “должны быть как можно ближе к родителям”.

Кстати, о королеве. Десять лет назад, когда я, будучи корреспондентом “Литературной газеты” по странам Ближнего Востока, оказался в Аммане, местные журналисты говорили мне, что иорданцы в восторге от своей королевы. Им импонировало, что она не предавалась светским развлечениям, а самым серьезным образом

занималась развитием культуры и образования, сохранением исторических ценностей Иордании и благотворительной деятельностью. Еще иорданцам нравилось, что их королева (в этом она схожа с королем) много общалась с простыми людьми, не гналась за модой и всегда появлялась на публике в строгом костюме.

Правда, в последние годы отношение иорданцев к королеве несколько изменилось. Если верить израильским СМИ, иорданцы стали осуждать ее за западный образ жизни, за то, что родилась и выросла христианкой, а не мусульманкой, да еще в Америке. Она одевается, как парижанка, держит короля на диете, не подает на стол традиционные арабские блюда. Больше того, ведет себя, как мужчина: председательствует в разных общественных и государственных советах. Иорданцев раздражает, что королева Нур слишком вмешивается в дела королевства. Да еще не принятым в арабских странах женским способом: не закулисно, а в открытую.

В тех же израильских СМИ не раз отмечалось, что “маленький король”, как его называют за небольшой рост и за размеры королевства, “всегда был любимцем израильтян”. Он, по их мнению, умен, хитер, крепок. Он – элегантен, изящен, интеллигентен, обаятелен. Он может всплакнуть от радости. Он искренен в горе. Жесток с врагами и щедр с друзьями.

Израильская публика жалела его, когда он в знак солидарности с арабами ввязывался в войну с Израилем. И пыталась понять, когда он поддержал Саддама Хусейна в 1991 году во время войны в Персидском заливе.

Еще задолго до подписания мирного соглашения между Израилем и Иорданией в израильском городе Эйлат, который граничит с иорданским портом Аккаба, на горе, обращенной к вилле короля Хусейна, ежегодно делали огромную надпись из цветов по случаю его дня рождения. Гора хорошо просматривалась из бинокля с балкона и монарх, по слухам, никогда не пропускал возможности получить поздравление и ответить на него петардой, собственноручно выпаленной в воздух.

Израильские эксперты считают, что иорданский король всегда запаздывал. Вступить в войну, заключить мир. Вот и Нобелевская премия досталась не ему, а Ясиру Арафату. Хотя именно он сделал куда больше других арабских лидеров для того, чтобы израильтяне поверили, что мир с арабами возможен.

Долгое время для короля Хусейна деликатным оставался вопрос о престолонаследнике. Первоначально он назначил преемником своего первого сына от второго брака принца Абдаллу, родив-

шегося в 1962 году. Однако его мать – Муна Хусейн (настоящее имя Тони Гардинер, дочь подполковника британской военной миссии в Иордании) была англичанкой. По конституции, дети от этого брака не имели права наследовать престол. Поэтому в апреле 1965 года королевским указом и решением Национального собрания младший брат короля Хасан (родился 20 марта 1947 года) был провозглашен наследником престола с присвоением почетного звания генерал–лейтенанта Иорданской арабской армии.

Когда же в феврале 1975 года от третьей жены королевы Алии у монарха родился первый полнокровный по арабской линии сын Али, было объявлено, что именно к нему перейдет власть от наследного принца Хасана.

Сам король, отвечая однажды на вопрос о том, что он думает о дне, когда ему придется уйти со сцены, сказал:

Я не предсказываю будущее. Но я верю, что Хашимитское королевство будет продолжаться...

СУЛТАН КАБУС – ПРЫЖОК В БУДУЩЕЕ

Его величество султан Кабус бен Саид бен Теймур правит Оманом с 23 июля 1970 года. И весьма успешно! При нем султанат, расположенный на юго–восточной окраине Аравийского полуострова, вырвался из крепких “объятий” средневековья и буквально “прыгнул” в современную цивилизацию.

Из рода Аль–Бу–Саид

Отец султана – Саид бен Теймур, занимавший оманский престол с 1932 года, оставил сыну незавидное наследство: страна находилась в состоянии полного упадка и глубокого застоя.

В Омане не было образованных людей, да и готовить их было нигде. Достаточно сказать, что в султанате имелось всего три начальные школы, причем, только для мальчиков, и несколько специальных учебных заведений ремесленного профиля. Проблемы отсталости усугублялись отсутствием единства. Давали о себе знать противоречия между отдельными районами страны, которые вплоть до окончательного объединения составляли султанат Маскат и имамат Оман. Целостность государства ослаблялась и тем, что между его прибрежными и внутренними районами не было путей сообщения. На территории страны, пустынные земли которой протянулись на тысячу километров с юга на север, было проложено всего 10 километров асфальтированных дорог. Точнее одна – от султанского дворца до аэродрома.

Больше того, Оман жил без электричества, газет и журналов, телефонов и автомобилей, импорт которых был запрещен. О радио, а тем более о телевидении тогда в султанате редко кто имел представление, поскольку для их покупки (а также для строительства собственного дома) требовалось разрешение султана. Были также запрещены кино и другие зрелища.

Саид бен Теймур, закончивший свои дни в 1972 году в Лондоне, вообще крайне отрицательно относился ко всяким новшествам. Он не разрешал подданным носить очки, особенно темные, употреблять крепкие напитки и курить в общественных местах. А сам, не доверяя банкам, хранил деньги в сундуке под кроватью.

С заходом солнца ворота столицы – города Маскат закрывались, жители спешили домой, поскольку вступал в силу комендантский час. Если же человек выходил ночью на улицу, то, по указу султана, он должен был освещать лицо керосиновой лампой или свечой. Женщины могли выходить из дома только в одежде, полностью скрывающей фигуру. Лицо при этом следовало закрывать чадрой или специальной черной маской, форма которой определяла родовую принадлежность. Нарушителей ожидала тюрьма без суда и следствия.

Пришедший к власти 30-летний султан Кабус повел страну по пути реформ. Кто же он – этот энергичный монарх, решивший избавиться от груза многих традиций древней страны, и совершить прыжок в будущее?

Кабус бен Саид родился 18 ноября 1940 года (18 шаввала 1359 года по мусульманскому календарю) в городе Салала, расположенном в центре южной провинции Дофар. Он – 18-й султан династии Аль-Бу-Саид, правящей в Омане с 1744 года.

Когда будущему султану исполнилось 16 лет, его отправили учиться в Англию. В 1960 году он поступил в Королевскую военную академию в Сандхерсте, по окончании которой проходил службу в составе британских войск в Западной Германии. Он также прошел курс по основам управления в Оксфордском университете.

Получив основательное образование, Кабус совершил кругосветное путешествие и в 1964 году вернулся на родину. По настоянию отца будущий монарх поселился в Салале и, ведя жизнь затворника, углубленно изучал мусульманское богословие, культуру и историю султаната.

Совершим и мы короткое путешествие в прошлое этой страны, чтобы лучше понять и правильно оценить происходящее сегодня в Омане.

В начале 20-го века на его территории существовало два государственных образования – подвластный Англии султанат Маскат и независимый от британской опеки имамат Оман. Их объединяли общее историческое и культурное наследие, этническая и религиозная однородность, традиционные экономические связи.

Власть маскатского султана Фейсала бен Турки (прадед Кабуса) ограничивалась побережьем – Маскатом, Матрахом и землями вади Батина с ее портовыми городами. Большая часть внутренних районов современного Омана входила в состав имамата, глава которого – имам – объединял в своих руках высшую светскую и религиозную власть.

В 1913 году Теймур бен Фейсал (дед Кабуса) с помощью англичан сверг своего отца, провозгласив себя маскатским правителем. В том же году имамат Оман объявил себя независимым от султаната Маскат и отказался признать власть Великобритании. После безуспешной для Маската и англичан семилетней войны против имамата в 1920 году был подписан Сибский мирный договор, признавший Оман независимым.

В 1932 году Теймур бен Фейсал был свергнут (с помощью англичан) своим сыном Саидом бен Теймуrom, который, став султаном Маската, сразу же заявил о своей готовности “всемерно укреплять связи с Великобританией”. Он прекрасно понимал, что от ее прямой поддержки зависело само существование султанского режима. С помощью все той же Англии к середине 60–х годов Саиду бен Теймуру удалось превратиться из правителя Маската в султана всего Омана. Ясно сознавая, что своим успехом он обязан англичанам, монарх платил им вассальной покорностью.

Ответом на столь явную проанглийскую политику явилось возникновение широкого патриотического движения в южной провинции Дофар, направленное на свержение режима султана. Вскоре англичане поняли, что настало время убрать престарелого Саида бен Теймура и тем самым уменьшить накал революционной борьбы в Омане. Ведь имя султана в сознании населения отождествлялось с предательством, деспотизмом и невежеством.

В этих условиях при содействии Великобритании 23 июля 1970 года в Салале был совершен бескровный дворцовый переворот. Саид был низложен и выслан на Бахрейн, а султаном стал его сын – Кабус.

Монарх обновления

Новый правитель хотел видеть свою страну современной и процветающей. Однако, не совсем представлял себе, как этого добиться. Тем не менее, придя к власти, султан активно принялся за дело, определив главную задачу своей внутренней политики ключевым словом – обновление.

В условиях усиливавшейся национально–патриотической борьбы против султанского режима и английского засилья в Омане, Кабус бен Саид сразу же взял курс на укрепление своих позиций. Прежде всего он запретил политические партии и профсоюзы, провел чистку административных органов от коррумпированных элементов, чтобы создать администрацию, которая была бы способна обеспечить в стране политическую стабильность. Многие высоко-

поставленные чиновники были уволены. 8 августа 1970 года Кабус сформировал новый кабинет министров во главе со своим дядей – Тариком бен Теймуром. 9 августа объявил, что отныне возглавляемое им государство будет называться “Султанат Оман”.

Что любопытно? В период отсутствия главы государства руководство правительством возлагалось не на премьер–министра, то есть, дядю, а на так называемый Временный совет из числа лиц, наиболее приближенных к султану. Примечательно, что в этот руководящий орган вошли английские чиновники, занимавшие ключевые посты в султанской администрации. В частности, председателем Совета был назначен английский офицер Хью Олдмен, занимавший пост министра обороны.

В отличие от своего отца, султан Кабус не боялся новшеств. Скорее наоборот. По его распоряжению, в 1970 году вышло в эфир “Радио Омана”, которое ведет передачи из Маската на арабском и английском языках. Тогда же о себе заявило “Радио Саляля”, вещающее пока на арабском языке. Пять лет спустя появилось телевидение, которое было строго ориентировано на соблюдение моральных постулатов ислама. В 1976 году началось строительство центра спутниковой связи.

С 1972 года начали выходить ежедневные газеты на арабском языке “Оман”, которую издает министерство информации, и “Аль–Ватан” (“Родина”). Есть еще одна ежедневная газета (на английском языке) “Оман дейли обсервер”. Она издается с 1982 года и во многом повторяет материалы газеты “Оман”. Из еженедельных газет наиболее популярная – “Оман ньюс”, которая освещает международные события, основываясь на информации западных агентств. Выходят также два журнала “Аль–Акида” и “Ан–Нахда”. Издается на арабском языке бюллетень “Аль–Джарида ар–Расмия” – печатный орган заместителя премьер–министра по юридическим вопросам. В нем публикуются декреты и официальные документы. До недавнего времени средства массовой информации Омана не имели своих зарубежных корреспондентов, а въезд иностранных журналистов разрешался только на короткий период для освещения каких–либо событий.

Итак, ключевым элементом программы обновления султан Кабус объявил подъем экономики страны. Претворять ее в жизнь он начал, как говорится, не на пустом месте. Больше того, ему повезло: в августе 1967 года в Омани забил первый нефтяной фонтан. Если до этого султанат выручал от продажи сельскохозяйственных продуктов миллион фунтов стерлингов в год, то в 1967 году доходы

возросли в 13 раз. А в 1970 году казна получила 73 миллиона фунтов.

Это дало султану Кабусу возможность обратиться к зарубежному опыту. Он выписал из Германии специалистов по дорожному строительству, из Швейцарии – врачей, из Италии – археологов, с Кипра – архитекторов, с Филиппин – садовников.

В 1972 году в Омане были открыты бесплатные школы. Сегодня их насчитывается свыше 600, а число учащихся превышает 200 тысяч, из которых 46 процентов – девушки. Создана сеть профтехучилищ, действуют 1300 специализированных центров по ликвидации неграмотности среди взрослых. В 1987 году открыл двери первый в стране Университет султана Кабуса, оснащенный самым современным оборудованием.

Для осуществления программы обновления были нужны не только образованные, но и здоровые люди. Вот почему правитель Омана сделал упор на развитие здравоохранения. Если в 1970 году в султанате имелась только одна больница на 12 коек, то через пятнадцать лет в распоряжении министерства здравоохранения находилось 15 больниц, 21 медицинский центр, 4 родильных дома, 74 поликлиники, 35 передвижных медицинских бригад.

В 1973 году был построен международный аэропорт, а через год – современный морской порт.

Первые шаги султана Кабуса были впечатляющими. Однако, не все шло так, как этого хотел монарх. В середине 70-х он понял, что назрела необходимость внедрения в экономику плановых начал. При его непосредственном участии был создан Совет национального развития который разработал первый пятилетний план развития на 1976–1980 годы. Вслед за ним последовали очередные пятилетки.

Надо отдать должное султану Кабусу: он старался учитывать, как положительный, так и негативный опыт тех стран, которые встали на путь обновления раньше Омана. Он понимал тогда, а сегодня убежден, что промышленное развитие его государства может осуществляться в достаточно ограниченных рамках. Поэтому он не возводит заведомо убыточные гиганты индустрии, а делает упор на строительство малых и средних предприятий по производству цемента, пищевых продуктов, удобрений и кормов.

Он также понимает, что неразумно полагаться только на богатство недр. Тем более, что в Омане, имеющем сравнительно небольшие запасы нефти, они, по подсчетам экспертов, иссякнут через 30–40 лет. Поэтому султан Кабус твердо проводит в жизнь курс

“оманизации”, то есть, политику опоры на свои силы. Он распорядился, чтобы местные предприниматели отдавали предпочтение национальным кадрам и постепенно отказывались от услуг иностранных рабочих. Что касается бизнесменов–иностранцев, то султан запретил им создавать фирмы и предприятия без участия оманцев.

Не удивительно, что за годы правления султана Кабуса Оман превратился из одной из самых отсталых стран мира в государство, которое может похвастаться многими признаками богатства. Доход на душу населения – 8 тысяч долларов. Общие zahraniчные авуары оцениваются в 3 миллиарда долларов. Выведенный из многих финансово–экономических показателей “Индекс экономической свободы – 1997”, публикуемый ежегодно Фондом наследия США, поставил Оман на 48–е место в мире. Россия, кстати сказать, занимает в этой таблице только 117–е место.

Дороги, жилищное строительство, здравоохранение, просвещение, снабжение продовольствием, – все стало неузнаваемым. Следует подчеркнуть, что строительству султан Кабус уделяет особое внимание. Он распорядился, чтобы архитекторы в своих проектах сочетали современное зодчество с сохранением национальных традиций. Жилые кварталы оманской столицы состоят преимущественно из невысоких коттеджей, среди которых редко встретишь два одинаковых. Они похожи друг на друга лишь одним: и виллы, и торговые центры, и здания правительственных учреждений несут на себе отпечаток арабской архитектуры.

Султан Кабус призывает не только сохранять национальное наследие – архитектурный стиль, памятники старины, традиционные ремесла, но и возрождать былую славу бесстрашных оманцев–мореходов. Именно оманский лоцман Ахмед бен Маджид вел корабли Васко да Гамы в Индию. А в 18–м веке оманец Абу Убейда бен Абдалла бен Касем совершил морской переход в китайский порт Кантон, покрыв на небольшом парусном судне около 7 тысяч километров.

Призыв султана был услышан. В 1980 году при его поддержке группа оманской молодежи построила корабль по судостроительным канонам 10–го века и достигла берегов Китая. По замыслу Кабуса, это путешествие должно было способствовать преодолению внешней изоляции султаната. Ведь при султани Саиде интересы Омана на международной арене представляла Великобритания.

В объѣѣях запада

Стремясь выйти из состояния внешнеполитической изоляции, султан Кабус в начале 1971 года нанес визиты руководителям ряда консервативных арабских режимов. Он добивался (и добился!) от них поддержки и удовлетворения просьбы о принятии Омана в Лигу арабских государств (ЛАГ). В своих официальных заявлениях султан декларировал приверженность идеям панарабизма и панисламизма, выражал солидарность с борьбой арабских народов против израильской агрессии, за предоставление законных национальных прав арабскому народу Палестины.

29 сентября 1971 года Оман был принят в ЛАГ, а 7 октября стал членом ООН.

Особенно успешно в эти годы складывались отношения оманского султана с шахом Ирана, который изъявил готовность взять на себя функции “по поддержанию порядка” в Персидском заливе. В октябре 1971 года султан посетил Иран, где достиг принципиальной договоренности о координации усилий обеих стран по обеспечению “стабильности” в Персидском заливе, что на практике означало совместную борьбу против патриотических сил в этом регионе, прежде всего в Омане. Султан разрешил шахским военным кораблям беспрепятственно заходить во все оманские порты и свободное плавание в территориальных водах.

Оман всегда был и остается государством прозападной ориентации. Султанат связан с Англией узами договора, подписанного еще 200 лет назад, когда оманские военные корабли расширили сферу влияния страны вдоль побережья Ирана до острова Занзибар, на востоке Африки, который сейчас является частью Танзании. Кстати сказать, дальний родственник Кабуса – султан Джамшид восседал на занзибарском троне до 1964 года, пока не был свергнут.

Султанат Оман был первым арабским государством, установившим в 1883 году контакты с Соединенными Штатами, которые сегодня также крепки, как и раньше.

Впервые султан Кабус официально посетил Вашингтон в 1975 году и договорился с Белым домом о расширении двусторонних связей в политической и военной областях. Особенно интенсивно эти отношения стали развиваться в 1979 году после антишахской революции в Иране. По согласованию с США, осенью того же года Оман выдвинул “план поддержания безопасности в районе Персидского залива”, предусматривавший создание специальной “системы безопасности” с участием США, Англии и ФРГ.

В июне 1980 года султан Кабус заключил с Вашингтоном так называемое “соглашение о доступе”, заложившее правовую основу сотрудничества в области обороны, экономики и торговли. Вооруженные силы США получили право пользоваться военно-воздушными базами на территории Омана. Вскоре султанат превратился в плацдарм для американских “сил быстрого развертывания”, созданных Пентагоном специально для осуществления карательных операций в нефтеносных районах Ближнего и Среднего Востока.

Развивая сотрудничество с США, султан продолжал поддерживать тесные отношения с Англией. В августе 1980 года в Лондоне было подписано англо-оманское соглашение о поставках султанату истребителей-бомбардировщиков, зенитно-ракетных комплексов и другого вооружения на сумму свыше 300 миллионов долларов.

Надо признать, что “особые отношения” Омана с Великобританией иногда раздражают США. Но привязанность султана Кабуса к стране, где он получил образование, от этого не уменьшается.

Жесткость и независимость

Политическая и экономическая зависимость султана Кабуса от США и Англии, тесные контакты с консервативными арабскими режимами в известной мере привязывали его к политике этих стран. Тем не менее, это не мешало (и не мешает) султану проводить достаточно независимый внешнеполитический курс, основанный на национальных интересах. По мнению западных дипломатов, не все первоочередные задачи султана “связаны с арабским миром”.

Так, в отличие от большинства арабских государств, султан Кабус приветствовал мирный договор между Израилем и Египтом, подписанный в 1979 году, отказался участвовать в коллективных санкциях против капитулянтского курса египетского президента Анвара Садата. Больше того, султан Кабус избрал курс на сотрудничество с садатовским режимом и в начале 1980 года подписал с ним секретный “договор о взаимной обороне”.

После убийства А. Садата в октябре 1981 года и прихода к власти в Египте президента Хосни Мубарака султан Кабус стал настойчиво подталкивать другие арабские страны к восстановлению отношений на “безусловной основе”. То есть, без выдвижения в качестве предварительного условия отказа Египта от кэмп-дэвидских соглашений.

Во время ирано–иракской войны султан Кабус, наперекор большинству арабских стран, не скрывал своих симпатий к Тегерану. Решение об установлении в сентябре 1985 года дипломатических отношений с Советским Союзом было принято султаном самостоятельно, невзирая на недовольство ряда его влиятельных союзников.

Любопытный факт: Оман не входит ни в Организацию стран–экспортеров нефти (ОПЕК), ни в Организацию арабских стран–экспортеров нефти (ОАПЕК).

В основе внутренней политики султана Кабуса лежит его вполне понятное стремление сохранить монархию. Поэтому он уделяет особое внимание армии, как главной опоре режима. Военской повинности в Омане нет, армия наемная. Но чтобы заинтересовать оманцев в военной службе, по распоряжению султана, для всех военнослужащих введено высокое жалованье, солдатам стали выдавать ссуды на жилищное строительство.

Не удивительно, что султану удалось создать сравнительно многочисленные (20 тысяч человек), сбалансированные вооруженные силы, которые сегодня хорошо оснащены и обучены. Риска вызвать нарекания со стороны арабских соседей, он в огромной мере опирался на англичан, которые не только помогли ему подавить восстание в Дофаре, обучали и оснащали, но и занимают в них многие высокие должности. Примерно 200 английских офицеров были направлены в Оман министерством обороны Великобритании и еще около тысячи служат по прямому контракту. Проблемы, связанные с процессом “оманизации”, решаются: способных офицеров, например, пилотов реактивных самолетов, назначают на штабные и командные должности.

Вместе с тем борьба оманских патриотов вынудила султана Кабуса в известной мере перестроиться и с учетом новых реалий внести коррективы в традиционный курс. Он понимал, что создание современного государства, которое хотят построить оманцы, требует подлинных связей между народом и правительством. На такой стадии развития Омана это особенно важно, так как султан Кабус держит в своих руках портфели премьер–министра, министра обороны, иностранных дел и финансов. Такая огромная концентрация власти требует, чтобы правитель получал адекватные советы и имел достойных помощников.

Скромное начало для расширения основ этих связей было положено в октябре 1981 года, когда султанским декретом был учрежден Государственный консультативный совет. В его компетенцию

входит рассмотрение вопросов планирования, социального и экономического развития страны. Члены совета (он задуман как прообраз парламента) назначаются султаном на двухгодичный срок. Но султан пошел дальше: учредил специализированные советы по вопросам обороны, финансов, экономического развития, водных ресурсов, молодежи и другие, которые действуют под его непосредственным руководством. Создавая административные органы, султан Кабус выдвигает на руководящие посты не только представителей феодально-племенной элиты, как это было прежде, но и местной, в основном компрадорской буржуазии. Одновременно из госаппарата постепенно вытесняются иностранцы. То есть, продолжается процесс “оманизации”.

И все-таки курс, сочетающий освоение передовых достижений современной цивилизации с верностью традициям оманского народа, прокладывается прежде всего султаном Кабусом. Ведь в своей деятельности он полагается не только на доклады министров. Каждый год он неделями путешествует, сидя за рулем, по своим владениям. Ему интересно самому увидеть истинное положение дел в глубинке, почувствовать настроение людей, отчитаться за свои обещания, данные во время прошлых поездок, проверить исполнение отданных распоряжений. В ходе таких поездок султан Кабус общается с феллахами и бедуинами прямо у костра, принимает с ними пищу из одного котла и ночует под открытым небом.

Не исключено, что именно эти поездки, в ходе которых он убедился в стабильности ситуации в самых отдаленных районах, подтолкнули султана к тому, чтобы в ноябре 1995 года амнистировать 140 человек, приговоренных к различным срокам тюремного заключения за причастность к запрещенным в стране организациям. По сообщениям корреспондентов информационных агентств, в стране больше не осталось узников, осужденных за политическую деятельность. Преступность в Омане практически отсутствует, случаи грабежа или воровства не отмечались. В настоящее время организованной оппозиции, представляющей реальную угрозу режиму, в Омане нет. Больше того, популярность султана Кабуса растет из года в год не только в султанате, но и среди народов других арабских и мусульманских стран.

Причин тому – много...

Жесткий монархический режим накладывает отпечаток на развитие внутривластной, экономической и культурной жизни султаната. Беспрекословное выполнение указов, распоряжений и за-

конов, издаваемых канцелярией Кабуса, строго обязательно. Законы шариата проникли во многие сферы и области быта. Материальное благосостояние, высокий жизненный уровень и современное материально–техническое обеспечение оманцев способствуют стабильности государственной власти и безопасности правящего режима.

В Омане, если верить сообщениям, практически не существует никакого недовольства правлением султана Кабуса. Думаю, что это связано и с тем, что больше половины населения Омана последователи одной из духовных ветвей ислама – ибадизма, сутью которого стало отрицание принципа наследования власти. Имамом мог быть избран любой член мусульманской общины. Но, пожалуй, главное – приверженцы ибадизма отличаются открытостью и терпимостью, уважением к чужой собственности и неспособностью к насилию. Все это явилось одним из условий безболезненного перехода Омана из прошлого в будущее.

А Его Величество султан Кабус бен Саид уже думает над тем, как и с чем Оман войдет в 21–й век...

КОРОЛЬ ФАХД – ИМАМ,
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ, ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ

Только за одно поколение правящая династия Саудидов превратила расположенное в пустыне королевство из скопища отсталых кочевых племен во влиятельную державу со всеми чертами современного государства. Сегодня Саудовская Аравия играет все более заметную роль в политической жизни Ближнего и Среднего Востока. Особое место занимает она и в экономике западных стран: это связано с ее огромными запасами нефти. Доходы королевства от экспорта “черного золота” открыли перед государством широкие возможности для быстрого социально-экономического и культурного развития. Саудовцы гордятся бурным подъемом страны и связывают его с именем короля – Фахда Абдель Азиза Ас-Сауда.

Само название страны – Саудовская Аравия – означает, что оно контролируется кланом Саудидов, который берет свое начало от одного из крупнейших племен Энизах, проживавших на Аравийском полуострове, в Ираке и Сирии. Клан Саудидов с его ответвлениями, и так достаточно многочисленный в период собирания аравийских земель вокруг Эр-Рияда, вырос, используя полигамию, настолько, что превратился в “господствующее племя”, в котором только мужчин насчитывается свыше пяти тысяч.

Отец нынешнего короля (он же первый монарх Саудовской Аравии) Абдель Азиз ибн Сауд родился 5 декабря 1880 года. Именно он после длительной и трудной борьбы провозгласил 23 сентября 1932 года (21 числа месяца Джумада Аль-Уля 1351 годы Хиджры) создание Королевства Саудовская Аравия. Государственный флаг – зеленый, символизирующий цвет рая и любимый цвет пророка. На нем изображена белая сабля, символизирующая “джихад” – “священную войну”, и надпись по-арабски символа веры: “Нет бога кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его”.

Абдель Азиз ибн Сауд скончался 9 ноября 1953 года, отдав 31 год своей жизни борьбе за объединение Саудовской Аравии и обеспечив стране безопасность, мир, стабильность. Более двадца-

ти лет он посвятил делу прогресса и всестороннего развития королевства. Он умер, заложив основы для процветания государства.

Абдель Азиз ибн Сауд оставил после себя 45 законных сыновей. Большинство из них, здравствующих и по сей день, составляют костяк правящей семьи и занимают ключевые посты в королевстве.

Самый старший из сыновей Фахд ибн Абдель Азиз вступил на трон в июне 1982 года после смерти своего брата короля Халеда. Он возглавил страну, имея за плечами почти два десятилетия первоклассного опыта. В годы правления короля Фейсала (1964 – 1975 годы) он хорошо зарекомендовал себя на важнейшем в королевстве посту – министра иностранных дел. Став в марте 1975 года наследным принцем во время пребывания у власти слабого здоровьем Халеда, фактически управлял государством.

Фахд родился в 1922 году и как “принц крови” получил основательное светское и религиозное образование. Его мать – Хоса Ахмед, происходящая из могущественного феодального неджийского клана Судайри, с особой настойчивостью готовила своих сыновей к управлению государством.

Король Фахд возглавляет так называемую “семерку Судайри”. Вместе с ним в нее входят семь его родных братьев. Тесно связанные друг с другом и занимающие ключевые посты в королевстве, они образуют влиятельную группу, своего рода “тайный совет саудовской короны”, который принимает решения по особо важным вопросам. Именно эта группа избирает короля – как правило, не сына, а брата умершего или низложенного монарха. Она же избирает наследного принца.

Фахд – опытный политический деятель, превосходно знающий проблемы Ближнего Востока. В прошлом ему не раз приходилось возглавлять саудовскую делегацию в Лиге арабских стран. При Фейсале вел все дела с Соединенными Штатами Америки. В 1974 году подписал саудовско–американское соглашение о сотрудничестве. Видимо, именно по этой причине американская печать стада называть его “верным другом Америки”.

Фахд действительно стоял у истоков особых отношений Саудовской Аравии с Соединенными Штатами. Именно ему принадлежат слова:

США – не только важнейший потребитель нашей нефти и поставщик новейшей технологии. Америка – наш надежный партнер!

Но саудовско–американские отношения не всегда были безоблачными.

1978 год... В Вашингтоне объявили о предстоящих переговорах Картера, Бегина и Садата в Кемп–Дэвиде. Фахд не скрывал своего положительного отношения к предстоящим переговорам. Он искренне надеялся, что США окажут давление на Израиль и добьются от него уступок законным требованиям арабов.

Арабы пожертвовали всем, чем могли, – подчеркнул Фахд в одном из интервью. – Теперь жертвы должна принести другая сторона, то есть Израиль.

Увы, соглашения и договоренности, обнародованные после Кемп–Дэвида, разрушили надежды Фахда. Смысл этих соглашений сводился к тому, что арабам предстояли все новые и новые жертвы.

Реакция Саудовской Аравии на этот антиарабский крен в ближневосточном урегулировании была – по крайней мере по форме – традиционно сдержанной, но страна не приняла Кемп–Дэвида. Этого президент Картер от Фахда не ожидал. Впервые за многие годы четко обозначились саудовско–американские разногласия. Кое–кто даже говорил о столкновении интересов Саудовской Аравии и Соединенных Штатов.

Конечно, Фахд ожидал от Кемп–Дэвида совершенно иных результатов. Он не только прекрасно сознавал, что сущность достигнутых там соглашений в значительной степени ущемляла интересы арабского мира, но и не мог не понимать, что Картер, Бегин и Садат уготовили Саудовской Аравии второстепенную роль в делах Ближнего Востока.

Естественно, подобные решения не могли не вызвать контрдействий со стороны Фахда. Он проявил характер и дал понять, что Саудовская Аравия примет участие в 9–й конференции глав арабских государств и правительств в Багдаде, намеченной на осень 1978 года. Напомню: созыв конференции был предложен Ираком после того, как в Дамаске состоялась встреча руководителей Сирии, Алжира, Ливии, НДРЙ и ООП, осудивших кемп–дэвидские соглашения.

Однако, несмотря на участие в этой достаточно радикальной конференции, Фахд отнюдь не отказался от “особых отношений” с США. По возвращении из Багдада он заявил:

Саудовская Аравия верит в необходимость справедливого мира на Ближнем Востоке. Его основа – восстановление законных прав арабского народа Палестины, возвращение всех оккупированных Израилем арабских земель, и прежде всего Восточного Иерусалима.

Весь арабский мир ждал от Фахда резкого и недвусмысленного осуждения политики США на Ближнем Востоке. Но наследный принц ограничивался лишь осуждением Израиля.

Долгие годы Саудовская Аравия не выступала с собственными инициативами по урегулированию ближневосточного конфликта. Наконец, в августе 1981 года Фахд выдвинул план установления мира на Ближнем Востоке из восьми пунктов. Он, в частности, предусматривал уход Израиля со всех арабских территорий, захваченных в 1967 году, создание независимого палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме, признание прав всех государств этого региона жить в мире.

Этот план не получил поддержки со стороны радикальных арабских режимов, так как в нем не упоминалось о роли ООП и содержалась косвенная готовность признать Израиль.

Заняв Саудовский трон, король Фахд начал активно привлекать к управлению страной молодых представителей семьи. Особенно это проявилось в местном управлении. Сыновья и полные братья нового монарха заняли места губернаторов основных провинций, включая Мекку, Медину и Эр-Рияд. При Фахде продолжалась практика делегирования полномочий министерствам и другим органам как центрального, так и местного самоуправления.

В первые годы правления король Фахд, до сих пор стремящийся преобразовать влиятельную и консервативную религиозную общину своей страны, призывал исламских богословов “пересмотреть в современном свете некоторые из основополагающих законов и догматов ислама”. Саудовская Аравия, как известно, придерживается пуританского варианта ислама – “ваххабизма” (по имени основателя Мухаммеда ибн Абдель Ваххаба, выступившего в начале XVIII века против любых новшеств в богословии и требовавшего очистить ислам, вернуть ему первоначальный мир).

Фахд высказал предположение о том, что практика “иджти-хада”, или обновление интерпретации учения пророка Мухаммеда богословами, “могла бы содействовать приспособлению законов ислама к современным условиям жизни”. Эта практика, кстати, была прекращена богословами–суннитами в конце IX века. По его мнению, “исламский мир сталкивается с множеством новых обстоятельств, множеством не нашедших ответа вопросов и накопившихся проблем, которые необходимо решать”.

Предложение саудовского монарха тем более интересно, что, едва заняв трон, он предоставил религиозным деятелям возможность безгранично ужесточать нормы ваххабизма. Его первые ука-

зы были направлены на усиление сегрегации женщин и мужчин на работе, а также требовали от предпринимателей в течение дня выделять для своих служащих время на молитву.

Проживавшие в королевстве иностранцы высказывали немало предположений о том, почему король предоставляет такую свободу религиозным деятелям. Кое-кто полагал, что это реакция на упреки в недостатке благочестия у него самого в молодые годы.

По другим предположениям, король старался выиграть время и в конце концов ограничить влияние религиозной верхушки.

Несмотря на определенные успехи в либерализации общественной жизни. Саудовская Аравия по-прежнему считается одной из консервативных мусульманских стран. Здесь женщинам запрещается работать вместе с мужчинами и даже водить автомобиль. Священная книга мусульман – Коран – заменяет конституцию.

Мусульманское духовенство традиционно имеет вес во всех сферах жизни и весьма болезненно реагирует на ограничение своей роли. Фахд прекрасно осознает, что позиции духовенства объективно укрепляют положение Саудовской Аравии в качестве родины ислама, где находятся две главные святыни. Поддержка мусульманских институтов и морали способствует не только укреплению авторитета короля в качестве имама, но и отвечает задачам укрепления международных позиций королевства.

Монарх – по-прежнему центральная фигура в системе политической власти в Саудовской Аравии. Он одновременно является имамом, главнокомандующим и верховным судьей, хотя формально не считается законодателем, поскольку в шариате все законы изложены раз и навсегда. Однако, король имеет право издавать декреты, которые регулируют ситуации, не охваченные шариатом. В руках монарха сосредоточена также высшая исполнительная и судебная власть, хотя на практике он делегирует эти функции государственным учреждениям, институтам или особо влиятельным людям.

Наиболее важные решения монарх принимает, лишь прозондировав мнения, а значит, выяснив интересы правящих групп. Как правило, он совещается с членами клана саудидов, с шейхами племенных конфедераций или племен, эмирами главных провинций, улемами (религиозными деятелями). А в последние годы – с представителями новых социальных групп, связанных с современными секторами экономики, с командованием вооруженных сил и верхушкой бюрократического аппарата.

Социально–экономические перемены в Саудовской Аравии за последние десятилетия проходят динамичнее, чем в других арабских странах. Весомые достижения в развитии экономики и сельского хозяйства, успехи в области образования, культуры просвещения, здравоохранения и других сферах коренным образом изменили облик саудовского общества и в немалой степени способствуют стабилизации существующего режима в стране.

Считается, что устойчивой властью клан Саудидов обязан своему единству. Как утверждает печать Саудовской Аравии, в семье саудидов нет противоречий. Представить себе это довольно трудно, если учесть, что при одном отце – ибн Сауде – у короля Фахда и многих “принцев крови” разные матери. Впрочем, та же печать сообщала, что правление Фахда временами омрачается трениями между ним и его единокровным братом – наследным принцем Абдуллой ибн Абдель Азизом, который должен следующим унаследовать престол.

Однако, те, кто бывал в Саудовской Аравии, сходятся во мнении, что сообщения о разногласиях в значительной степени преувеличены. И все же давнее соперничество между Фахдом и Абдуллой существует. Они очень разные...

Располневший, всегда невозмутимый Фахд, когда–то увлекавшийся азартными играми. Высокий, крепкий Абдулла – страстный поклонник пустыни с ее скачками на верблюдах и соколиной охотой. Хотя, по мнению многих, Фахд более компетентен, Абдулла производит впечатление человека уверенного в себе. Он не боится открыто заявлять о своих взглядах, даже если они довольно спорные. Однако этот наследный принц страдает сильным заиканием. Из–за этого он иногда вынужден смущенно молчать.

И все–таки можно сказать, что час его пробил. В начале 1996 года тяжело больной Фахд, предвидя проблемы, которые может вызвать его смерть, официально передал полномочия по управлению страной наследному принцу Абдулле. Тот, кстати сказать, уже давно стремился к верховной власти. И хотя состояние его здоровья для 75 летнего человека неплохое, вряд ли его правление будет долгим. Ведь у него нет такого механизма укрепления власти, как у группировки Судайри. Не имея ни одного полного брата, ему придется добиваться создания коалиции для проведения своей политики.

Фахд находится на троне второй десяток лет. Взвешенная и осторожная внешняя политика, проводимая Саудовской Аравией, ее решительные действия в спасении Кувейта, ставшего жертвой

иракской агрессии, ее позиция в отношении радикальных режимов в исламском мире укрепляют авторитет и повышают роль королевства на международной арене.

Позитивные сдвиги происходят и в сфере российско–саудовских отношений. Напомню, что 16 февраля 1926 года Саудовская Аравия установила дипломатические отношения с СССР. В 1937 году советская миссия покинула Джидду, но формально дипотношения между двумя странами не были прерваны.

Размораживание дипломатических отношений, налаживание торгово–экономического и культурного сотрудничества, политические контакты, несомненно, открывают широкие перспективы для крупномасштабного взаимовыгодного сотрудничества между нашими странами.

...В своей первой речи 13 июня 1982 года, в день восхождения на престол, король Фахд сказал, обращаясь к своим подданным:

Я сознаю всю степень ответственности, возложенную на меня Аллахом. Да поможет мне, Аллах, вынести эту ношу. Я клянусь, что не пожалею ни сил, ни времени для служения вашему благу, делу процветания, безопасности и стабильности нашей великой страны. Я клянусь, что буду отцом – молодым и братом – взрослым. Я – один из вас и переживаю ту же боль, что и вы, и испытываю ту же радость, что испытываете вы.

Король Фахд сдержал свои обещания и привел Саудовскую Аравию к еще более высокому уровню благосостояния, обеспечил безопасность и стабильность стране.

ХОСНИ МУБАРАК – “ГОСПОДИН ЧЕСТНОСТЬ”

Десять сантиметров! Именно такое расстояние отделяло вице–президента Хосни Мубарака от смерти 6 октября 1981 года, когда во время военного парада был убит (точнее сказать – казнен) египетский президент Анвар Садат.

Он до сих пор слышит свист пуль, летавших вокруг него. Помнит то мгновение, когда один из нападавших крикнул ему: “Посторонись! Нам нужен не ты, нам нужен Фараон!” Видит Садата, лежащего в луже крови...

Вечером того же дня, потрясенный, но невинный, Мубарак официально известил соотечественников о смерти главы государства. Через неделю он стал президентом Египта. В том году ему исполнилось 53 года и он, судя по всему, был весьма доволен своей ролью вице–президента. Но...

Взлет

15 апреля 1975 года Садат назначил 47–летнего командующего ВВС Египта Хосни Мубарака вице–президентом.

Я выбрал его за лояльность и надежность, – объяснил он свой шаг несколько недель спустя.

Чуть позднее, говоря о Мубараке, египетский лидер отметит такие его качества, как упорство, преданность и компетентность.

Жена президента – Джихан Садат, которая к тому времени имела уже достаточное влияние на мужа, согласилась с этим выбором. Она, по собственному признанию, находила Мубарака “лишенным каких–либо амбиций, чтобы оставаться преданным ее супругу”.

Сам Мубарак, по его словам, был удивлен и озадачен, когда Садат вызвал его и предложил пост вице–президента. Его никогда не интересовала карьера политического или государственного деятеля, поскольку он тайне мечтал стать начальником генерального штаба египетской армии.

Надо сказать, что столь неожиданный выбор Садата привел в замешательство и его ближайшее окружение. Впрочем, вскоре причины этого шага стали понятны: президент хотел заручиться поддержкой военных. Выяснилось также, что на выбор египетского

лидера повлияло, как говорили в свите Садата, “единство взглядов на сближение Каира и Вашингтоном” и “аллергия” к Советскому Союзу, которой страдал и тот, и другой.

Как бы то ни было, Мухаммед Хосни Сейид Мубарак стал вторым человеком в Египте, правой рукой Садата, его тенью. До этого он сделал блестящую карьеру профессионального военного.

Будущий президент родился 4 мая 1928 года в египетской глубинке – в деревушке Кафр Эль–Мусыльха (провинция Мануфия), в дельте Нила. Его отец владел небольшим участком земли и одновременно работал в юридическом управлении провинции.

Хосни воспитывался не в роскоши. Его друзьями и одноклассниками были дети феллахов. Видимо, этим объясняются открытость и простота президента.

Он учился настойчиво, и после окончания школы родители советовали ему продолжить образование в Каирском университете на факультете изящных искусств. Однако он решил по–иному...

Война 1948 года с Израилем показала: арабские армии небоеспособны. В египетский офицерский корпус начался приток молодежи из средних слоев, в том числе из сельской местности. Хосни Мубарак избрал профессию военного летчика. Закончив с отличием в 1949 году военный колледж, он служил на Синае, затем был инструктором воздушной академии, неоднократно выезжал в 50–х годах в СССР, где обучался полетам на современных типах самолетов, которые Советский Союз передавал Египту.

В 1956 году Мубарак принимал участие в отражении англо–франко–израильской агрессии.

Как–то в 1957 году один из курсантов академии пригласил инструктора Мубарака к себе в гости и познакомил с сестрой – тогда 16–летней школьницей Сюзан Сабет. Менее чем через год они поженились.

Будущий президент работал не щадя сил. И спрашивал с подчиненных. Способности молодого летчика были замечены – в 1959 году он был назначен командиром эскадрильи бомбардировщиков ТУ–16, а через несколько лет – командиром авиабригады. Высшее военное образование получил в СССР в Академии имени Фрунзе, в которой учился в 1964–1965 годах.

Когда в 1962 году началась гражданская война в Северном Йемене, Мубарак оказался в составе египетского контингента, направленного в эту страну, принимал участие в боевых действиях и зарекомендовал себя отважным и умелым военным летчиком.

Самым трудным испытанием для Египта стал 1967 год. Израиль нанес тяжелое поражение египетской армии. Практически полностью была уничтожена авиация.

Сразу же после войны Мубарак был назначен начальником военного колледжа в Бильбейсе. Перед ним поставили задачу: учитывая нависшую над страной опасность, увеличить выпуск пилотов, сократив срок их подготовки с 4 до 2 лет. Пришлось ломать всю систему обучения. Мубарак сутками не выходил из колледжа, лично следил за соблюдением распорядка дня и учебой курсантов.

Замеченный Насером, Мубарак в 1969 году становится генералом авиации и назначается начальником штаба египетских ВВС. К этому времени он уже три раза прошел летную переподготовку в Советском Союзе. Кстати сказать, завидовавшие ему офицеры, используя этот факт, стали распространять слухи, что, дескать, Мубарак, стажирясь в Москве, превратился в “прокоммуниста”. Реальность, однако, другая. Он неплохо говорит по-русски, отдает должное самолетам советского производства, но его никак нельзя считать “прокоммунистом”. Скорее наоборот...

В 1972 году Мубарак назначается командующим военно-воздушными силами страны и одновременно заместителем министра обороны. Эти должности позволили ему реорганизовать египетскую авиацию, не отвечающую в то время современным требованиям, и подготовить ее к войне с Израилем, начавшейся 6 октября 1973 года. Надо признать, что тогда ВВС Египта добились впечатляющих результатов.

Мубарак становится национальным героем, получает из рук Садата “Звезду Синая” – самую высокую египетскую военную награду – и погоны генерала армии.

Своим военным “восхождением” он – выходец из простой семьи – обязан эпохе Насера. К политическому взлету его подтолкнул Садат, назначив вице-президентом и тем самым открыв ему путь к высшей власти.

С тех пор этот широкоплечий, плотного телосложения генерал стал овладевать искусством политического “пилотажа”. Садат, следует подчеркнуть, предоставил ему для этого самые широкие возможности, сделав его своего рода “разъездным послом”. Он возложил на него выполнение деликатных, подчас трудных поручений, в частности, по налаживанию связей с прозападными арабскими режимами. Доверил ему руководство египетским агентством по приобретению оружия.

Стремление Садата играть ведущую роль на международной арене, его частые поездки за рубеж дали Мубараку возможность укрепить свои позиции внутри страны. Он начал с того, что реорганизовал политическую полицию и секретные службы, которые проникли во все поры египетского общества. Ему, разумеется, не удалось излечить все недуги этих ведомств, но в результате проведенной чистки он смог избавиться от скомпрометировавших себя элементов.

Став в 1978 году вице–президентом Национал–демократической партии, созданной Садатом взамен им же распущенного Арабского социалистического союза, Мубарак приобрел влиятельных друзей, что еще больше упрочило его положение.

В течение шести с лишним лет вице–президент добросовестно претворял в жизнь политику своего патрона. В верхних эшелонах власти о нем отзывались с уважением, отмечали его интеллигентность, природную смекалку, твердость и прямоту, работоспособность.

Простые египтяне ценили вице–президента за неподкупность. Он сумел остаться в стороне от коррупции, которой были заражены Садат, его родственники, многие высокопоставленные чиновники, не стесняясь грабившие страну. Не удивительно, что египтяне до сих пор называют Мубарака “господин честность”.

Возможно, он так и остался бы добросовестным вице–президентом. Но пули, поразившие Садата, продвинули Мубарака еще дальше – он стал президентом Египта.

Самостоятельный полет

Хосни Мубарак унаследовал от Садата почти монархический режим, изолированный в арабском мире и погрязший во внешних долгах. Однако и в народе, и в среде светской оппозиции, многие представители которой оказались при Садате за решеткой, приход к власти нового “раиса” (президента) встретили с большими надеждами на перемены.

Мубарака поддержали потому, – писал в одной из статей известный египетский журналист Хейкал, – что он был самым подходящим человеком, способным рассеять страх, царивший в Египте, и залечить нанесенные стране психические травмы. Египтянам нужен был человек, который не стал бы строить грандиозные планы, но и не довел бы страну до катастрофы.

Спокойный, скромный, но решительный – новый президент обеспечил переход власти практически без единого ложного шага.

Как показало время, бывший военный летчик, отправившийся в первый самостоятельный полет в качестве главы государства, не

только не спасовал перед доставшимися от Садата бедами, но и с честью вышел из многих последовавших испытаний, укрепив свой авторитет. Подтверждение тому – участие президента Мубарака в совещании глав арабских государств и правительств, проходившем в Касабланке в мае 1989 года, и затем избрание его на пост председателя Организации африканского единства (ОАЕ).

Но это будет позднее... Пока же Мубарак, заняв президентское кресло, выпустил на свободу всех политических заключенных и обменялся с ними рукопожатиями.

Члены организации, покончившей с Садатом, были отданы под суд, а затем казнены или заключены в тюрьму. Правда, вскоре было обнаружено немало тайных экстремистских исламских группировок, одна из которых – “Аль-Акса” в мае 1982 года приговорила президента к смертной казни.

Однако, благодаря активной деятельности секретных служб, Мубарак сумел отделить “умеренные” элементы исламской оппозиции, отвергавшие насилие как метод внутривосточной борьбы, от “неисправимых экстремистов”. В результате, за первые двенадцать месяцев правления он освободил 4.000 исламских активистов. Эти меры напоминают первый этап правления Садата, который также выпустил на свободу “братьев-мусульман”, заключенных его предшественником в тюрьму, и предоставил им право проповедовать свои взгляды.

Забегая вперед, скажу, что Мубарак, зная об опасности, исходящей от исламских экстремистов, избегает крутых мер в религиозной сфере. Он понимает, что проблема радикального исламского фундаментализма по-прежнему остается на повестке дня. Хотя экстремисты и загнаны в подполье, они в любое время могут объявиться, как это уже случилось в октябре 1981 года, когда был убит (или казнен) Садат.

Что касается светской оппозиции, то, придя к власти, президент сразу же заявил о готовности начать диалог с ее лидерами. Он разрешил деятельность оппозиционных партий и даже их представительство в парламенте. Кроме того, он согласился с возобновлением издания газет оппозиции.

Стремясь упрочить свое положение, и вместе с тем будучи вынужденным считаться со сторонниками Садата, сохранившими ключевые посты в политической и экономической жизни, новый президент начал осуществлять постепенную “десадатизацию”. По его прямому указанию были отданы под суд брат покойного лидера – Исмаил Садат и его сыновья, руководившие мошенническими опе-

рациями. Процесс над ними, по мнению многих наблюдателей, позволил Мубараку продемонстрировать свою решимость ликвидировать коррупцию в египетском обществе.

Большинство из тех, кто следил за деятельностью Мубарака на начальном этапе, единодушно отмечали, что он заявил о себе как деятель “нового типа”. Когда его спросили: “Какой политической линии вы намерены следовать – Насера или Садата?”, он ответил с улыбкой: “Своей собственной, разумеется”.

Тут же уточнил, что его политика будет основываться на четырех принципах: демократический плюрализм, открытость, честность и решение экономических проблем.

(Политика Садата зиждилась на четырех “китах”: управляемая демократия, “инфитах” – либерализация экономики, союз с Западом и примирение с Израилем.)

Нет, президент Мубарак не подвергал сомнению (во всяком случае публичному) основные направления политического курса своего предшественника. Но пытался расширить свободу действий в унаследованных рамках, отказываясь одновременно от сенсационных жестов в стиле Садата. Более того, он не пытался замаскировать словесной демагогией стоявшие перед Египтом проблемы, как это делал бывший лидер. В противоположность Садату Мубарак не предпринимал показных попыток решить внутренние проблемы перетряхиванием своего кабинета. Но зато в первых речах он постоянно призывал к росту производительности труда, усилению чувства ответственности, к социальной справедливости.

В отличие от Садата новый президент воздерживался от обещаний, но неизменно пытался дать новый импульс экономической политике. Он часто говорил о модернизации экономики, однако на практике существенного прогресса пока не добился. Прежде всего потому, как считают египетские экономисты, что он колеблется при принятии принципиальных решений относительно того, пойдет ли Египет по капиталистическому или социалистическому пути.

Не удивительно, что президент Мубарак постепенно выработал новый, необычный для политического деятеля из третьего мира подход к решению многих внутренних проблем. Он медленно, но верно стал развивать в Египте демократию, веря, что именно она обеспечит в долгосрочной перспективе политическую стабильность режиму. Кроме того, он откровенно заявил своему народу, что правительство не в силах решить все стоящие перед ним проблемы.

Новый Египет будет построен только трудом египтян, – любит повторять президент.

Тем не менее, Мубарак в своем намерении оздоровить экономику по-прежнему исходит из того, что “инфитах” — политика открытых дверей, начатая Садатом, в принципе была правильной, но неудачно проводилась в жизнь и была дискредитирована коррупцией и кумовством, царившими в Египте. Получив благодаря кэмп-дэвидским соглашениям “особые” отношения с США, президент Мубарак старался и старается выжать из них максимум возможного как в политическом, так и в экономическом плане, умело играя на стремлении американцев закрепиться на Ближнем Востоке.

Используя такую козырную карту, как угроза замораживания, а то и разрыва дипломатических отношений с Израилем, Мубарак получил возможность в какой-то степени влиять на ближневосточную политику США. Разумеется, степень этого влияния переоценивать не стоит, но оно, тем не менее, есть.

Президент Мубарак, несомненно, ценит связи Египта с США, поскольку получает от них два, а то и больше, миллиардов долларов ежегодно в виде безвозмездных даров, займов и военных кредитов. Эти инъекции стали для него тем “спасательным кругом”, который удерживает на плаву египетскую экономику.

Но и здесь имеются строгие лимиты на сотрудничество, особенно на политическом уровне. Так, к примеру, на предложение США помочь в строительстве военной базы на Красном море для своих сил быстрого развертывания египетский президент ответил решительным отказом. Он заявил, что Египет построит ее сам и сохранит там свой контроль. Американцы же смогут использовать ее, когда Каир сочтет военное вмешательство Вашингтона необходимым.

Никогда не отказываясь от “особых” отношений с США, президент Мубарак в то же время приложил заметные усилия для восстановления нормальных дипломатических отношений с Советским Союзом, которые были полностью нормализованы в 1984 году. Еще через год начали постепенно развиваться экономические связи, в первую очередь торговые. Сегодня устранены практически все препятствия, долгое время тормозившие развитие отношений между нашими странами.

Не следует думать, однако, что “самостоятельный полет” президента Мубарака проходил гладко. Израильское вторжение в Ливан в июне 1982 года вызвало внутреннее давление на Мубарака с целью изменить характер египетско-израильских отношений. Умеренная оппозиция требовала свернуть нормализацию, отозвать египетского посла, а израильского выдворить. Религиозная оппози-

ция считала, что единственным ответом на агрессию должен стать “Джихад” – “Священная война”.

Президент оказался в весьма затруднительном положении. В ответ на рост антиизраильских и антиамериканских настроений он запретил публичные демонстрации. Требования оппозиции характеризовались в печати как авантюристические. В то же время Мубарак публично осудил израильское вторжение, причем, осуждение коснулось и США.

Когда же произошла резня в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила, Мубарак понял, что если он хочет сохранить частицу уважения в народе, ему необходимо что-то предпринять. Он решился, наконец, на отзыв египетского посла из Тель-Авива. Разумеется, он прекрасно понимал, что этот шаг является запоздалой мерой, но все же это было лучше, чем ничего.

Еще одним серьезным испытанием для Мубарака стали волнения 17 тысяч недовольных сотрудников сил внутренней безопасности. Армия быстро подавила эти волнения, имевшие место в феврале 1986 года, а сам президент, благодаря решительным действиям в момент кризиса, еще больше упрочил свои позиции. Впрочем, эти события были для Мубарака своего рода предупреждением, показавшим, что если экономические, социальные и политические проблемы не будут решены, терпение многострадального египетского народа может истощиться.

Высший пилотаж

В октябре 1987 года Народное собрание Египта единодушно избрало Хосни Мубарака президентом на второй шестилетний срок. В ноябре того же года Лига арабских стран (ЛАС) приняла решение о том, что ее члены могут восстановить, если пожелают, полные дипломатические отношения с Египтом. Девять стран, включая Саудовскую Аравию, почти немедленно направили своих послов в Каир.

В декабре того же года в Каире был поднят флаг над представительством Организации освобождения Палестины (ООП). Тем самым Мубарак продемонстрировал, что Египет опять готов играть роль регуляров, содействующего переговорам ООП и США, Иордании и Израиля о созыве мирной конференции по Ближнему Востоку.

Одним из основных факторов, определивших в конечном счете успех стратегического курса дипломатии Мубарака на полное возвращение Египта в арабские ряды, явилось точно продуманное, последовательное поведение Каира в его контактах с Тель-

Авивом. С момента прихода к власти новым президентом была выработана очень удачная форма отношения Египта к Израилю: “Перспективы развития двухсторонних связей определяются общей ситуацией на Ближнем Востоке, процессом ближневосточного урегулирования”. Такая формулировка (а Мубарак следовал ей неукоснительно) давала возможность держать Израиль на почти-тельном расстоянии. С другой стороны, подобная позиция, явно направленная на защиту общеарабских интересов, не могла остаться незамеченной в арабских столицах.

Не остался незамеченным и такой факт: президент Мубарак – единственный египетский руководитель высокого ранга, который отказался посетить Израиль, несмотря на многочисленные официальные приглашения. Правда, когда его уже совсем одолели, и он не мог противостоять нажиму, ему пришлось отправиться на несколько часов в небольшой израильский населенный пункт, расположенный в пустыне Негев. “Я сделал это против моего сердца...” – признался он позднее.

Кроме того, египетский президент охотно предлагал свои услуги для урегулирования многих двухсторонних конфликтов, например, ирано–иракского. Все это помогло созданию совершенно нового представления о Египте, коренным образом отличавшегося от садатовского. Во многом этому способствовала и личность самого Мубарака.

Действительно, новый президент заметно отличается от своего предшественника.

Садат любил официальные приемы, пышные ужины, церемониал. Он буквально наслаждался этим. Мубарак не любит светскую жизнь, ненавидит все, что, по его мнению, является излишеством.

Садат обожал появляться на публике в пестрых военных мундирах при многочисленных орденах. Мубарак не надевает форму с тех пор, как занял гражданский пост.

Садат был полностью коррумпирован, Мубарак – неподкупный патриот.

Садат проводил время в роскошных дворцах. Мубарак живет в небольшой 2–этажной вилле, построенной им еще в 1971 году на собственные средства. Садат прирожденный актер, любитель света рампы и длинных утомительных речей. Мубарак не обладает красноречием, но он также лишен склонности своего предшественника к экстравагантным театральным жестам, откровенно недолюбливает говорунов и не терпит словоблудия.

Интеллигенты подсмеиваются над ним, рассказывают про него всевозможные истории. Но не злые, как о Садате.

Мубарак искренне предан делу демократии, Садат только ловко жонглировал этим термином. Новый президент на деле доказал, что его выступления в защиту свободы личности – не пустые слова. При нем, как отмечают наблюдатели, политическая жизнь в стране стала более демократичной, чем при Садате.

В Египте многие считают, что Мубарак, став свидетелем покушения на своего предшественника, извлек из этого важный урок: лучше двигаться вперед постепенно и рисковать лишь незначительными неудачами, чем пытаться руководить страной в диктаторском стиле Садата, чреватым потрясениями. Наверное, именно поэтому осторожность, прагматизм, умеренность и последовательность стали отличительными чертами политического курса при новом президенте.

Называя Мубарака “олицетворением осторожности”, уже упоминавшийся Хейкал подчеркивает, что это “осторожность опытного летчика, которому прежде чем он поднимет самолет в воздух, нужны точные данные о погоде, нагрузке и прочие сведения”.

По мнению одного западного дипломата, Мубарак, по существу, остался “прямолинейным командиром, который отдает приказы и ожидает повиновения”. Но он не диктатор. Он прежде всего военный, который сердится, если его распоряжения не выполняются.

Египтяне в большей степени, чем жители других стран, ценят в своих руководителях оттенок некоторого величия. Поэтому многие из них критикуют Мубарака за его скромный костюм, неизысканную речь и чрезмерную робость. Они считают, что ему недостает размаха настоящего государственного деятеля.

Как бы то ни было, но благодаря упорству и тонкому чувству такта президент Мубарак сумел сплотить Египет, вернуть ему прежний авторитет, что рассматривается в Каире, как повод для торжества.

Арабы не могли понять непредсказуемого Садата и не доверяли ему. Мубарак же с его последовательной и реалистичной внешнеполитической линией им понятен и вызывает доверие. С ним хотя и имеют дело.

Такое мнение я слышал от арабских корреспондентов, аккредитованных в Москве, с которыми мне довелось беседовать.

Именно рассеяв крайне неблагоприятное впечатление, произведенное на арабский мир Садатом, президент Мубарак сумел вернуть к себе арабов.

Год 1989-й стал поворотным и для Египта, и для Мубарака. Президент начал играть все более заметную роль на ближневосточной, африканской и даже мировой сценах.

Национальным героем встретили египтяне вернувшегося из Касабланки Мубарака, где проходила межарабская встреча в верхах. Тысячи каирцев, все руководство страны приехали в аэропорт, чтобы отдать дань уважения человеку, во многом определившему триумф египетской дипломатии – восстановление Египта в ранге полноправного члена Лиги арабских стран.

Там, в Касабланке, Мубарак уже в первой речи с присущей ему решительностью дал понять, что Каир намерен обеспечить себе непререкаемое лидерство в арабском мире.

Наряду с повышением своего престижа за рубежом, египетский президент укрепил свою власть и внутри страны.

Многие вспоминают, что в первые годы правления Мубарак воспользовался в своих интересах состоянием всеобщего облегчения, наступившим после гибели Садата, и прекращением театрализованных выступлений бывшего президента. Благоразумие нового главы государства воспринималось скорее как свидетельство мудрости, а не как признак робости. Часто можно было услышать ссылку на то, что пилот-инструктор Мубарака рекомендовал ему сначала овладеть рычагами управления, а уже потом начинать полет. Он набирал очки, делая особый акцент на скромности и ориентируя средства массовой информации на уменьшение внимания к его персоне и членам семьи. В числе некоторых других новшеств он дал себе клятву ограничить свои речи до одного часа. Это обещание было с радостью встречено должностными лицами, привыкшими выслушивать многочасовые разглагольствования Садата.

Но со временем речи Мубарака неумолимо удлинялись, а нравоучительные сентенции стали занимать в них все больше места. Стремление президента не оставить без внимания ни одно событие достигло предельной точки. Достойные похвалы усилия его супруги Сюзанны, направленные на решение детских проблем, все же не заслуживают, по мнению египтян, ежедневного упоминания в теленовостях.

Египтяне высоко оценивают успехи президента во внешней политике. Однако внутри страны продолжают расти безработица,

имущественное неравенство. Отсутствие каких-либо серьезных попыток взяться за решение этих буквально берущих за горло проблем со стороны раздутого правительственного аппарата вызывает недовольство режимом в деловых кругах. Президента также критикуют за то, что он не принимает достаточно решительных мер для борьбы с продолжающейся коррупцией в верхних эшелонах власти.

Сегодня, как и в годы службы в ВВС, президент просыпается в пять утра и готовит завтрак для семьи. С шести до восьми изучает доклады и сообщения, после чего уезжает в свою канцелярию.

До 15.00 – встречи с иностранными делегациями, совещания с членами кабинета и специалистами. Затем 2-часовые занятия спортом в клубе ВВС – гимнастика и сквош (игра, напоминающая теннис).

Своей подтянутой фигурой президент может дать фору молодым людям.

Вечером – продолжение рабочего дня.

За годы правления президент Мубарак зарекомендовал себя, если не как большой государственный деятель, то по меньшей мере, как искренний и надежный арабский руководитель. Не в силах решить многочисленные проблемы страны, он, тем не менее, делает все возможное, чтобы помешать деградации.

Задачи, стоящие сегодня перед Мубаракom, нелегкие, ибо Египет расположен в регионе, где экстремизм представляет собой обычное явление, а умеренный подход – исключение.

Успех и неудача президента будут зависеть от многих факторов, среди которых – отношение к нему патриотических сил Египта, степень сотрудничества региональных сил, уровень международной поддержки.

По мере того, как в памяти египтян стираются воспоминания об эпохе Садата, они, по-видимому, хотят большего, чем дает им Мубарак. Избавиться от наследия Садата, как считает Хейкал, это еще не все. Теперь президенту необходимо перейти к следующему этапу: разработать новые программы, проявить талант руководителя, изобретательность и инициативность.

Хосни Мубарак может сделать еще очень многое, – убежден египетский журналист, хорошо знавший и Насера, и Садата. – Единственное, что он не должен делать – это ждать...

БЕН АЛИ – ЧЕЛОВЕК ОБНОВЛЕНИЯ

Тунисцы отлично помнят, как в субботу 7 ноября 1987 года в 6 часов 30 минут радио неожиданно прервало концерт популярной ливанской певицы Фейруз и сообщило, что 84-летний пожизненный глава государства Хабиб Бургиба смещен со своего поста, который “отец нации” занимал со дня провозглашения республики в 1957 году.

Операцию по смещению Бургибы осуществила без единого выстрела группа видных государственных деятелей во главе с премьер-министром Зин аль-Абидином Бен Али. Он же слегка взволнованным голосом зачитал свое обращение к нации, известив соотечественников о том, что данное решение принято в соответствии с 57-й статьей конституции и на основе медицинского заключения (его подписали семь ведущих врачей, а затем заверил прокурор республики) о состоянии здоровья престарелого президента.

Учитывая, что возраст и болезнь Бургибы не позволяли ему выполнять возложенные на него обязанности, – объявил премьер-министр, – я счел своим национальным долгом взять на себя функции главы государства и главнокомандующего вооруженными силами.

В тот же день Бен Али принял присягу на пленарном заседании парламента в присутствии членов нового кабинета министров и высших офицеров тунисской армии. В своем заявлении он обещал посвятить себя деятельности по воплощению в жизнь “демократической ориентации” в рамках конституционной законности и “полного уважения личности Бургибы”. Он обещал также “плодотворное сотрудничество между законодательной и исполнительной властью”, охрану новым режимом национальной независимости и территориальной целостности страны.

По решению правящей Социалистической дустуровской партии в соответствии с 23-й статьей партийного устава Бен Али стал ее председателем.

Все прошло мирно, без какого-либо сопротивления и, главное, в рамках Конституции. Завершилась эра Хабиба Бургибы, который

любил повторять, что такого человека, как он, будет нелегко заменить. Началась эра Бен Али...

Путь наверх

Второй президент Тунисской Республики родился 3 сентября 1936 года в Хаммам–Сусе. Семья была многодетной – в ней росли шесть мальчиков и пять девочек.

Среднее образование получил в лицее в Сусе. Будучи старшеклассником, включился в активную подпольную деятельность за независимость своей страны. Он сражался в рядах молодежной организации, являясь связным между районными отделениями Социалистической дустуровской партии. Его несколько раз арестовывали, бросали в тюрьму, подвергали допросам.

После провозглашения независимости Туниса 20–летний Бен Али направляется учиться во Францию в числе тех, кто был призван составить ядро будущих национальных вооруженных сил. Там он окончил высшее военное училище в Сен–Сире.

Позднее Бен Али получил дипломы не менее престижных военных учебных заведений – артиллерийского училища в Шалон–на–Марне (Франция), высшей школы разведки и безопасности и школы ПВО (США). Воинское звание – генерал. Награжден тунисскими и иностранными орденами. Он – кавалер орденов Независимости и Республики.

С 1958 года он – офицер генерального штаба тунисской армии. Последняя должность – начальник службы военной безопасности.

В 1974 году Бен Али назначают военным атташе в Марокко, откуда он вернулся в 1977 и стал шефом канцелярии министра обороны. В декабре того же года его переводят на должность генерального директора службы национальной безопасности.

В апреле 1980 года Бен Али снова отправляется за границу. На этот раз – послом в Варшаву. Вернувшись в Тунис в январе 1984 года, он снова занял прежней пост в службе национальной безопасности.

Десять месяцев спустя его повышают, назначив государственным секретарем по вопросам национальной безопасности. Еще год спустя он становится министром этого ведомства.

28 апреля 1986 года президент Бургиба назначает Бен Али министром внутренних дел.

Он этого заслуживает, – сказал тогда “отец нации”. – У него крепкая хватка и он сумеет удержать страну в руках.

(В скобках замечу, что Бен Али, по свидетельству многих сотрудников министерства внутренних дел, зарекомендовал себя на этом посту противником крайних мер, в частности, применения силы, а тем более, оружия).

В июне того же года на 12-м съезде правящей Социалистической дустуровской партии его избирают в политбюро и одновременно заместителем генерального секретаря.

В середине 1987 года в ходе очередной реорганизации кабинета Бургиба возводит Бен Али в ранг государственного министра, что упрочило его растущее политическое влияние.

2 октября 1987 года “верховный борец”, как неизменно именовался глава государства, назначает Бен Али премьер-министром (пятым по счету), который автоматически стал его официальным преемником, а также генеральным секретарем Социалистической дустуровской партии. Одновременно он сохранил и пост министра внутренних дел.

В день назначения премьер-министром Бен Али сформулировал цель своей политической программы – построить в Тунисе процветающее, открытое, миролюбивое общество, основанное на справедливости и терпимости.

После рабочего заседания, состоявшегося 5 октября 1987 года, один из министров сказал о Бен Али.

Он выбран не случайно, ибо соответствует обстановке в Тунисе. Он знает существующие проблемы, положит конец разброду и сведению счетов.

Здесь необходимо подчеркнуть, что к моменту назначения Бен Али на пост премьер-министра политическая жизнь страны фактически приостановилась из-за “непредсказуемых решений хозяина дворца в Карфагене”. Очевидно, именно тогда Бен Али начал обдумывать смещение старца-президента, тем более, что пост главы правительства давал ему возможность воспользоваться 57-й статьей Конституции. Она предусматривала, что “в случае смерти президента или его отставки” премьер-министр берет на себя обязанности президента (а также главнокомандующего вооруженными силами) и остается им до очередных парламентских выборов, проводимых раз в пять лет.

И Бен Али воспользовался предоставленной ему конституционной возможностью.

Вызов президента

Когда утром 7 ноября 1987 года Бен Али обратился к народу, думаю, мало кто мог в те часы предполагать, что его заявление, получившее позднее официальное название “Декларация 7 ноября”, станет подлинной программой политических действий, а провозглашенные в нем принципы быстро найдут претворение в общественной жизни. Уже по прошествии нескольких недель стало ясно, что речь идет не о некоем успокоительном сообщении, коим сопровождают свой приход к власти новые главы государств в небольшом числе стран мира, а о широкой программе преобразований.

В своем первом обращении к гражданам страны Бен Али высоко оценил роль Хабиба Бургибы в деле освобождения Туниса и становления его на путь национального развития. Он призвал соотечественников к сотрудничеству с новым режимом в “обстановке доверия, безопасности и спокойствия”. Долгом всего народа, сказал новый президент, является “сохранение независимости родины, ее прогресса”. Все члены общества должны внести вклад в управление делами страны в рамках “ответственной демократии” и в духе уважения “суверенитета народа”.

В области внешней политики, заявил Бен Али, будут сохраняться отношения сотрудничества со всеми странами, “особенно братскими и дружественными”, Тунис останется верным своим обязательствам в международном плане. Он придал особое значение сохранению “исламской, арабской, африканской и средиземноморской солидарности на основе общих интересов”.

Президент обещал пересмотреть закон о политических партиях, организациях и печати, а также отдельные статьи конституции, чтобы “покончить с хаосом, попустительством и расточительством общественной собственности”, чтобы гарантировать самое широкое участие граждан в перестройке страны.

Тунисский народ, – подчеркнул Бен Али, – достоин политической жизни основанной на многопартийности и плюрализме общественных организаций. Своего решения ожидают сотни важных дел.

Первым шагом нового президента на пути обеспечения гражданских свобод явилось освобождение из тюрем всех политзаключенных, включая лиц, принадлежавших к экстремистским организациям “Джихад аль-Ислами” (“Священная исламская война”) и “Движение исламского направления”.

(По данным тунисской прессы, теперь в стране нет ни одного человека, заключенного в тюрьму за свои мысли и убеждения).

По распоряжению Бен Али была повышена по службе группа высших офицеров вооруженных сил, произведены некоторые перестановки в руководстве туниССкой армии.

Затем президент упразднил суд по делам государственной безопасности, ликвидировал пост генерального прокурора республики. Он ограничил четыремя днями право полиции держать под арестом лиц, находящихся на подозрении, до передачи их судебным органам.

С приходом Бен Али возвратились на родину многие видные туниССы–эмигранты.

В июле 1988 года Тунис стал первой арабской страной, ратифицировавшей конвенцию, запрещающую применение пыток, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН в 1984 году.

Более свободно, чем когда–либо, вздохнула национальная пресса, получившая возможность ставить и обсуждать социальные и политические вопросы.

Выражением воли президента “идти быстрее и далеко” явилось проведение в 1988 году съезда правящей Социалистической дустуровской партии, переименованной в Демократическое конституционное объединение (ДКО), который провозгласил курс на демократизацию общественной жизни, достижение плюрализма, построение правового государства.

Незадолго до открытия первого съезда ДКО президент Бен Али провел реорганизацию правительства, сместив несколько министров прежнего режима. Он пошел на это исключительно для того, чтобы съезд одобрил ряд его смелых шагов, направленных на претворение в жизнь политических и экономических реформ. Кроме того, ему было крайне необходимо, как писала туниССкая пресса, “взять в свои руки эту вездесущую партию, выкованную Бургибой”.

И Бен Али добился от делегатов съезда одобрения ликвидации многих былых привилегий правящей партии. Речь шла о том, чтобы изменить стиль ее работы, отделить партию от правительства, не считать ее более единственным законным представителем народа.

По словам корреспондентов, освещавших съезд, делегаты утвердили эти предложения без особого энтузиазма, но и без чрезмерной горечи и придинок. Съезд провозгласил курс на демократизацию общественной жизни, достижение политического плюрализма, построение правового государства.

Заслуживает внимание эмблема съезда. На ней была изображена рука утопающего, которую в последний момент схватила рука друга. После речи главы государства, в которой он перечислил ошибки Бургибы и его окружения, всем стадо ясно, что рука спасителя – это, без сомнения, рука Бен Али.

Но без доверия масс эффективную политику проводить сложно, если вообще возможно. Это хорошо осознавало новое политическое руководство. День за днем, шаг за шагом оно стало завоевывать на свою сторону симпатии народа. Президент совершил несколько поездок по стране, посетил школы и дома для престарелых, встречался со студентами и со спортсменами, расспрашивал об их нуждах. Его популярность начала стремительно возрастать.

Следующим (не менее важным) этапом обновления различным сфер жизни в Тунисе явилось подписание в канун первой годовщины нового режима Национального пакта – своеобразного кодекса отношений между правительством, партиями, общественными и профессиональными организациями.

Национальный пакт не является ни правительственной программой, ни планом создания какой-либо коалиции, – заявил президент. – Это национальный, цивилизованный проект, отражающий то, что мы хотим сделать для своей страны, каковы должны быть методы реализации наших планов и взаимоотношений между всеми без исключения партнерами – партиями и организациями. Он, – подчеркнул Бен Али, – не заменит ни конституцию, ни действующие законы. Он должен защитить страну от любых перегибов, которые могут произойти в деятельности кого-либо из партнеров.

Этот объемный, многостраничный документ невозможно изложить полностью. Но некоторые, на мой взгляд, наиболее важные и характерные его положения приведу.

Национальный пакт, говорится в тексте, представляет собой конкретизацию принципов, провозглашенных в “Декларации 7 ноября”, выражает чаяния народа и гарантирует ему достойную жизнь, основанную на демократии, плюрализме, суверенитете и примате законности.

Мы (т. е. подписавшие его) имеем законные права на различия, но это не означает возможности прибегать к мятежам или идти на разрыв. Мы провозглашаем нашей главной целью упрочение основ государства, которое является инструментом для осуществления надежд народа, средством мобилизации всей его энергии, всех человеческих и природных ресурсов для того, чтобы место Туниса в мире стало более заметным.

Тунисский народ испытывает острую необходимость укрепить свое единство. Это окажет помощь в том, чтобы решить проблемы, бросившие ему вызов, порвать с эрой недоразвитости и зависимости. Широкое участие масс в определении целей и средств развития, в справедливом распределении производимой продукции – это два основополагающих условия для достижения успеха и для установления здоровых социальных отношений, исключающих факторы напряженности.

Пакт декларировал защиту прав человека, свободу собраний, совести и создания политических организаций, призвал к терпимости, осуждал экстремизм во всех его формах. Во внешнеполитическом плане он призывал к созданию справедливого международного порядка, гарантирующего прочный мир, что открыло бы человечеству путь к прогрессу, оградило его от войн и позволило бы духу общечеловеческой солидарности царить на планете.

Бесспорно, цели, провозглашенные в Национальном пакте, заслуживают уважения. Единение народа во имя решения задач национального масштаба, социальная стабильность – вещи чрезвычайно важные для Туниса. И надо сказать, что годы, прошедшие после прихода Бен Али к власти, не были омрачены какими-либо крупными социальными конфликтами.

Добиваясь проведения в жизнь важной конституционной реформы, запрещающей выборы пожизненного президента, каковым был Бургиба, Бен Али продемонстрировал, что может быть смелым политиком.

Желая доказать законность своего режима, он пошел на проведение досрочных президентских выборов в апреле 1989 года, хотя мог бы использовать до конца (то есть до 1991 года) свой мандат, который ему предоставила конституция прежнего режима. Бен Али посчитал, что не может продолжать исполнять президентские полномочия от имени данной ему народом законности, которая принадлежала не ему, а его предшественнику.

В самом деле: в день своего прихода к власти Бен Али высказался резко отрицательно о пресловутой статье конституции, которая устанавливала автоматическую преемственность. Он воспользовался ею только для того, чтобы не дать возможности отождествить смещение Бургибы с нарушением законности, с государственным переворотом.

Следовательно, досрочные президентские выборы совместили новую народную законность, почерпнутую в избирательных урнах, с новыми положениями исправленной конституции. Таким об-

разом, институт президентства был сообразован с новой расстановкой политических сил и сам оказался законным.

Те президентские и парламентские выборы, в которых приняли участие свыше двух миллионов тунисцев, отличались от всех предыдущих тем, что многим гражданам было возвращено право избирать и быть избранными в представительные органы. Они впервые участвовали в предвыборной кампании, во время которой звучали несанкционированные речи, выдвигались самые радикальные программы. А ведь раньше они были лишены всего этого, на них сыпались казенные Фразы и директивы. Более того, впервые в истории страны в выборах участвовали тунисские граждане, проживавшие за рубежом.

Тогда подавляющее большинство избирателей отдали свои голоса за кандидатуру Бен Али, выдвинутого Демократическим конституционным объединением. Его же кандидаты получили 141 место в Национальном собрании.

Для того, чтобы бороться с трудностями, – заявил президент после выборов, – необходимо создать единое, монолитное и демократическое общество, в котором равные возможности предоставлялись бы для всех.

Поддержит ли партия политический вызов президента? По мнению Бен Али, поддержит. Но для этого необходимо прежде всего омолодить существовавшие в городах своего рода “коллекции” местных вождей, больше склонных к тому, чтобы манипулировать простыми гражданами, чем активизировать политические дискуссии.

Как утверждали сторонники Бен Али, он считал, что продолжать дело с людьми Бургибы, значит идти по пути бывшего президента. Однако смена в партийной верхушке шла медленно и напоминала постепенное переливание крови с целью дать возможность одним полностью поддержать новый курс, а другим, слишком приверженным прошлому, продвигаться в сторону выхода и, наконец, третьим – молодежи – выдвинуться. Короче, речь шла о формировании поколения Бен Али.

Триумф нового президента оценили не только в Тунисе, но и за его пределами. По итогам 1988 года французский центр социально–политических исследований назвал Бен Али “человеком года”, присвоив ему звание лауреата международной премии “Демократия и права человека”.

Очистка или перестройка

В первые годы правления Бен Али тунисцы постоянно задавались вопросом: что же происходит на самом деле? Очистка старого здания от пыли, накопившейся за годы застоя? Или же – решительная перестройка?

Иными словами, является ли изменение стиля изменением политики?

А стиль действительно изменился. Причем весьма наглядно. Так, например, глава государства, известный как великий труженик, проводил совещание за совещанием, требуя докладов по самым деликатным и сложным вопросам. Слушая министров, он делал для себя заметки, что уже само по себе было немаловажным новшеством для Туниса.

Некоторые министры, обленившиеся в последние годы правления Бургибы, считали рабочие заседания, проводимые ежедневно в президентском дворце в Карфагене, чрезвычайно утомительными.

Целых двадцать лет мы молча слушали Бургибу, который приглашал нас лишь для того, чтобы выступить перед нами, – пожаловался один из министров. – Новый же президент выслушивает прежде всего нас...

Сам Бен Али часто повторяет:

Я сначала слушаю выступающих, затем размышляю и принимаю решение.

Но этим дело не ограничивается. Если Бургиба всегда действовал помимо законов, считая себя единственным оплотом законности, то с приходом Бен Али конституция стала главной точкой отсчета.

Кстати сказать, одним из первых шагов по изменению стиля было запрещение называть президента “фахамат” (“превосходительство”), как в течение тридцати лет называли Бургибу. И еще: новый глава государства, как правило, употребляет “мы”, его предшественник говорил исключительно “я”.

В отличие от Бургибы Вен Али не питает иллюзию, что дарован своему народу Аллахом. Он – первый среди равных. Он также не увлекается многословными декларациями, как большинство ближневосточных правителей. Отчасти потому, что он – не оратор, не любит играть на публику, как Бургиба. Кроме того, достаточно сдержанный характер нового президента лишает его возможности использовать обкатанные приемы культа личности, который еще недавно был доведен в Тунисе до крайности.

Тем не менее, у Бен Али хватило характера отменить многие национальные праздники, напрямую связанные с существовавшим в стране культом личности Хабиба Бургибы: 18 января – первый арест Бургибы... 1 июля – триумфальное возвращение Бургибы в Тунис... 3 августа – день рождения Бургибы...

Придя к власти, Бен Али начал проводить принципиально новый внешнеполитический курс. Дело в том, что за последние десять лет репутация тунисского дипломатического ведомства заметно пострадала. Прежде всего из-за непоследовательности во внешней политике Бургибы. Бен Али сумел восстановить престиж Туниса на международной арене.

Итак, в стране наступила эра исправления, развития демократии, соблюдения прав человека, движения в сторону создания правового государства.

Впрочем, если политическое просветление было бесспорным, то экономическая и социальная ситуация в первые годы правления Бен Али оставалась тревожной. Достаточно сказать, что в Тунисе при населении 7,5 миллиона человек насчитывалось около 300 тысяч безработных. И хотя социальные тяготы не отразились на популярности главы государства, первые речи Бен Али свидетельствовали о том, что он понимал, что его ожидают трудные решения.

Бен Али осознавал, что внедрять новшества будет особенно трудно именно в социально-экономической сфере. Как отмечали тогда тунисские газеты, помимо гласности это будет второй и возможно главной проблемой, которой придется заниматься новому хозяину Карфагенского дворца.

Еще одна серьезная проблема, которая требовала незамедлительного решения – это “непримиримые поборники ислама”. По мнению местных политических наблюдателей, чтобы провести чистку в политических институтах власти и призвать к порядку ряд министров, нужна была лишь воля. А вот для того, чтобы обезвредить движение протеста исламских фундаменталистов, требовалось гораздо больше: и такт, и осторожность, и твердость, и хитрость.

Бен Али проявил эти качества.

К моменту его прихода к власти прочные позиции имела ныне запрещенная партия “Ан-Нахда” (“Возрождение”), исповедовавшая ислам и призывавшая к созданию в Тунисе “Исламской Республики”. Президент Бен Али умело маневрировал, со всей решимостью проводя линию на усиление своих позиций и укрепление личной

власти. Делал он это, как отмечал парижский еженедельник “Жен Африк”, “железной рукой в бархатной перчатке”.

Партию “Ан–Нахда” обвинили (причем совершенно справедливо) в подрыве государственной безопасности, попытках изменения конституционного строя и покушения на жизнь главы государства. Большинство партийных лидеров были арестованы и осуждены на длительные сроки заключения. Проведена чистка в государственных структурах и армии, откуда удалялись мусульманские интегрисы. Таким образом, президенту и его сторонникам удалось ликвидировать опасность исламизации тунисского общества, грозившую стране тяжелыми политическими и социальными последствиями.

Кроме того, Национальным пактом предусматривалось исключение мечетей из политической борьбы. Они должны оставаться лишь местом отправления религиозных культов. Этим шагом, как считают в Тунисе, Бен Али ограничил прерогативы мусульманского духовенства.

Тем не менее, религиозные деятели страны на нового президента не обиделись. По их мнению, Бен Али сместил Бургибу, чтобы “вернуть исламу то место, которое он заслуживает”, а также для того, чтобы устранить “некоторые препятствия на пути свободного вероисповедания”.

Здесь следует пояснить, что Бургиба, воспринявший французскую культуру, упорно мечтал о том, чтобы превратить Тунис в светское государство. Ислам же с его обычаями и обрядами был для бывшего президента постоянным противником и в конце концов стал его смертельным врагом. Поэтому сместив престарелого “отца нации”, Бен Али, по убеждению многих религиозных деятелей, “спас гражданский мир, находившийся под угрозой”.

Судя по высказываниям и деятельности Бен Али, он не похож на ярого поборника ислама. И все же он совершил паломничество в Мекку, поцеловал черный камень, что вызвало энтузиазм народных масс Туниса. В одной из газет даже появился репортаж об этой поездке, который назывался “Ислам в сердце”.

Многие наблюдатели расценили этот шаг президента как желание привлечь на свою сторону народные массы, исповедующие умеренный ислам, и выбить почву из–под ног непримиримых.

Последние, кстати сказать, стремились ликвидировать одно из достижений, которое большинство тунисцев считает самым главным в истории страны со времен независимости. Речь идет о “своде законов”, отменивших в 1956 году полигамию и давших тунисским женщинам права, которых нет в других странах арабского ми-

ра. Права женщин были еще больше консолидированы парламентом в августе 1992 года. Насилие против женщин в семье теперь наказуемо по закону, женщина может получить паспорт без согласия мужа или отца, и государство помогает разведенным женщинам получать алименты. Но, пожалуй, самое главное – в случае развода дети теперь не остаются автоматически у отца.

Поддерживая женщин, Бен Али и его сторонники создают мощную социальную опору для сопротивления “отсталому исламскому мышлению”.

Подводя итоги

К 1989 году под руководством президента была выработана экономическая программа, предлагавшая решить сразу несколько проблем. Прежде всего три ключевые: увеличить объем капиталовложений для подъема производства, стимулировать экспорт национальной продукции и создать наиболее возможное число рабочих мест для безработных.

Оздоровление экономики всегда важно. Но в конкретной ситуации, сложившейся тогда в Тунисе, оно было важно не только само по себе.

Если оздоровление состоится, – заявил тогда Бен Али, – это станет решающим аргументом в пользу нового руководства, которое стремится дополнить политические реформы хозяйственными успехами. В конце концов на этом будет зиждиться внутренняя стабильность.

Надо признать, многое уже достигнуто. Правительство освободило большинство потребительских и производственных цен, сократило субсидии, начало либерализацию финансовых рынков, сняло ограничения на значительную часть импорта, добилось иностранных инвестиций, которые идут в Тунис прямо–таки потоком. А это означает, что политическая ситуация в стране стабильна и контролируется властями.

Президент Бен Али не скрывает главной своей цели – территория его страны должна стать расширенным европейским пространством. Поэтому Тунис стремится сблизиться с Европейским сообществом. Разумеется не в ущерб себе, своим интересам и не за счет кармана своих граждан.

Можно привести массу цифр, показывающих успехи Туниса в экономической и социальной сферах. Можно цитировать различных политиков, одобряющих внутреннюю линию президента. И это не будет преувеличением – кризис в стране давно миновал благо-

даря разумному и хорошо продуманному руководству экономикой; гражданский мир сохраняется; повседневная жизнь людей – у кого быстрее, у кого медленнее – улучшается.

Тунисцы вновь обрели свою национальную гордость, – заявил недавно Бен Али. – Несмотря на существующие социально-экономические трудности, они смотрят в будущее с оптимизмом.

Что ж, на это у них есть все основания. Но главное, пожалуй, в том, что их президент не бросает слов на ветер и выполняет обещания.

Последние президентские выборы состоялись 20 марта 1994 года. Доселе такого в стране не было – четыре оппозиционные партии вместо обычного “подарка” в виде репрессий впервые получили места в парламенте. Сам же Бен Али в тот день был избран главой государства на второй пятилетний срок. И не потому, что его кандидатура была единственной. А потому, что он был и останется лидером нации. Фигуры, близкой к нему по масштабу, в Тунисе сегодня нет.

Получив доверие народа, Бен Али имеет право добиваться еще двух президентских мандатов. То есть, если все пойдет нормально, он сможет находиться у власти 18 лет – до 70-летнего возраста. Однако опыт Бургибы подсказывает ему, что это – предел, за которым наступает катастрофа старости и неспособности вести государственные дела.

Если верить слухам, то Бен Али намерен создать правительственную коалицию, объединяющую демократические и умеренно-консервативные партии. Он считает, что существование других партий должно стимулировать начатые реформы. Он – за активный диалог с оппозицией. Поговаривают даже о том, что Бен Али, желающий выступать от имени всех тунисцев, готов отказаться от поста председателя партии.

О личной жизни Бен Али известно крайне мало. Проводить время с семьей за государственными делами почти не удается. Мало кто видел его жену и пятерых детей даже на фотографии. Говорят, особую привязанность президент испытывает к любимой внучке Мариам, на общение с которой выкраивает редкие минуты. А уж на хобби в распорядке дня места не остается вовсе. Лишь обязательные утренние пробежки можно с натяжкой назвать отдыхом.

Подводя итог своей деятельности, Бен Али заявил недавно:

Мы смогли сохранить взаимодополняемость между реформами политическими, экономическими и социальными. Достигнуто

примирение между обществом и государством, между тунисцами, представляющими все политические силы. Положение в стране изменилось в исключительно позитивную сторону, благодаря результатам наших реформ.

Где тот президент, который когда-нибудь скажет то же самое о России?

ХАФЕЗ АСАД – ИЗ ЛЕТЧИКОВ В ПРЕЗИДЕНТЫ

О Сирии говорят, что воевать без нее можно, но добиться урегулирования нельзя. Эта, хотя и парадоксальная, оценка свидетельствует о многом. Здесь и признание за Сирией возможности влиять на ход событий в регионе, проводить самостоятельный курс на межарабской арене, активно участвовать в делах мирового сообщества.

А завоевано это признание прежде всего удивительной способностью президента Хафеза Асада стойко отстаивать свой суверенитет, сопротивляться внешнему давлению, находить нестандартные решения для проведения своей политики. Сирийцы называют его “вождем нации”, “вечным лидером”, “львом Сирии” и даже сравнивают с Салах эд-Дином. А подчиненные за глаза называют его “сфинксом”. В основном за замкнутость характера.

Сельский учитель или буржуа

В самом начале своей политической карьеры Асад занялся поиском того, что сегодня называется модным словом “имидж”. Правда, объяснял он это своим соратникам гораздо проще. Абсолютно неважно, какие решения я принимаю в своем кабинете, и как я их принимаю, – говорил президент. – Но сирийский народ и Запад должны привыкнуть к совершенно определенному Асаду. Тому, который нравится и всех устраивает.

Из многих предложенных ему вариантов внешнего облика он выбрал нечто среднее между сельским школьным учителем и законопослушным буржуа. Ему специально шили длинные, чуть мешковатые пиджаки и свисающие складками темные брюки. Они придали угловатой фигуре президента недостающую ей мягкость и в то же время уверенность в себе. Специалисты по сценической технике научили его ходить, ступая вкрадчиво, но твердо. После нескольких уроков речи, он добавил к своему твердому голосу томные интонации. В итоге, Асад предстал перед миром в облике, к которому скоро все привыкли.

Надо признать, что имидж был найден весьма удачно. Беседы с Асадом никого не оставляли равнодушными. Даже людей не лю-

бивших его. Так, президент США Никсон, назвал его “гением”. Другой хозяин Белого дома Картер – “блестящим человеком”. Киссинджер отметил, что Асад – “самая интересная личность на Ближнем Востоке”.

Однако было бы несправедливо утверждать, что все эпитеты в адрес сирийского президента – это всего лишь результат удачно найденного облика политика. Среди современных арабских государственных и политических деятелей Асаду принадлежит особое место. Он выделяется даже в списке колоритнейших ближневосточных лидеров, каждый из которых отнюдь не грешит стандартностью. Причем, выделяется не по внешним признакам, хотя обладает хорошо узнаваемым имиджем. И даже не долгожительством (уже 27 с лишним лет) на вершине власти.

Все дело в незаурядной личности Асада. Являясь лидером “трудной” страны, граждане которой всегда отличались повышенной политической активностью, внутренней раскованностью и стремлением к самовыражению, президент Сирии в исключительно сложных условиях сумел мобилизовать население, подчинив его одной цели, – консолидации нации на борьбу с внешним противником.

Проработав несколько лет в Сирии корреспондентом “Литературной Газеты”, я смог убедиться и понять, что поведенческий стереотип Сирии определяется в первую очередь ее лидером. Личный вклад Асада в полноценного и равного партнера в региональных взаимоотношениях весьма велик. В одном из последних интервью американскому телевидению он твердо заявил, что “его страна исполнена достоинства, стремится к миру, но имеет свои взгляды на проблему окончательного урегулирования”.

Заставить уважать себя и свои взгляды – вот идеология президента Сирии на международной арене. Его энергичность, уверенность в себе, способность убеждать и утверждать свою правоту делом сделали его единоличным вершителем судеб страны. Ни один из арабских лидеров не находился столь долгое время в столь неблагоприятных обстоятельствах и не выходил из них с честью, как это удалось Асаду. Более того, сирийский лидер, пройдя через многие испытания, обрел статус национального гаранта стабильности. Не формального, а реального, что широко признается в Сирии в самых разных общественных слоях. И не удивительно! Ведь именно он избавил государство от многих возможных военных переворотов. Именно он предотвратил в стране несколько конфессиональных конфликтов. Наконец, благодаря его беском-

промиссной позиции Сирия может достойно выступать на ближневосточных переговорах.

Впрочем, это произошло не сразу...

Путь в большую политику

Сирийский президент родился в 1928 году в местечке Кердах, что на севере Сирии, неподалеку от портового города Латакия. Он – выходец из алавитской общины (религиозное меньшинство, объединяющее приверженцев одной из крайних шиитских сект – К. К.), которые составляют около 8 процентов мусульманского населения Сирии. Называя себя мусульманами, они отходят от основных положений ислама. Например, верят в переселении души и так далее. Алавиты, которых можно узнать по специфическому диалекту, исстари трудились на земле. Вековые гонения на них, вызванные неприятием их веры и обычаев, закалили жителей гор, сделали их стойкими и гибкими, осмотрительными и расчетливыми. Эти качества, усиленные личным хладнокровием и силой интеллекта, и унаследовал будущий президент.

Клан Асада никогда не был влиятельным, а тем более могущественным в алавитской общине. Все, чего президент достиг, он добился сам.

После окончания средней школы Асад поступил в военное училище в городе Хомсе и вскоре стал летчиком–истребителем. Кстати сказать, еще в школе он познакомился с инструкциями о национализме и антисионизме партии Арабского социалистического возрождения (БААС) и, вступив позднее в эту организацию, поклялся всегда выполнять их.

Забегая вперед, скажу, что в 50–е годы Асад стал рыняным поклонником египетского президента Гамаля Абдель Насера. Когда он пришел к власти, то потребовал, чтобы приветствовавшие его толпы сначала кричали “Насер!”, а потом – “Асад!”

Дальнейшее мужание будущего президента как борца и политического деятеля происходило на фоне серьезнейших событий, развертывавшихся на Ближнем Востоке. Огромное их многообразие наложило отпечаток на его воззрения и взгляды, которые окрепли в Египте, где он служил офицером в привилегированной истребительной авиации, в Советском Союзе на базе в Луговой, во время службы на высоких командных должностях в авиации и армии.

Государственный переворот, совершенный 23 февраля 1963 года, позволил Асаду занять посты министра обороны и командующего сирийскими ВВС.

После поражения Сирии в “шестидневной войне” в июне 1967 года будущий президент, возглавлявший тогда военную фракцию в БААС, вместе с армейским командованием потребовал наладить серьезные военно–политические контакты с другими арабскими странами и предпринять объединенные усилия по ликвидации последствий израильской агрессии. Фракция Асада требовала проявить более реалистический подход к проблеме урегулирования ближневосточного конфликта. Выработанные ею предложения включали необходимость улучшения отношений Сирии с другими странами, вовлеченными в конфликт; передачу армии контроля над всеми воинскими частями государства, в том числе и над действующими с его территории отрядами палестинских партизан; улучшение технической оснащенности и укрепление боеспособности вооруженных сил; расширение сотрудничества с другими патриотическими и прогрессивными силами страны.

Эти вопросы Асад вынес на обсуждение 4–й региональной конференции партии БААС, состоявшейся в сентябре 1968 года. Однако, большинство участников не поддержало министра обороны. Тем не менее, военная фракция, благодаря конструктивному характеру требований, значительно расширила свое влияние.

30 октября 1970 года состоялся 10–й чрезвычайный общепарабский съезд партии БААС. Он вылился в бурные дебаты между гражданской и военными фракциями. Лидер армейской группировки Асад выступил с предупреждением о недопустимости обострения конфронтации между Сирией и Израилем в условиях отсутствия реального единства арабских стран и неподготовленности сирийской армии к ведению успешных боевых действий. Создавшееся в БААС и стране положение привело к возникновению “Исправительного движения”, которое возглавил министр обороны Асад. 13 ноября 1970 года он отдал приказ об аресте президента Нур ад–Дина Атаси и генерального секретаря партии Салаха Джадида. “Исправительное движение”, поддержанное вооруженными силами, взяло власть в свои руки.

21 ноября того же года было сформировано правительство национального единства во главе с Асадом. Временным президентом стал Ахмед аль–Хатыб.

Четыре месяца спустя (12 марта 1971 года) состоялся референдум, в результате которого Асад подавляющим большинством

был избран президентом. В мае того же года 5-й региональный съезд БААС избрал его генеральным секретарем регионального руководства партии.

На главных ролях

Как выходец из алавитской общины новый глава государства стал опираться исключительно на своих соплеменников, хотя постоянно заявляет, что он – президент всех мусульман страны. Преданные ему душой и телом алавиты занимают ключевые посты в правительстве, армии, службе безопасности.

Руководит алавитским лобби министр обороны Мустафа Тласс. Именно через этого верного Асаду человека проходят все назначения. Он проверяет каждого кандидата на тот или иной пост, руководствуясь прежде всего преданностью президенту. Посты, оставшиеся от алавитов, передаются мусульманам–суннитам. Из представителей этих общин сформирована 50-тысячная гвардия президента и его 20-тысячный отряд охраны.

Мусульмане–шииты практически лишены в Сирии какого-либо влияния. В пик им Асад даже поддерживал некоторое время христианское меньшинство. Все это привело к тому, что против президента выступила реакционная религиозная организация “Братья–мусульмане”, действующая в Сирии с 1930 года. Ее руководители решили бороться против алавитского засилья и возникновения в стране новой аристократии из чиновников партии БААС.

Впрочем, об этом чуть позже...

Асад занял президентское кресло в исключительно сложное время. После “шестидневной войны” (а затем и войны “Судного дня” в октябре 1973 года) Ближний Восток экономически почти агонизировал. Арабские страны, противостоявшие Израилю, находились на грани истощения. Сирия – среди них. Отношения с соседями оставляли желать лучшего. У нового президента был очень ограниченный набор средств, чтобы выправить ситуацию. Поэтому основной упор он сделал на консолидацию населения вокруг партии БААС.

Чрезвычайно важным событием в политической жизни Сирии стало создание в марте 1972 года Национального прогрессивного фронта (НПФ), который объединил БААС, компартию, Арабский социалистический союз, Организацию социалистов–юнионистов. Председателем Центрального руководства НПФ был избран Асад.

Не меньшее значение имели прошедшие 25 мая 1973 года, впервые за последние одиннадцать лет, выборы в Народный совет

(парламент). НПФ, выступивший на них единым фронтом, одержал победу.

В том же году была утверждена постоянная конституция. Сирия объявлялась “суверенным социалистическим народно-демократическим государством” с “социалистической плановой экономикой”, преследующей цель “ликвидации всех форм эксплуатации”.

Впрочем, справедливости ради следует признать, что социализм по-сирийски присутствовал лишь в виде крупного госсектора, централизованного планирования, элементов рабочего самоуправления на производстве. Капитализму также не давали хода, и он пребывал в усеченной форме.

Главной задачей своей политической стратегии президент Сирии определил достижение всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта, решение палестинской проблемы. Сместились акценты и в межарабской политике. В своих официальных заявлениях он стал все чаще выступать за реализацию лозунга “арабского единства, независимо от характера режимов”. И надо сказать, что в течение 70-х годов ближневосточный курс Асада обрел гибкость, склонность к компромиссам, в нем проявились элементы прагматических подходов.

К концу 70-х в Сирии развернулась острая внутривнутриполитическая борьба, вызванная антиправительственной деятельностью запрещенной организации “Братья-мусульмане”. Их действия получили активную поддержку в городах Алеппо и Хаме. В 1980–1981 годах “братья” провели ряд террористических актов против военных и правительственных чиновников.

Активность шиитов заставила президента Сирии собрать верных ему людей и заявить:

Пришло время решать. Или они нас. Или мы их.

В феврале 1982 года около 500 членов организации “Братья-мусульмане” атаковали правительственные учреждения в Хаме, захватили город и призвали шиитов страны к “джихаду” (“священная исламская война”) против Асада.

Реакция президента была незамедлительной. “Скромный сельский учитель в темном мешковатом костюме, буржуа средней руки” приказал подтянуть к городу тяжелую артиллерию. Орудия уничтожили большую часть города. Погибли 20 тысяч горожан и среди них около 4 тысяч детей. 800 тысяч сирийцев бежали из страны. Правда, террор “Братьев-мусульман” прекратился.

Запад обвинил президента Сирии в нарушении прав человека, отсутствии свободы выбора, засилье служб госбезопасности. Тем не менее, отношение в сирийском обществе к своему лидеру было и остается уважительным. При всех симпатиях и антипатиях Асад пользуется большим авторитетом среди сограждан. Они видят некий символ в том, что имя “Хафез” (в переводе с арабского “оберегающий”) как-то соотносится с тем, что страна не знает серьезных потрясений и смут.

Хотя президент Асад выбрал стратегическим союзником Сирии Советский Союз, все же и Запад с его экономическим и политическим потенциалом был силой, с которой не стоило входить в откровенный конфликт. Не удивительно, что в начале 80-х, когда экономическое положение Сирии стало критическим, он решил привлечь в страну инвестиции американских нефтяных компаний. Это решение серьезно встревожило многих арабских лидеров. Они заявили, что Асад “предает интересы арабов и мусульманские идеалы”.

Впрочем, сирийского президента это не встревожило. Почему мы не можем привлекать американские компании, если СССР, крупнейшая социалистическая страна, делает это? — заявил он.

Правда, из его затеи ничего не вышло. В стране появилась прослойка нуворишей, разбогатевших на спекуляциях землей и акциями, а также группа правительственных чиновников, вымогавших взятки как у американских компаний, так и у их сирийских контрагентов. Асаду постоянно докладывали о баснословных тратах представителей этой “новой аристократии”, о ночных дебошах, для которых закупались виски по 100 долларов за бутылку. Он чувствовал невысказанный упрек в каждом докладе руководителя службы безопасности и в конце концов объявил кампанию по борьбе с коррупцией в стране, которую лично возглавил.

После начала перестройки в СССР, когда Асад понял, что на полную поддержку “великого брата” рассчитывать больше не приходится, он полностью повернул в сторону Запада. Именно поэтому он решил, вопреки всем прежним заявлениям “о приоритете арабской солидарности”, принять в 1991 году участие в антииракской коалиции и даже послать войска в Саудовскую Аравию. Именно боязнь оказаться в изоляции заставила его согласиться на участие в региональной конференции по проблемам Ближнего Востока, проходившей в Мадриде, провести несколько туров переговоров с Израилем.

Впрочем, хочет ли он действительно договориться с Израилем? По всей видимости, нет. Он прекрасно понимает, что может стать лидером арабов, только проводя политику стойкой ненависти к Израилю. Сирия, примирившаяся с “сионистским врагом”, мало интересна арабам. А потеряв лидерство, Асад автоматически становится неинтересен Западу. Ведь он не может приковывать к себе внимание запасами нефти, как это делает Саудовская Аравия или Кувейт.

Необходимо подчеркнуть, что неуступчивость сирийского президента в делах с Израилем импонирует улице, которая ассоциирует это с арабским патриотизмом. Не удивительно, что Асад продолжает ужесточать свою позицию, еще раз подтверждая мнение, что он – большой мастер затягивать узлы.

Вообще у него масса достоинств. По словам его окружения, президент Сирии обладает прекрасной памятью и умеет делать неожиданные, но убедительные логические построения, которые ставили в затруднительное положение не одного партнера по переговорам. Способность сосредоточиться в нужный момент дает ему возможность находить слабости собеседника и умело играть на них. Что касается недостатков, то они, разумеется, у него есть. Как у любого смертного. Хотя Асад не называет себя “отцом нации”, подобно другим арабским лидерам, проявления вождизма просматриваются повсеместно. Обилие его портретов на сирийских улицах, не говоря уже о фотографиях в газетах и журналах, названных в его честь библиотек, театров и клубов – это лишь маленький пример того, что называют культом.

Семья и наследники

Как и всякий мудрый восточный политик, президент Сирии все чаще задумывается о преемнике. Тем более, что нынешней осенью Асаду исполнилось 70 лет и здоровье его в последнее время пошаливает. Особенно он заметно сдал, когда 21 января 1991 года при загадочных обстоятельствах в автомобильной катастрофе погиб его старший сын Басиль, 33-летний офицер, считавшийся его наследником.

Уместно напомнить, что чем выше Асад поднимался от должности к должности, от поста к посту, тем теснее спланивались вокруг него ряды близких и дальних родственников. Когда 12 марта 1971 года его избрали президентом, то не было в тот момент более верных ему людей, чем родные братья – средний Рифаат и младший Джамаль.

Но, по-видимому, на таком уровне родственные чувства иногда претерпевают неизбежную трансформацию. Асад не без тревоги наблюдал, как Рифаат, возглавив службу безопасности, обретал все большую силу и уверенность. Эта тревога не прошла и после того, как в 1982 году средний брат (тогда командующий армией), выполняя приказ старшего, железной рукой подавил вооруженное восстание исламских фундаменталистов в городе Хама.

Тем не менее, два года спустя Асад назначил Рифаата вице-президентом – пост, за которым, кроме сомнительного почета, ничего не стоит. Через несколько месяцев старший брат слег в больницу, а средний, окружив Дамаск танками, предпринял, как писали тогда сирийские газеты, “робкую попытку захватить власть”. Это могло ему дорого обойтись. Но вмешалась мать и Асад, сменив гнев на милость, отправил Рифаата в ссылку в Женеву.

Через десять лет изгнанник вернулся в Дамаск. И снова, некоторое время спустя, Асад слег в больницу. Но, наученный горьким опытом, он отправил Рифаата за границу (на этот раз в Париж), а младшего Джамала посадил под домашний арест.

Рифаат вернулся на родину в 1996 году и приступил к выполнению обязанностей вице-президента.

Не полагаясь на братьев, Асад готовил себе в наследники своего старшего сына Басиля. Но тот погиб... По слухам, заказчиками автокатастрофы были братья президента. Во-первых, в надежде занять его место, а во-вторых, потому что Рифаат и Джамаль были самым крупными контрабандистами и наркобаронами на Ближнем Востоке. А Басиль, по поручению отца, возглавлял борьбу с коррупцией и организованной преступностью.

Сегодня президент Асад готовит себе на смену второго сына Башара, который до недавнего времени учился в Европе на врач-офтальмолога и не думал о политике. Год назад он получил в свои руки те рычаги власти, которые раньше принадлежали погибшему Басилю.

В начале февраля Асад освободил Рифаата от должности вице-президента. Сирийские СМИ не объяснили причин данного шага. Однако, арабские журналисты, аккредитованные в Москве, в беседах со мной говорили, что “в семействе Асатов не все гладко”, что в Сирии “продолжается борьба за власть”, чему, по их мнению, “способствует слабое здоровье президента”.

Оставшись не у дел, Рифаат подался в религию. По некоторым сведениям, он активно сколачивает вокруг себя новых сторонников. Как считают наблюдатели, если в Сирии вдруг возникнет

вопрос о престолонаследнике и передаче власти, то Рифаат встанет стеной на пути племянника. Он попытается создать коалицию из генералов–алавитов и своих новых союзников – религиозных фанатиков.

Впрочем, преемником не обязательно должен быть член семьи Асадов или алавит. Но традиция восточного правления такова, что на родственников главы государства, особенно на ближайших, обращается серьезное внимание. И Асад это прекрасно понимает.

...Когда президент Сирии входит в свой кабинет и за ним закрываются резные с позолотой двери, “сельский учитель” или “законопослушный буржуа” исчезают. За рабочий стол садится другой Асад – властный, опытный, коварный и хитрый лидер нации, изощренный в политических интригах, ибо он человек своего времени.

Эпохи революций, войн и жестокого противоборства...

САДДАМ ХУСЕЙН – ИГРОК, КОТОРОМУ ДОЛГО ВЕЗЕТ

Саддам Хусейн занимает сегодня все высшие государственные посты. Президент Иракской Республики, верховный главнокомандующий вооруженными силами (в звании маршала), генеральный секретарь регионального руководства Партии арабского социалистического возрождения (БААС), председатель Совета революционного командования, председатель Высшего совета по борьбе с неграмотностью и т.д. и т.п.

Как с гуся вода...

Саддам пережил долгую и изнурительную войну с Ираном. Позорное поражение в войне в Персидском заливе. Разорительную для страны конфронтацию с большей частью мирового сообщества. Десятки заговоров и покушений, значительную часть которых, как выяснилось впоследствии, организовывал либо он сам, либо преданные ему люди. Последних, кстати сказать, он время от времени перетасовывает, но чаще устраняет.

Объяснять смысл такого рода политической практики отечественному читателю нет смысла: багдадский правитель просто взял на вооружение те методы, которые изобрел в 30–е годы “великий вождь всех времен и народов”.

Тем временем в Ираке 18 миллионов граждан живут в состоянии медленного угасания. В стране, где средняя зарплата равна 300 динарам, а курица, к примеру, стоит 400, иракцам приходится выкручиваться. Главным образом за счет государственных пайков, которые выдают каждую неделю. В пайке – хлеб, немного сахара, риса и маргарина. Молоко и мясо не появляются на столе месяцами.

Нищие на каждом углу. Даже прилично одетые люди не стесняются просить подаяние у иностранцев. Если верить сообщениям из Багдада, то некоторые отчаявшиеся иракцы предлагают на продажу свои внутренние органы. Особенно велик спрос на почки, которые идут по 50 тысяч динаров за штуку. Кстати сказать, простейшая операция в частной клинике стоит несколько годовых зарплат. Дети продолжают рождаться, но иракцы уже не могут позволить себе иметь нескольких детей.

Как это часто бывает, бедность и нищету сопровождает небывалая волна преступности. Причем, правительство расправляется с жуликами далеко не цивилизованными методами.

Тем не менее, борьба за жизнь, по свидетельству очевидцев, заставляет иракцев попираť нормы ислама. На задворках и в переулках Багдада женщины торгуют своим телом (экстремальное явление для мусульманского общества), а мужчины занимаются грабежом автомашин или кражами в квартирах соседей.

Однако, катастрофическое положение народа вовсе не мешает Саддаму тратить государственные деньги на возведение дворцов для своей семьи и нового городка для членов правительства. У него не хватает денег на продовольствие и медикаменты, но они мгновенно находятся, когда подворачивается случай приобрести оружие.

И что же иракцы? Возмущаются? Негодуют? Да! Но не против режима, а против санкций ООН. Парадокс, но Саддам сумел использовать отчаянную экономическую ситуацию для упрочения своей власти: послушный ему пропагандистский аппарат ежедневно вдальбливает населению, что все его беды происходят из-за “несправедливых” и “бесчеловечных” ооновских санкций. Ну, а двинув в октябре 1994 года 60-тысячный корпус и 700 танков к границам Кувейта, он, похоже, еще больше упрочил свое внутриполитическое положение, ибо в очередной раз продемонстрировал народу, что готов бороться за “улучшение его положения” самыми решительными средствами. Вот уж действительно как с гуся вода...

Что же помогает иракскому диктатору двадцать с лишним лет выживать и удерживаться у власти, будучи суннитом, в стране, большинство населения которой составляют шииты? Думаю, что ответ следует искать как в нем самом, так и в его восхождении на вершину пирамиды власти.

Сирота из Тикрита

Саддам Хусейн – его настоящая фамилия Аль-Тикрити – родился 28 апреля 1937 года в небольшом городке Тикрит, расположенном в 160 километрах севернее Багдада на правом берегу Тигра. Его отец – простой крестьянин, всю жизнь обрабатывавший землю, – умер, когда Саддаму было девять месяцев. По местному обычаю, его дядя Аль-Хадж Ибрагим – армейский офицер, боровшийся против британского господства в Ираке, женился на вдове брата и взял сироту в свою семью, в которой было много детей и мало достатка.

Впрочем, об этих деталях в Ираке давно не вспоминают. Официальные биографы Саддама Хусейна с благоговением сообщают, что клан Аль-Тикрити – прямые наследники имама Али, зятя пророка Мухаммеда.

Саддам не посещал школу до девяти лет. Позже попытался поступить в элитарную багдадскую военную академию, но не был принят из-за плохой успеваемости. Это явилось сильным ударом и внушило будущему “рыцарю арабской нации”, как называют его иракские средства массовой информации, навязчивую идею власти силы. Кстати сказать, позднее, для получения диплома юриста в 1969 году, будучи уже вице-президентом, он прибыл на экзамен с пистолетом на ремне и в сопровождении четверых вооруженных телохранителей. Естественно, что экзаменаторы обошлись без излишних формальностей.

С помощью дяди Саддам переехал в Багдад и поступил в колледж “Аль-Харк”. Именно это учебное заведение стало первой школой политической борьбы для многих представителей молодого поколения партии БААС. Здесь же в 1954 году он вступил в тайную ячейку баасистской партии, идеи которой представляют собой причудливую смесь социализма и арабского национализма.

Свою политическую карьеру тикритский сирота начал в буквальном смысле с пистолетом в руке.

Следует напомнить, что в 1958 году власть в Багдаде захватил генерал Абдель Керим Касем. В следующем году Саддам был включен в группу, на которую возлагалась задача убить премьер-министра Касема. Они устроили засаду на автомобиль, в котором находился тогдашний иракский диктатор. Но это было плохо спланированное нападение. И хотя водитель премьер-министра и его адъютант были убиты, сам Касем спасся, спрятавшись на полу своего автомобиля. Большинство нападавших были убиты, а Саддам ранен в перестрелке. Тогда-то и родилась первая (сколько их было потом!) легенда о будущем правителе Ирака. Она гласила, что он “сам сделал себе операцию, вытащив ножом, засевшую в ногу пулю, переплыл Тигр, переоделся бедуином и, украв осла, бежал на нем в Сирию”.

Очевидно, слухи о приключениях тикритского “революционера” дошли до президента Египта Гамаля Абделя Насера, который помог ему перебраться в Каир.

Подобно многим арабам, захваченным националистическими идеями, Саддам попал под влияние Насера и его видения объединения арабских стран. Правда, как показывают факты, идеи еги-

петского лидера он ловко трансформировал и приспособил для достижения собственных целей. Впрочем, это не мешало ему считать себя последователем Насера.

В Багдад будущий “вождь–борец” (эпитет иракских газет) вернулся из Каира после переворота, совершенного партией БААС в феврале 1963 года. Первая ступень служебной лестницы – начальник службы порядка баасистской партии. Он был одним из тех, кто возглавил кровавые репрессии против инакомыслящих в стране и в партии, дни и ночи несколько месяцев подряд проводил в тюрьмах в обществе “заплечных дел мастеров”.

Однако, он недолго наслаждался плодами победы. Вскоре его партия потеряла власть, и новый режим считал Саддама Хусейна опасным для себя. В официальной биографии утверждается, что агенты правительства в прямом смысле загнали его в угол, и в завязавшей перестрелке он в одиночку отстреливался от них целый день, пока не кончились патроны.

Если это так, то он отделался исключительно легко. Саддам провел два года в тюрьме, вышел на свободу и принял участие в очередном государственном перевороте, совершенном партией БААС в 1968 году. Как следует из официальной биографии, он среди первых “въехал на танке во двор президентского дворца”. Это был первый урок, продемонстрировавший, что бывшие заключенные могут вновь возвращаться к власти. Саддам никогда не допускал подобных ошибок, безжалостно уничтожая каждого подозреваемого в любых мыслях, кроме дружественных.

В течение одиннадцати лет Саддам был “вторым человеком”, правой рукой тогдашнего президента Ахмеда Хасана Аль–Бакра. Точнее сказать, генерал Аль–Бакр руководил Ираком лишь номинально, а реальным правителем был Хусейн. Кстати, родственник президента.

16 июля 1979 года старик Аль–Бакр оставил президентское кресло. Говорят не без помощи своего родственника.

На троне

Итак, вершина взята. Новый президент Ирака тут же развернул еще одну крупномасштабную чистку. 16 июля 1979 года, то есть в день провозглашения его главой Совета революционного командования – высшего органа власти – Саддам поручил своему брату возглавить комиссию по расследованию “антигосударственной деятельности”. Разом были арестованы 21 руководящий деятель пар-

тии БААС, почти все министры и близкие друзья иракского диктатора, с помощью которых он поднялся на вершину власти.

Каждому было предъявлено обвинение в “измене и заговоре против нации”. Конкретно: “передача секретных сведений Сирии”.

Вчерашних соратников развели по камерам–одиночкам в казарме на окраине Багдада. Затем начались бесконечные допросы, в которых принимал участие сам президент.

7 августа 1979 года “заговорщики” предстали перед особым трибуналом. Вскоре в газетах были напечатаны “саморазоблачения” покаявшихся подсудимых, которых приговорили к высшей мере наказания. Президент приказал всем районным отделениям партии выделить особо отличившихся активистов для приведения приговора в исполнение. “Изменники” были расстреляны своими недавними товарищами на глазах у многочисленных журналистов и дипломатов, на присутствии которых настоял Саддам. Он же лично руководил церемонией казни.

Хотел бы обратить особое внимание на следующий факт. Что-бы морально раздавить “предателей” и заставить сознаться, по приказу Саддама политическая полиция бросила в соседние камеры их детей, которых, как установлено, пытали на глазах родителей, насиловали девочек–подростков, уничтожали целые семьи. Для иракского диктатора не было ничего святого. Человеческая жизнь для него ничего не значила.

Моральные ценности Саддама менялись в зависимости от его собственных интересов. Он делал то, что считал для себя выгодным.

Необходимо напомнить, что еще в 1973 году, будучи вице–президентом, он выступил инициатором создания единого фронта с коммунистами. Через несколько лет компартия была разгромлена. Ради удовлетворения своих амбиций он начал войну с Ираном – самую кровопролитную на Ближнем Востоке за последние 50 лет. Он заявил своим арабским соседям, что война продлится несколько дней и послужит уроком для режима Хомейни. Фактически она стоила Ираку 500 тысяч человеческих жизней и закончилась через восемь лет прекращением огня, оставившим обе стороны отнюдь не в лучшем положении, чем оно было до начала войны. Саддам не только пережил это политическое и экономическое бедствие, но и без смущения объявил войну победоносной. Для него война была не более чем шанс утвердить свои позиции среди арабов, а, в конечном счете, стать правителем всего арабского мира.

Все эти годы тактика иракского диктатора зиждилась на двух “китах”. Первое – не доверять никому, кроме представителей своего клана. Именно поэтому он окружил себя одними родственниками. Другой “кит” президента – физическое устранение всех потенциальных конкурентов и несогласных.

Установлено, что Саддам лично принимал участие в расстрелах высокопоставленных офицеров в 1982 году, обвиненных в некомпетентности и провале боевых операций на ирано–иракском фронте. Кстати сказать, около десяти прежних противников президента погибли в результате авиакатастроф или при загадочных обстоятельствах. Среди его жертв не только преданные ему люди, но даже родственники. Саддам безжалостен, когда дело касается сохранения своей власти.

Клинический случай

В последние годы в поведении иракского диктатора стали проявляться некоторые странности...

Многие из тех, кому довелось накануне войны в Персидском заливе беседовать с ним, обратили внимание на то, что он “потерял чувство реальности, утратил контакт с окружающей действительностью”. Тогдашний генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр, пообщавшись перед войной с Саддамом, назвал его человеком “не способным осознать всю тяжесть сложившейся ситуации”. Президент Египта назвал его “психопатом”, король Саудовской Аравии – “психически неполноценным”.

Многие английские психиатры пришли к заключению, что его оценка окружающего мира связана с ложным представлением о себе и тех, кто его окружает. Кое–кто из экспертов в своих выводах идет еще дальше. Они считают, что иракский вождь – “злокачественный нарцисс”. Вот четыре критерия данного диагноза: мания величия в крайней степени, садистская жестокость, болезненная подозрительность, отсутствие способности к раскаянию.

О жестокости и подозрительности сказано выше. Что касается последнего симптома, то Саддам воспринимает людей лишь как орудие для достижения своих целей. Ему чужды сочувствие и сострадание. Это хладнокровный и жестокий прагматик, рассчитывающий каждый шаг.

Мания величия проявляется у Саддама не только в надменности, но и в глубочайшей вере в свою исключительность.

Одно время он сравнивал себя с Салах эд–Дином (Саладином) – основателем династии Айюбидов, возглавлявших борьбу

мусульман против крестоносцев. Как известно, великий воин средневековья родился в том же самом местечке Тикрит, что и Саддам, и стал правителем Египта, Сирии и Месопотамии в 43 года – в этом же возрасте Хусейн пришел к власти в Ираке.

Вот уж поистине гримасы истории!

Сегодня он отождествляет себя с ...вавилонским царем Навуходоносором, который в 587 году до нашей эры разрушил Иерусалим и продержал в плену его жителей много лет. Причем, не только отождествляет. Ему очень хочется, чтобы иракцы верили, что он ведет родословную именно от этого царя.

Мания величия становится хронической, когда ее дополняет убежденность в том, что любое преступление оправдано, если оно ведет к цели. Это кредо иракского эмира.

Да-да, эмира! Причем, без кавычек. Дело в том, что Саддам разработал план провозглашения Ирака исламским государством, Багдада – столицей халифата, а себя – эмиром всех правоверных.

Первый шаг на пути исламизации страны был сделан во время войны в Персидском заливе – тогда Саддам начертал на гербе государства слова: “Аллаху Акбар!” (“Аллах Велик!”). Следующим шагом стало восстановление в Ираке некоторых законов шариата. Теперь за кражу отсекают левую руку, за рецидив – левую ногу, за дезертирство отрезают ухо и выкалывают на переносице букву “х” (от арабского “харами” – преступник). Принято также решение закрыть все увеселительные заведения и запретить женщинам появляться в общественных местах с косметикой на лице.

Больше того, Саддам назначил себя “высшим религиозным авторитетом в вопросах мусульманского права”. Иракские средства массовой информации не перестают повторять, что он молится пять раз в день, исполняет все заповеди ислама, а по пятницам посещает мечеть.

По ночам он трудится над собственным толкованием Корана. Кроме того, он решил построить (дело явно пахнет книгой рекордов Гиннеса) самую большую в мире мечеть высотой 1800 метров, шириной 700, рассчитанную на 75 тысяч молящихся.

Как сообщил старший сын иракского диктатора Удай, его отец получил множество докладов от своих спецслужб, в которых отмечалось усиление религиозных настроений в Ираке. Саддам решил, что единственная гарантия сохранения режима – возвращение к исламу.

18 миллионов двойников

На Востоке не принято афишировать личную жизнь. Тем не менее, известно, что иракский диктатор женат дважды. Его первая жена Саджида выросла со своим будущим мужем, поскольку он ее двоюродный брат.

Миссис Саддам Хусейн – одна из руководительниц Федерации иракских женщин, представляющей собой филиал партии БААС. Цель федерации – поощрять эмансипацию и политизацию женщин.

Для многих запомнился день 45–летия Саддама, когда его жена устроила прием для примерно двухсот наиболее известных женщин Ирака. Среди них были жены дипломатов и руководящих чиновников, приглашенные отметить день рождения президента. Подали колоссальный, весь в свечах, торт. Много пели и аплодировали. Во главе одной из процессий шли две женщины, которые несли напоминавшие кафедральный собор свечи, а между ними шествовала третья, одетая в блузу с изображением Саддама.

Присутствовавшая на приеме женщина с Запада заметила:

Мне очень хотелось узнать, что думала об этом миссис Саддам Хусейн. Если бы речь шла о моем муже, то я считала бы что это уж слишком.

Независимо от своего личного отношения к происходившему, миссис Хусейн и намеком не дала понять, будто что–либо вышло за рамки хорошо подготовленного пышного праздника. После многолетнего замужества она привыкла к экстравагантным поступкам своего “повелителя”. А когда Саддам захватил первые страницы мировой прессы, миссис Хусейн по–прежнему оставалась в тени. Можно обнаружить лишь два ее изображения – одно из них сделано в день свадьбы. Другое помещено в 1978 году в журнале “Аль–Мараа”, который опубликовал тогда статью, посвященную семье президента. Автором ее был Саддам. В ней он излагал свои взгляды на семейную жизнь. “Самое важное в браке заключается в том, чтобы мужчина не давал повод женщине чувствовать себя угнетенной только потому, что она – женщина, а он – мужчина. Как только она почувствует себя униженной, семейной жизни наступит конец”.

История второго брака Саддама получила широкую огласку даже за пределами Ирака. В 1988 году, когда бои на ирано–иракской границе подходили к концу, президент, по–видимому, стал задумываться о личной жизни.

Увидев жену президента авиакомпании “Ирак Эйруэйс”, он понял: судьба дарит ему шанс. Саддам предложил мужу дать жене развод. По шариату, (исламскому законодательству), это не слиш-

ком сложная процедура: необходимо лишь в присутствии свидетелей три раза произнести слово “талак” – “развод”. Против этого брака стал возражать шурина Саддама, брат его первой жены Аднан Хейралла, занимавший тогда пост министра обороны. Вскоре после этого он погиб при катастрофе вертолета в результате очередной “сильной песчаной бури”, которая каким-то чудом обошла оба вертолета сопровождения, не получивших ни единой царапины.

Против второго брака президента возражал и его старший сын Удай. Разгневанный тем, что он не может высказать отцу всего, что он думает об этом браке, Удай затеял ссору в тире с молодым сотрудником Саддама и убил его ударом дубинки по голове. Отец поместил сына и потенциального преемника в тюрьму и настаивал на смертной казни. За Удаем вступилась мать, а родственники убитого прислали президенту письмо, в котором просили не наказывать Удаю.

Для полноты портрета можно добавить следующее. Саддам – заядлый садовод, страстный любитель загородных прогулок на яхте. Кроме всего прочего, он питает слабость к дорогим западным костюмам, высокоскоростным иностранным автомобилям – первый его “мерседес” находится в музее партии БААС. Любимое развлечение – прокатиться с ветерком на машине и выкурить за рулем хорошую гаванскую сигару.

В Ираке нет ни одного города, где не было бы мраморного, графитного или бронзового памятника “вождю арабской нации”. Иракцы шутят: “Если считать население Ирака по головам, то нас будет 36 миллионов – 18 жителей и столько же статуй Саддама”. Я не говорю уже о картинах!

На протяжении многих лет пребывания у власти он считал, что его действия можно оправдать, какими бы они ни были. Он еще продемонстрировал это 2 августа 1991 года, вторгшись в соседний Кувейт, потребовав от него весь золотой запас и нефть, но потерпел крах от многонациональных сил.

Такова беспощадная логика вооруженного до зубов диктаторского режима.

ЭЗЕР ВЕЙЦМАН – ПРЕВРАЩЕНИЕ “ЯСТРЕБА” В “ГОЛУБЯ”

Выбор сделан! – объявил 4 марта 1998 года председатель кнессета (израильский парламент) Дан Тихон и, выдержав положенную паузу, торжественно произнес: – Президент Израиля Эзер Вейцман переизбран на новый пятилетний срок.

Претендентов на этот высший пост было двое. Депутат кнессета Шауль Амор, выдвинутый правящим блоком “Ликуд”, и Эзер Вейцман от оппозиционной партии “Авода”. Главу государства избирал парламент тайным голосованием, в котором участвовало 119 депутатов. Семь опустили в избирательные урны пустые бюллетени. Шауль Амор получил 49 голосов, Эзер Вейцман – 63.

Подобный итог в Израиле предсказывали заранее. И средства массовой информации, и многие парламентарии. Тем не менее выборы президента никогда еще не привлекали такого внимания, не вызывали столько политических и личных страстей. Причин тому много. Одна из них заключалась в том, что борьба за президентское кресло приняла характер выяснения межэтнических отношений.

В ходе предвыборной кампании Шауль Амор постоянно обещал, что в случае победы станет “первым президентом второго Израиля”. То есть он, выходец из Марокко, будет первым представителем общины “сефардов” – евреев восточного происхождения.

Один из его ярых сторонников даже заявил:

Нам надоел президент–ашкенази!

(То есть выходцы из стран Европы и их потомки.)

Вейцман, чьи дальние родственники до сих пор живут в России, не замедлил с ответом.

Я не обязан оправдываться за свое происхождение...

Впрочем, не это главное. По мнению многих политических обозревателей, проигрыш Шауля Амора – это прежде всего поражение премьер–министра Биньямина Нетанягу. Именно он выдвинул Амора и лично участвовал в кампании по его избранию.

Но депутаты предпочли Эзера Вейцмана – убежденного сторонника мира, а точнее – “ястреба мира”, как он сам называет себя.

Его жизнь – это весьма необычная история еврея, горделивого и не страдающего комплексами, антиконформиста, хвастуна и скандалиста, сумевшего, однако, столь “элегантно” перейти от правого сионизма к левому, что никто не осмелился обвинить его в оппортунизме.

– Обстоятельства меняются. И тот, кто сам не меняется вместе с ними, – просто идиот, считает Вейцман.

В его президентском кабинете на стене за креслом главы государства разместились, разумеется, на почетном месте две фотографии. На первой – высокий, худощавый молодой человек в форме летчика. Это Вейцман в 50-е годы сидит за столиком в отеле “Кинг–Дэвид” в Иерусалиме в компании еще двоих. Слева от него – лидер партии МАПАЙ (сегодня “Авода”), первый премьер–министр Израиля Давид бен–Гурион, а справа – его старый противник Менахем Бегин, основатель движения “Херут” (прародитель нынешнего блока “Ликуд”). Этакий наглядный символ связующего звена между левыми и правыми, воплощением которого является президент в глазах своих сограждан.

На второй фотографии – Вейцман в 1978 году в Кэмп–Дэвиде между американским президентом Джимми Картером и египетским Анваром Садатом. Израильцы помнят, сколь решающую роль сыграл он тогда, будучи только назначенным министром обороны в правительстве Бегина, в установлении мира между Египтом и Израилем.

Впрочем, к миролюбивым настроениям Эзер Вейцман пришел не сразу.

Он родился в 1924 году в Хайфе в аристократической сионистской семье. Его отец Ихиэль Вейцман был одним из уважаемых граждан города, а дядя Хаим Вейцман – первым президентом государства. Забегая вперед, скажу, что его жена – родная сестра Рут Даян, жены известного министра обороны Моше Даяна до их развода в 1971 году.

После окончания школы он стал учиться пилотажу. Первый самостоятельный полет совершил в 18 лет. В разгар второй мировой войны вступил в английскую армию. В 1943 году его включили в первую группу палестинских добровольцев, направленных в летное училище в Родезии. Затем сражался в Египте и Индии.

Демобилизовавшись в 1946 году, Вейцман остался в Англии и поступил на авиационные инженерные курсы. В этот же период он стал активным членом экстремистской организации “Иргун цвай леуми”. Незадолго до провозглашения в мае 1948 года Государства

Израиль Вейцман возвратился в Палестину, чтобы помочь в создании авиационных подразделений. Впоследствии они станут ядром израильских военно-воздушных сил, в которых будущий президент был одним из первых летчиков – уроженцев страны.

Во время первой арабо-израильской войны (израильтяне называют ее “войной за независимость”) в 1948 году он командовал эскадрилей в Негеве. Затем был послан в Чехословакию, чтобы переправить закупленные там самолеты “мессершмитты” в Израиль. Он участвовал в первом авиационном налете на египетские войска, подошедшие к Ашдоду.

В 1950 году его назначают начальником оперативного отдела штаба BBC. А через год посылают на учебу в Англию в военно-штабной колледж. По возвращении он становится командиром “крыла”, в состав которого входили первые реактивные истребители, поступившие на вооружение израильской армии.

Во время войны 1956 года Вейцман участвовал в воздушных атаках на Египет, а после нее стал начальником авиационного отдела штаба BBC. В 1958 году он, что вполне естественно, был назначен командующим военно-воздушными силами и получил звание генерала. Находясь на этом посту, принимал участие в переговорах с французами, снабжавшими израильские BBC самолетами своего производства. Но еще большее внимание он обращал на боевой дух и высокую боевую выучку летчиков. В 1966 году Вейцман получил назначение на должность начальника оперативного управления и заместителя начальника генерального штаба.

Еще до “шестидневной войны” в июне 1967 года он заявил, что израильские BBC способны разгромить египетскую авиацию в течение шести часов. Некоторые расценили это как “одно из несерьезных заявлений Вейцмана”. По окончании войны он получил все основания с усмешкой говорить, что ошибся в своих расчетах, так как израильской авиации потребовалось для этого менее трех часов. Его “миражи” буквально “пригвоздили” к земле египетские самолеты. Признано, что успеху израильских BBC во многом способствовали планы, разработанные Вейцманом.

После ухода из армии в 1969 году он на короткий период появился на политической сцене. Из кресла начальника главного оперативного управления генерального штаба он “перескочил” в руководство партии “Херут”. Это произошло тогда, когда стало известно, что у него нет шансов на назначение начальником генштаба. И когда “Херут” исчерпала возможности подбора кандидатов из числа своих руководящих деятелей на министерские посты в пра-

вительстве национального единства, один пост – министра коммуникаций – был предложен Вейцману: ведь это “чудный парень”, да к тому же у него такие связи, в том числе и родственные.

В то время он был одним из “ястребов” (то есть занимал крайне правые позиции), решительно выступал за продолжение оккупации арабских территорий. По вопросам политики на захваченных землях, а также по вопросам взаимоотношений с арабскими странами он оставался верным принципам “Херут” не меньше, чем ее лидер Бегин, отличавшийся ультранационалистическими взглядами.

Неудивительно, что Бегин решил приблизить Вейцмана к себе. В декабре 1970 года его избрали председателем правления партии “Херут”. К этому времени он стал простым гражданином – не занимал правительственных или государственных постов. Видимо, это развязало ему руки, и он выступил с рядом резких политических заявлений. Например: “Пришло время ликвидировать Иорданию”. Тогда же он написал ряд статей по вопросам ведения войны, отношений с арабскими странами, перспектив мирного урегулирования, которые публиковались в газете “Гаарец”. По их содержанию можно судить о тогдашнем мировоззрении Вейцмана: Израиль должен отказаться от концепции “неприменения силы”.

Фактически он стал вторым человеком в партии “Херут”. Бегин, очевидно, почувствовав в нем потенциального соперника, решил избавиться от него. На партийном съезде в конце 1972 года Вейцман получил треть голосов делегатов, но у него не хватило терпения продолжать внутрипартийную борьбу, и он ушел в отставку.

Тем не менее в 1977 году Бегин предложил Вейцману возглавить предвыборный штаб блока “Ликуд”, что в немалой степени способствовало приходу этого блока к власти. В 1977–1980 годах, занимая пост министра обороны, он играл важную роль в заключении мирного договора с Египтом. И многие в Израиле рассматривали Вейцмана как преемника Бегина. Но в 1980 году он оборвал свою политическую карьеру – вышел из правительства и из лагеря правых.

В одной из бесед со мной бывший первый посол Израиля в России Арье Левин так объяснил этот шаг:

Эзер Вейцман порвал с блоком “Ликуд”, поскольку не разделял жесткий политический курс премьер–министра. Именно в период кэмп–дэвидской эпопеи, когда Бегин отстранил Вейцмана от переговоров, у него сформировалось убеждение в том, что единственно верным путем является поиск мирного урегулирования с арабскими

странами. Именно в Кэмп-Дэвиде Вейцман разуверился в искреннем стремлении “Ликуда” и лично Бегина выполнять условия кэмп-дэвидских соглашений и добиваться всеобъемлющего мира. А к этому времени мир для Вейцмана стал делом жизни, а не красивым словом. Поэтому он ушел.

Превращение из “ястреба” в “голубя” (то есть в политика левых взглядов) многие объясняют следующим. Визит египетского президента Садата в Иерусалим в ноябре 1977 года оказался сильнейшим эмоциональным шоком для многих израильтян. А для Вейцмана, к которому надолго прилипло насмешливое прозвище “Эзер Египетский”, это стало поворотным моментом в жизни. Следует иметь в виду, что он был военным летчиком. Его ни разу не сбивали, он не попадал в плен. Поэтому он видел не страшное будничное лицо войны, а ее парадный фасад. Летчик не видит кровь тех, кого извлекают из-под обломков, не слышит их стонов. Подлинное лицо войны он увидел, когда стоял у постели своего сына Шауля, тяжело раненного в 1970 году пулей египетского снайпера у Суэцкого канала (позднее он погиб в автомобильной катастрофе). Вот когда началось его превращение из “ястреба” в “голубя”. Отныне прославленный воин будет стремиться внушить израильтянам веру в себя – этот обязательный ингредиент для заключения мирных договоров.

Это просто безумие, что мы, евреи, до сих пор сохранили некий комплекс гетто, – заявил однажды Вейцман. – Как будто мы испытываем удовольствие, утверждая, что другие нас ненавидят. Как теперь говорят? Можно вывести еврея из гетто, но трудно вывести гетто из еврея.

Позднее он скажет:

Черт возьми! У нас одна из лучших армий в мире! Чего же мы боимся? Мы должны обязательно верить в мир и понять, что территории сейчас имеют куда меньшее значение, чем политические соглашения, психологическая стойкость народа Израиля.

Основав после выхода из “Херут” небольшую центристскую партию, не имевшую особых перспектив на будущее, Вейцман в 1984 году избирается членом кнессета в качестве независимого депутата и вскоре присоединяется к партии “Авода”. (Тогда она называлась “Партия труда Израиля”.) От нее он вновь избирается в 1988 году в кнессет и получает пост министра энергетики, инфраструктуры, науки и техники. Некоторые члены этой партии будут потом упрекать его за то, что он занимал удивительно молчаливую позицию в течение двух первых лет войны в Ливане.

Но популярный Вейцман весьма полезен. Вернувшись к власти в составе правительства национального единства, созданию которого он содействовал вместе с Шимоном Пересом, становится министром по делам науки.

Являясь сторонником – каким он остается до сих пор – открытого диалога с Организацией освобождения Палестины, теперь уже признающей существование Государства Израиль, Вейцман в 1990 году тайно встречался в одном из женеvских отелей с представителем этой организации. Однако израильская разведка не спит, и ей удастся записать беседу. Тут уж не выдерживает не выносивший этого “предателя”, перешедшего в лагерь левых, Ицхак Шамир (а теперь наступает его очередь исполнять обязанности премьер-министра). Ведь закон, принятый в 1986 году (сегодня он отменен), запрещал любые контакты с “террористами”. Шамир обвинил нарушителя закона в сговоре с врагом и потребовал его голову. Но он не получил ее: через некоторое время Вейцман, ярко выраженный индивидуалист, человек импульсивный, но прекрасно умеющий контролировать себя, мятежник в душе, сам заявил об уходе с политической сцены и отказался от депутатского мандата, окончательно превратившись к тому времени из “суперястреба” в крайнего “голубя”.

Уходя, Вейцман дал интервью израильскому телевидению, в котором сказал все то, что знают популисты, кормящие народ мифами, но не смеют сказать, потому что боятся потерять голоса будущих избирателей.

Ошибается тот, – заявил он, – кто думает, что можно прийти к миру с Сирией и оставить в руках Голанские высоты. Не стоит стараться изолировать палестинцев и добиваться отдельного урегулирования с Сирией. Так или иначе все будет согласовываться с ООП. Так зачем же играть в детские игры? И вообще – какое право мы имеем диктовать противоположной стороне, кто от ее имени должен говорить с нами?

Можно соглашаться с Вейцманом или нет, но нельзя отрицать искренности его раздумий, не рассчитанных на то, чтобы сорвать аплодисменты. Нельзя не видеть благородство, которое и сделало его аутсайдером израильской политики. Если есть что-то полярно противоположное политическому прагматизму с его комбинациями и электоральными расчетами, то это Вейцман. Если есть что-то полярно противоположное популизму, то это тоже Вейцман. Он мог бы в свое время стать лидером “Ликуда” и главой правительства,

если бы руководствовался в политике расчетами, личными амбициями и не был столь бескомпромиссно верен своим убеждениям.

Вейцман прекрасно знает израильскую политику. Причем изнутри, и у него нет на этот счет иллюзий. Еще задолго до избрания президентом ему не раз предлагали возглавить “лагерь мира”. Он отказался...

Я не хотел бы уходить из политики, – заявил он. – Но пачкаться не буду.

Эзер Вейцман – оптимист и одна из колоритных фигур в израильских высших кругах. Он приобрел себе многих врагов из-за острого язвительного языка и привычки делать обидные замечания. За ним также закрепилась репутация человека, принимающего поспешные решения, не умеющего взвешивать до конца все “за” и “против”. Эта репутация, как считают, послужила одной из причин того, что Вейцмана не назначили начальником генерального штаба, несмотря на его блестящие способности и выдающиеся заслуги. Это он создал израильскую военную авиацию как главную ударную мощь вооруженных сил и привил летчикам такие отличные качества, как высокий боевой дух, смелость действий, умелая тактика.

Многие, кто общался с Вейцманом, отмечали, что он всегда вызывает симпатию собеседника: очень дружелюбен, открыт, обаятелен. Его можно убедить, в нем нет упрямства, желания рассердить собеседника. Он умеет выслушать, принять доводы. В широком плане он склонен к той прагматичности, которая в принципиальных вопросах тяготеет к уступкам и компромиссу. Ему необходимо, как дышать воздухом, чтобы все его любили, хвалили и благодарили. Эта необходимость подчиняет его себе и приводит (не может не привести!) к неудачам. Между этой необходимостью и умением твердо стоять на своей позиции, быть верным своим принципам и бороться за них – непроходимая пропасть.

Многие знают Вейцмана, одаривающего всех и каждого улыбкой, добродушного, очаровательного. Но он может впасть в невероятную ярость. Он – человек крайних настроений. Мгновенно может перейти от угнетенного состояния к настроению, полному оптимизма и юмора, от глубокого разочарования к великой надежде. Поэтому нельзя угадать заранее, какое решение он примет, какой будет его реакция.

Служивцы Вейцмана свидетельствуют, что временами он колебался между умеренностью и агрессивностью, какое-либо со-

бытие могло привести его к неожиданному и решительному изменению мнения. Часто у него прав тот, кто дал совет последним.

13 мая 1993 года, в соответствии с действующим в стране протоколом, седьмой президент Израиля вступил в должность и принес присягу перед депутатами. От Вейцмана – армейского человека, верного неделимой “Эрец–Исраэль” (“Земля Израиля” в библейских границах), борющегося за Иудею и Самарию, – и следа не осталось в образе Вейцмана–политика.

Поздравляя нового президента с избранием, покойный премьер–министр Ицхак Рабин сказал, что видит в нем такого политического деятеля, который сможет консолидировать израильский народ в период трудных решений. Не исключено, что глава правительства имел в виду то, что Израилю предстояло сделать важный выбор на переговорах с арабами, пойти на компромисс, призванный обеспечить мир на Ближнем Востоке. Как писали тогда израильские газеты, это заявление свидетельствовало о доверии Рабина новому президенту, хотя между двумя бывшими военачальниками существовали весьма непростые отношения.

Соперничество между новым главой государства и премьер–министром началось со времен “шестидневной войны” в июле 1967 года, когда генерал Рабин был начальником генерального штаба, а генерал Вейцман – его замом и начальником оперативного управления. Глава правительства, психологически представляющий полную противоположность президенту, так никогда и не простил своему бывшему подчиненному, что тот рассказал о приступе нервной депрессии, случившемся с ним перед самым наступлением.

Я видел, как ему вкатили в мягкую часть укол транквилизатора, – рассказывал Вейцман.

В течение 24 часов, пока начальник генерального штаба приходил в себя, руководство операциями осуществлял его заместитель. Эта история, широко подхваченная правыми силами, причем в искаженном виде, чуть было не стоила Рабину его последнего назначения. Годы спустя Вейцман выступил решительно против выдвижения кандидатуры бывшего шефа на пост премьер–министра от партии “Авода”.

Нет нужды говорить о том, что глава правительства сделал все возможное, чтобы воспрепятствовать избранию своего товарища по оружию. Но не смог.

У седьмого президента Израиля в его 74 года есть мечта – быть приглашенным сирийским коллегой на обед в Дамаск.

Не смейтесь, – предупреждают в его окружении. – Когда Вейцману приходит в голову какая-то идея, нацеленная на мир, он способен на все, абсолютно на все.

Этому следует верить. Ведь уже на следующий день после вступления в должность на первый срок Вейцман заявил, что, как бы ни были ограничены возможности его в основном почетного поста, он отнюдь не собирается довольствоваться лишь торжественным открытием выставок.

За минувшие годы президентства Вейцман не раз доказал, что не бросает слов на ветер.

Здесь следует пояснить, что по израильским законам глава государства имеет не так уж много полномочий. Президент – это прежде всего символ, и его обязанности носят скорее церемониальный характер.

Это жизнь в золотой клетке, – сказал один из его предшественников на этом посту Ицхак Навон.

Эзер – необычная птица за столом правительства, – говорили о Вейцмане, когда он был министром.

Он – необычная птица и в качестве главы государства. Это он стремился принимать непосредственное участие в делах страны, прямо и откровенно высказывался по самым острым политическим вопросам, что прежде казалось несовместимым с положением президента. Это он советовал покойному премьер-министру Ицхаку Рабину приостановить израильско-палестинские переговоры, а позже заставил нынешнего главу правительства Биньямина Нетаньягу встретиться с лидером ООП Ясиром Арафатом.

Вейцман в свойственном ему демократическом стиле говорил и о службе женщин в боевых частях армии, чем вызвал гнев израильских феминисток, и о гомосексуалистах, чем навлек на себя ярость так называемых сексуальных меньшинств. Словом, он придал посту президента солидность и значимость...

Хорошо, что у меня есть носовой платок, – заявил в свое время первый президент Хаим Вейцман. – Это единственное место, куда я могу сунуть свой нос.

Его племянник сует нос, куда только может.

Но народу нравится столь эксцентричный президент. С течением времени его популярность лишь возрастает. Похоже, что все испытали облегчение, когда победил Эзер Вейцман. Даже те, кто активно выступал против него.

Сам глава государства заявил, узнав результаты голосования:

Конечно, я испытываю радость. Однако не скажу, что я на седьмом небе...

Вряд ли после переизбрания Эзер Вейцман изменит свою натуру. Скорее всего останется таким, каким был всегда, – человеком, никогда не приспособливающимся к политическим реалиям, а создававшим их. Все хотели такого президента, который по своему характеру, а во многом и по взглядам, является противовесом премьер–министру. Ведь законы Израиля дают главе правительства весьма широкие полномочия и большие права.

РАФИК ХАРИРИ – ПРОСТОЙ ПАРЕНЬ ИЗ САЙДЫ

В октябре 1992 года президент Ливана Ильяс Храуи назначил 46-летнего саудовского строительного магната Рафика Харири (ливанец по происхождению) премьер-министром. Это назначение было расценено в Бейруте как последний шанс для спасения страны.

Империя премьер-министра

Ущерб, нанесенный Ливану 17-летней гражданской войной и разрушительными вторжениями Израиля, превысил, по оценкам экспертов, 25 миллиардов долларов. Это в пять раз больше, чем потерял Кувейт в результате иракской агрессии в 1990–1991 годах.

Воспользовавшись относительно устойчивой политической обстановкой, новый премьер-министр сумел стабилизировать положение с валютой. Утверждают, что он использовал свои собственные наличные деньги, чтобы поднять на 30 процентов курс ливанского фунта по отношению к доллару. Иными словами, созданная им команда, если верить сообщениям из Ливана, “в первые три месяца продавала его доллары, чтобы справиться с волной спекуляции валютой”.

Сам премьер-министр заявляет:

Валюта стабилизировалась потому, что я возглавил правительство. Никакой другой причины нет.

Как бы то ни было, но стабилизация ливанского фунта позволила Харири вернуть в страну 2 миллиарда долларов в виде сбережений ливанцев, уехавших за границу. Это в свою очередь увеличило банковские депозиты более чем на 20 процентов, что дало возможность главе правительства приступить к осуществлению программы восстановления Ливана, рассчитанной на 10 лет. Она, по подсчетам экономистов, обойдется в 12 миллиардов долларов.

Руководство этим восстановлением и в значительной степени банковское обеспечение – вот два основных направления, которыми день за днем занимается премьер-министр. И весьма успешно! Как отмечают наблюдатели, “наряду со стабильностью он уже при-

дал свою имперскую манеру Ливану – республике, которая никогда не терпела императоров”.

Но случай с Харири – особый. Ведь именно он, как считают его сторонники и признают оппоненты, поставил Ливан на ноги. Но для этого ему потребовалось назначить своих людей почти на все ключевые посты в правительстве.

Министры финансов, экономики и торговли, почт и коммуникаций – это преданные ему сотрудники из его компаний. Таковыми же являются начальник бейрутского морского порта и директор Совета по развитию и реконструкции. Министр юстиции – адвокат Харири. Управляющий Центральным банком – его биржевой маклер.

Премьер–министр создал государство в государстве. Он трагил свое состояние, скупая недвижимость в Ливане, стал крупнейшим в стране владельцем средств массовой информации – газет, радиостанций и двух телевизионных каналов, в том числе 50 процентов акций государственной компании “Теле–Либан”. На свои собственные деньги создал фирму “Солидер”.

Он пытается построить еще одно королевство Саудовской Аравии, – иронизирует Омар Дахук, отпрыск одного из традиционно правивших в Бейруте семейств. – Но у него ничего не выйдет. Это же Ливан.

Тем не менее, в башне Садата, расположенной в Западном Бейруте, несколько десятков тщательно одетых выпускников университета заняты разработкой моделей развития ливанской экономики. За письменным столом молодая женщина подсчитывает во что обойдется государственной казне повышение заработной платы. За другим столом – мужчина в европейском костюме проводит бухгалтерскую ревизию отделений ливанской таможни.

Ряд людей работают на “частный” Центр экономических исследований Харири. Орган, связанный с министерством финансов, но укомплектованный исключительно сотрудниками фирм, принадлежащих премьер–министру. В самом этом министерстве лишь немногим работникам разрешается пользоваться служебными телефонами, не говоря уже о компьютерах. Выплачиваемая им правительством заработная плата составляет менее 60 процентов той суммы, которую платит Харири.

Это двухъярусное правительство беспокоит некоторых ливанцев. Прежде всего потому, что в Ливане, где важную роль играют клановые связи, многие обвиняют премьер–министра в стремлении обратить выгоды от пребывания у власти для своей религиозной общины – мусульман–суннитов, чтобы самому создать политиче-

скую базу. Такая перестройка была заложена в пакте 1989 года, положившим конец гражданской войне и усилившим позиции мусульманских политиков за счет христиан. И хотя этот документ призывал покончить с существующей в Ливане системой распределения власти между религиозными общинами, премьер–министр не осуществил никакой светской реформы.

Помимо классовых противоречий, возвышение Харири и “финансовой милиции”, как в Ливане называют его подчиненных, угрожает статусу семей мусульманской и христианской элиты, которые десятилетиями правили страной. Многие из их представителей в годы гражданской войны находились в Европе и США, надеясь в один прекрасный день вернуться, чтобы восстановить государство. Ныне же, когда контроль над Ливаном осуществляет Харири при поддержке своих “нефтяных” друзей из стран Персидского залива, эти надежды оказались тщетными.

Кто этот нувориш Харири? – негодует Махмуд Шатила, наследник состояния одного из крупнейших суннитских семейств в Бейруте. – Мы были богатыми на протяжении четырех поколений. Один из моих предков был первым премьер–министром Ливана. Пятнадцать лет назад этот Харири был никем.

Ему вторит племянник бывшего премьер–министра архитектор Асам Салам:

Что надо было сделать после 17 лет войны? Восстановить доверие к официальным институтам. Создавая свой собственный параллельный аппарат, это сделать невозможно.

Ливанец с саудовским акцентом

Многие представители ливанской элиты считают Рафика Харири, родившегося в бедной крестьянской семье из города Сайды, посторонним в многоликом Бейруте. Наверное потому, что будущий премьер–министр юношей покинул Ливан и обосновался в Саудовской Аравии. Именно там, в 1970 году, 24–летнего честолюбивого бухгалтера заметил наследный принц Фахд и предложил ему стать строительным подрядчиком королевского двора. В течение последующих двадцати лет, принадлежащая ему компания “Оджер энтерпрайсис”, построила десяток объектов – от аэропортов до дворцов, от больниц до гостиниц – для саудовского королевского семейства и эмиров в странах Персидского залива.

Харири и король Фахд стали близкими друзьями. Больше того, парень из Сайды был удостоен престижной для иностранца награ-

ды в этом королевстве: получил саудовское гражданство. Он даже говорит по-арабски с саудовским акцентом.

Кстати сказать, принадлежащий корпорации реактивный самолет, которым пользуется премьер-министр, имеет саудовские опознавательные знаки. Сыновья Харири приветствуют отца, целуя ему руку, что характерно для Саудовской Аравии, но редкость в Ливане.

Активы главы ливанского правительства, оцениваемые от 3 до 4 миллиардов долларов, как сообщает журнал “Форбс”, позволяют ему занимать место среди 100 богатейших людей мира. Наряду с другими компаниями он владеет банками на Ближнем Востоке и в Европе, парком частных реактивных самолетов и одним из крупнейших в Саудовской Аравии издательств, выпускающих Коран. Он владеет недвижимостью на четырех континентах, включая 75-этажное здание техасского торгового центра в Хьюстоне.

В 1983 году Харири связал себя и своих саудовских спонсоров с восстановлением деловой части Бейрута. Злые языки пустили слух, что он хотел доказать королю Фахду, что является истинным членом королевского семейства.

Особенно раздражает многих крупных землевладельцев планы Харири реконструировать деловые кварталы Бейрута. Компания “Солидер”, которую он основал с этой целью, присвоила себе большую часть разбомбленного центра ливанской столицы. В качестве компенсации владельцы и арендаторы участков получили 65 процентов акций компании. Оставшиеся у “Солидер” акции, оцениваемые в 650 миллионов долларов, были проданы ливанцам, чтобы выручить наличные деньги для создания инфраструктуры. Из предложенных к публичной продаже акций глава ливанского правительства приобрел 19 процентов, что сделало его крупнейшим держателем акций компании “Солидер”.

Я называю это мошенничеством века, – возмутился Омар Дахук.

“Солидер” действует не в интересах государства, а в интересах Харири, – считает Мохаммед Беджави, депутат парламента от проиранской группировки “Хезболлах”.

Аналогичные жалобы раздаются и в христианском Восточном Бейруте. Премьер-министра обвиняют в самоуправстве по отношению к некоторым владельцам собственности, совершенном с помощью финансовой стратегии и в искажении традиционного лица центра Бейрута из-за слишком большого упора на современную архитектуру.

Центр столицы – это результат десятилетий и десятилетий развития ливанской культуры, – говорит Наил Бустрос Сенул, принадлежащая к одной из старейших и богатейших семей православных греков. – Все конфессии и классы трудились и жили в деловой части – мелкие служащие, торговцы текстилем, адвокаты... Теперь же ливанцы, которые смешивались там, никогда не смогут вернуться туда. Деловые кварталы будут лишь для очень богатых арабов из стран Персидского залива. И очень богатых ливанцев, которые сейчас за границей.

Сам премьер–министр выдвигает более простую причину вхождения в “осиное гнездо” политиков Ливана.

Я – простой ливанский парень, который разбогател в Саудовской Аравии и не забыл свой народ. Чем больше прирастали мои богатства, тем больше помогал я своей стране. Это у меня в крови.

Действительно, когда оскудели различные источники государственных средств, он вмешался, чтобы платить заработную плату профессорам университета, уборщикам улиц, стюардессам ливанской авиакомпании “Мидл Ист”. Он раздавал институтские стипендии и оказывал щедрую благотворительную помощь.

Новая эра Бейрута

Чтобы ни говорили о премьер–министре, но через два года после его назначения в Ливане почти официально объявили о “новой эре Бейрута”. Она началась в сентябре 1994 года, когда более 40 тысяч ливанцев, взявшись за руки на площади Мучеников, запели вместе с ливанской примадонной Фейруз, которая в свое время поклялась не петь в своей стране, пока там не будет мира. В тот день в белом платье широкого покроя в сопровождении сорока музыкантов она запела: “Я люблю тебя, мой Ливан!” Это было волнующее событие. Христиане и мусульмане, люди молодые и пожилые держались за руки, а их голоса отдавались эхом среди груд щебня и изрешеченных снарядами зданий.

Среди этих людей находился и премьер–министр Р.Харири, тоже подпевавший Фейруз. Правда, с саудовским акцентом.

А несколько дней спустя, на другой яркой церемонии, президент Ливана Ильяс Храуи заложил камень по случаю начала осуществления проекта восстановления ливанской столицы. На этом камне было написано единственное слово – Бейрут. Он был заложен рядом с разрушенным снарядом монументом в память о Мучениках, который находился в самом центре боев во время гражданской войны, начавшейся 15 апреля 1975 года.

Мы хотим, чтобы камень, который мы закладываем, стал камнем, знаменующим новую эпоху и обновленное общество, – заявил президент Ливана под бурные аплодисменты собравшихся.

“Виновник” торжества – премьер–министр Харири стоял рядом. Эта церемония была своего рода символическим жестом президента, предпринятым с целью осудить критиков проекта восстановления ливанской столицы, который осуществляет компания “Солидер”.

План Харири, получивший название “Горизонт – 2000”, охватывает 19 отдельных отраслей – от образования до уборки мусора. Премьер–министр руководит программой возрождения Бейрута и Ливана через Совет по развитию и реконструкции. Созданный еще в 1977 году, этот совет затем перестал функционировать, и был восстановлен Харири незадолго до его назначения премьер–министром.

Восстановление Бейрута идет полным ходом. В центре города уже произошли заметные изменения. В общей сложности снесено более 150 домов, расчищены места для постройки новых зданий. Повсюду появились рисунки художников, воспроизводящие будущую панораму ливанской столицы.

От площади Мучеников пройдет бульвар, ведущий к Средиземному морю. Уже появились десятки новых жилых корпусов. Многие из них – высотные здания стоимостью в несколько миллионов долларов.

И хотя критика в адрес Харири продолжается, в него верят. Причем, не только в Ливане. Свидетельство тому – выпуск в 1995 году еврооблигаций, который осуществила лондонская компания “Мэррил линч” под гарантии “Банк Индосуэц энд Париба”. Это – первый в Ливане выпуск еврооблигаций и один из первых в арабских странах. Первоначально он был определен в 150 миллионов долларов. Однако в связи с большим интересом инвесторов сумма была увеличена до 300, а затем до 400 миллионов. Выпущенные на три года, эти облигации, как ожидают, будут котируются на фондовой бирже в Люксембурге.

Этот шаг открывает дверь на мировые рынки капитала, – заявил Харири на церемонии в Лондоне по случаю выпуска облигаций.

Поступления от них пойдут на финансирование строительства главной кольцевой дороги Бейрута и жилых домов, для поддержания тех, кто покинул охваченную гражданской войной столицу, что–

бы освободить перенаселенные районы города. Среди подписчиков на эти облигации люди почти из 20 стран.

Конечно, Ливан никогда не будет иметь то изящество, каким он отличался до войны. Тогда открытый бейрутский порт и либеральная европейская атмосфера делали его идеальным центром деловой активности на Ближнем Востоке. В условиях существовавших в стране законов о тайне вкладов по швейцарскому образцу особенно преуспевали банки. На ливанских пляжах и курортах процветал туризм.

Премьер–министр прекрасно это понимает. Но он верит в другое: наступит новая эра, в которой Бейрут будет соперничать в бизнесе с такими растущими торговыми центрами, как Каир, Бахрейн, Дубай, Тель–Авив и Никосия.

Честь и хвала Рафику Харири – простому парню из Сайды, который наверняка войдет в историю Ливана как человек, заново отстроивший свою страну...

БИБИ НЕТАНИЯГУ – “ГОСПОДИН ТРИ НЕТ”

Накануне первых прямых выборов премьер–министра, проходивших в Израиле 29 мая 1996 года, опросы общественного мнения единодушно предрекали победу и. о. главы правительства, лидеру Партии труда (Авода) Шимону Пересу. Поддерживавшие его средства массовой информации перешли все дозволенные границы в злобных нападках на второго претендента – председателя блока правых партий Ликуд Биньямина Нетаниягу.

Но тогда был день его триумфа...

Рано утром, еще до открытия избирательных участков, оба кандидата, по свидетельству журналистов, находились в состоянии напряженного ожидания и явно нервничали. Лидер оппозиции Нетаниягу, который провел ночь перед выборами в номере роскошной тель-авивской гостиницы, даже выставил за дверь группу корреспондентов газеты “Вашингтон пост”, заявив, что “они его раздражают”.

Голосовал он на избирательном участке, расположенном в иерусалимской школе “Бейт–хинух”. Интервью давать отказался. Сказал только, что “абсолютно уверен в победе”.

Едва стали известны результаты выборов, многие СМИ, ранее поливавшие Нетаниягу на чем свет стоит, сразу же сменили тон. Он стал для них – “политиком нового поколения с яркими качествами лидера, с жесткой хваткой, с трезвой реакцией, с воображением и умением улавливать динамику глобальных процессов”. Они вдруг вспомнили, что у Биби, как его называют соратники по партии, “есть разностороннее образование, прошлое боевого офицера, опыт в бизнесе и дипломатии”.

Действительно, послужному списку Нетаниягу может позавидовать любой израильский политик, карабкающийся к вершине власти.

Возраст: 48 лет. **Родители:** Бенцион и Циля, выходцы из России. **Семейное положение:** женат, трое детей. **Место жительства:** Иерусалим. **Образование:** высшее, Массачусетский технологический институт, бакалавр архитектуры, магистр экономики. **Опыт работы:** директор отдела международной фирмы экономи-

ческих консультаций “Бостон консалтенс”, генеральный директор Израильской фирмы “Рим”. **Военная служба:** пять лет в спецназе генерального штаба, майор запаса. **Участие в боевых действиях:** тайная миссия в Сирии, захват семи сирийских генералов в Ливане, освобождение заложников в самолете “Сабена” в аэропорту Бен-Гуриона. **Дипломатическая служба:** первый секретарь посольства Израиля в США, глава израильской делегации в ООН. **Политическое прошлое:** заместитель министра иностранных дел, заместитель министра в канцелярии премьер-министра, координатор по организации мирной конференции в Мадриде. **Общественная деятельность:** обнародование тайных документов нацистских преступников, хранившихся в архивах ООН, обмен Натана Шаранского (Репатриировался из СССР в Израиль в 1986 году после отбывания 10-летнего тюремного заключения за сионистскую деятельность и борьбу за права человека. Ныне – министр промышленности и экономики в правительстве Нетаниягу – К.К.) на советского разведчика, арестованного в США. **Мировая известность:** созыв двух международных конференций по борьбе с терроризмом. **Аналитический труд:** “Место под солнцем”. **Жизненное кредо:** лучшая позиция – наступательная, а не оборонительная.

Свое кредо Нетаниягу подтвердил в предвыборной кампании.

Нет – созданию палестинского государства.

Нет – разделу Иерусалима.

Нет – уходу Израиля с Голанских высот.

По признанию Нетаниягу, его три “нет” должны были продемонстрировать всему миру, что к власти в Израиле пришел человек, который прежде всего заботится об интересах своей страны, а вовсе не о том, что пишут и говорят о нем СМИ.

Было бы странным, если бы новый премьер-министр, едва приступив к исполнению обязанностей, вдруг отказался от этих краеугольных камней своей политической концепции. Ведь именно благодаря ей он и получил большинство голосов избирателей.

Не удивительно, что вскоре он приобрел прозвище “господин три нет”.

Впрочем, следует напомнить, что в первые дни после выборов Нетаниягу, по мнению его сторонников, допустил ряд непростительных ошибок. Первую (затем последуют другие) он совершил на праздничном митинге в Иерусалиме. Произошло это так. Патетическая речь нового премьера, время от времени прерываемая одобрительными возгласами, подходила к концу.

А теперь, – сказал он, – я хотел бы выразить благодарность человеку, который очень много сделал для Израиля.

Собравшиеся в зале и телезрители у экранов были уверены, что Нетаниягу имеет в виду бывшего премьер-министра Ицхака Шамира – своего учителя, которому он в большей мере обязан блестящей карьерой в Ликуде. Похоже, в этом был уверен и сам Шамир, сидевший в почетном президиуме.

Нетаниягу выдержал паузу и произнес:

Этот человек – Шимон Перес!

В зале – минутная растерянность. Затем – улюлюканье и свист.

Высказывание нового премьера прозвучало явно неуместно и, пожалуй бестактно по отношению к собравшимся, которые не жалея сил и времени агитировали потенциальных избирателей.

Тогда они еще хотели верить, что эта злополучная фраза – всего лишь дань американским традициям. Точно так же, как и появление Нетаниягу на трибуне рука об руку с супругой, подстриженной под Хилари Клинтон.

Нетаниягу простил нанесенные ему удары ниже пояса и с рыцарским великодушием поблагодарил поверженного противника, наивно полагая, что теперь, когда выборы позади, ему удастся умиротворить левых.

Сказались ли тут политическая близорукость или недостаточный опыт, но только Нетаниягу не сумел правильно оценить ситуацию. Он не понял, что предвыборная кампания с его избранием не завершилась, а противник отнюдь не считал себя поверженным.

Нетаниягу заявил, что “хочет быть премьер-министром всего народа – правых и левых, религиозных и нерелигиозных, евреев и арабов”. Но эта борьба за единство народа и широкую популярность была, по мнению наблюдателей, заранее проиграна. Ведь что бы он ни сделал и что бы ни сказал, левые все равно не простят ему самой главной вины: одержанной на выборах победы.

В одном из интервью он признался:

Мне досталось очень тяжелое наследство...

С этим нельзя не согласиться. По сообщениям из Израиля, экономика страны в плачевном состоянии. Инфляция галопирует, национальный долг резко возрос, дефицит внешнеторгового баланса выражается астрономической цифрой. Не исключается новый удар по благосостоянию населения.

Поселенцы открыто выражают недовольство половинчатой политикой в области нового строительства на контролируемых

территориях. Товарищи по партии недовольны контактами Нетаниягу с лидером Организации освобождения Палестины Ясиром Арафатом. Заметно усилилось давление со стороны короля Иордании Хусейна и президента Египта Хосни Мубарака. А нажим со стороны США, как утверждают израильские газеты, приобрел в последнее время невиданные прежде масштабы.

Неспокойно на ливанской границе, где положение чревато взрывом. Сирия, хотя и не грозит войной, но никакой гарантии мира нет.

Службы безопасности постоянно предупреждают о том, что следует ожидать возобновления террористических актов. Зная кредо и решительный характер Биби, можно предположить, что серьезный теракт вызовет такую реакцию в Израиле, после которой говорить о продолжении мирного процесса уже не придется.

При всем при этом Биби, как сообщает израильская пресса, ухитряется сохранять спокойствие и посещать с детьми сафари.

Как бы то ни было, но сегодня, на основе публичных заявлений нового премьера и информации, полученной из окружения Нетаниягу, можно представить приоритетные направления его деятельности.

Большинство израильских премьер-министров уделяли все свое внимание вопросам внешней политики, – подчеркнул Нетаниягу и пообещал: – Я же посвящу значительную часть времени проблемам экономики, которая не получала должного внимания в предыдущие годы. Я настроен решительно и оптимистично, ибо верю, что израильская экономика еще обладает большим потенциалом.

Несмотря на совершенные ошибки, Нетаниягу, тем не менее, с первых шагов доказал, что умеет сочетать политическую жесткость с прагматизмом, быстро ориентируется, способен принимать волевые решения. Эти качества он в полной мере продемонстрировал во время первой зарубежной поездки.

Адрес был известен заранее – Вашингтон. Ему хотелось как можно быстрее ознакомить “большого брата” со своей политической программой, установить нормальные деловые отношения с руководством администрации и конгресса. Одним словом – расставить точки над “и”...

Как признали потом американские газеты, это была не только рабочая поездка, но и победное турне человека, к которому еще совсем недавно в Белом доме относились с едва скрываемым пренебрежением. Более того, впервые за всю историю отношений

между двумя странами американский президент вмешался в израильскую предвыборную кампанию и совершенно однозначно поддержал Шимона Переса. Нетаниягу для Клинтона как бы и не существовал.

Произошло это так. В ходе последнего посещения американским президентом Израиля – после завершения международной конференции в египетском городе Шарм аш–Шейхе – Клинтон практически не расставался с Пересом, а Нетаниягу (тогда лидер оппозиции) уделил лишь пятнадцать минут.

Визит нового премьер–министра в США с лихвой компенсировал недостаток внимания к нему, проявленный еще недавно мировой прессой. По существу, он превратился в сплошное шоу, во время которого Нетаниягу дал десятки интервью, выступил в большинстве самых престижных телепрограмм.

Интересная деталь: в отношении израильских средств массовой информации глава правительства проявил жесткость и явное нежелание сотрудничества. С отечественными СМИ у него давний счет: во время избирательной кампании они, как известно, проявили откровенную необъективность и выступили на стороне Переса.

Победа Нетаниягу была воспринята ими как национальное горе. Дошло даже до того, что музыкальные редакторы ведущих израильских государственных (!) радиостанций в первые дни после выборов во время заставок “крутили”, как в дни траура, только грустные мелодии. Именно поэтому впервые на борт самолета премьер–министра не был взят ни один журналист.

Нетаниягу ясно дал понять СМИ: они вправе писать, говорить и показывать все, что считают нужным. Но он вовсе не обязан делать им подарки. Израильские СМИ получили хороший урок, ибо сопровождать премьера и престижно, и полезно. Это открывает доступ к важнейшим источникам информации. В полете можно не только взять эксклюзивное интервью у главы правительства, но и на короткой ноге пообщаться с его ближайшим окружением.

Первым шагом на пути к “завоеванию” Америки стал блестящий английский язык. Пожалуй, впервые перед американцами предстал израильский лидер, говорящий на их родном языке практически без акцента, с богатой образной речью, совершенно точно выражающей именно то, что хочет сказать.

Другим, не менее важным, слагаемым успеха стало не то, как Нетаниягу говорит, а то, что он говорит. Привыкшие к тому, что между предвыборными обещаниями и реальной политикой существует известная дистанция, американцы были приятно поражены

тем, что, оказывается, есть еще в мире политические деятели, которые и до, и после прихода к власти придерживаются неизменных принципов и открыто их выражают. Таких политиков уважают даже те, кто не разделяет их взглядов.

И, наконец, третий фактор: великолепное умение сказать в каждой аудитории о самом для нее важном и убедительно изложить свою позицию в данном вопросе.

Закон о прямых выборах главы правительства позволил Нетаниягу стать одним из самых независимых премьеров страны.

Наблюдатели, правда, отмечают, что сегодня его канцелярия работает так, как будто он по-прежнему лидер оппозиции. Никто не знает четко своих функций и обязанностей. Никто не может сказать, где кто из сотрудников находится. Зато ведется постоянная борьба за участие в составлении расписания рабочего дня премьер-министра. Те, у кого есть доступ к формированию данного расписания, активно этим пользуются. Люди, которые решают, допустить или не допустить кого-либо к главе правительства, весьма существенно влияют на политику страны. Короче, каждый старается тянуть одеяло на себя и быть поближе к шефу. В результате руководит государством единолично Нетаниягу.

Стиль его правления становится все более “домашним” и олигархическим. Мнение профессионалов он явно игнорирует, полагаясь на своих приближенных, которые по многим вопросам специалистами, увы, не являются.

Уже в первые дни после прихода к власти Нетаниягу многие профессионалы были заменены его доверенными людьми. Между тем, уволенные были не “назначенцами” партии Авода, а классными специалистами.

Увольнения происходили в секретариате главы правительства. Те же, кого не уволили, остались просто не у дел. Реальная власть сосредоточена в руках приближенных к премьеру лиц. Для него должность человека большого значения не имеет. Главное – как складываются личные отношения.

Надо признать, что ни премьер-министр, ни его ближайшее окружение опыта управления государством не имели. Это, разумеется, отразилось на их работе. Даже непредвзятый наблюдатель не сможет обнаружить, что за истекшее время Биби и его приближенные чему-то научились. Ошибки следуют одна за другой. Как отмечала тель-авивская газета “24 часа”, обещанные Нетаниягу мир, безопасность и экономическое процветание, звучат в его устах издевательством.

Биби допускает ошибки не только в политических вопросах. Так, например, никто ему не подсказал, что не следует посещать с супругой шикарный ресторан в годовщину убийства премьер-министра Ицхака Рабина. Никто не подсказывает ему, как народ воспринимает то, что он повсюду возит за собою жену.

Кстати, о жене... Израильские журналисты поспешили объяснить: те, кто считает Сарру Нетаниягу первой леди Израиля, ошибаются. Если уж следовать формальной субординации, то первая – это супруга президента Реума Вейцман. В отсутствие главы государства его обязанности исполняет спикер кнессета (израильский парламент), следовательно, его жена – вторая леди. И лишь потом идет супруга премьера.

Надо заметить, что в последнее время общественное мнение Израиля уделяет много внимания статусу высокопоставленных жен, чему способствует семейственный стиль поведения нового главы правительства. После Леи Рабин, к желанию которой всегда стоять рядом с мужем относились снисходительно, отдавая дань “выслуге лет”, и Сони Перес, предпочитавшей держаться позади мужа, стремительное появление на политической сцене Сарры Нетаниягу вызвало настоящий шок.

В последнее время фотографии часто застают ее в защитной позе. Руки скрещены на животе, нога закинута на ногу. Судя по позам самого Нетаниягу, он заметно закрепощен: шея напряжена, руки прижаты к туловищу. Когда супруги идут под руку, Сарра буквально висит на предплечье мужа, а он тащит ее. Создается впечатление, что она упирается и пытается затормозить его.

Несколько раз в неделю премьер-министра ожидает в канцелярии парикмахер. Но тому всегда некогда...

Его советники на это отвечают:

Лицо Биби – это лицо государства. Но это лицо очень занято. Поэтому нет ничего страшного в том, если парикмахер придет разок–другой впустую. За каждый визит ему платят.

По-видимому, имиджмейкера у Биби либо нет, либо он не уделяет внимания тому, какой образ создает. Судя по всему, премьер-министр просто махнул рукой на СМИ, поскольку знает, что его будут критиковать за все, что он делает и не делает. Советник по связям с прессой Шай Базак и начальник правительственного отдела по прессе Давид Бар-Илан стараются дать побольше актуальной информации. Однако сам Нетаниягу не спешит, уверенный в том, что израильские СМИ могут только критиковать, и, чем

больше дать им материалов, тем шире будет поле для критики. Семь бед – один ответ. А до следующих выборов еще далеко...

Приближенные к Нетаниягу лица тоже не всегда координируют свои действия. Хотя между ними нет открытых столкновений, каждый ведет свою игру. Иногда один из них передает информацию, которую другой опровергает. Между ними тоже нет четкого разделения функций.

Стиль работы Биби коренным образом отличается от стиля его предшественников. Рабин и Перес назначали первые встречи на семь утра, работали в канцелярии до одиннадцати вечера и даже дома продолжали изучать документы до двух ночи.

Если Биби прибывает в офис в восемь утра, это значит, что случилось нечто необычное. Чаще всего он появляется в девять, а то и в десять утра. Он постоянно отменяет встречи, назначенные на утренние часы. Вечерами тоже не засиживается в кабинете. Зато часто устраивает вечерние совещания у себя дома. Так ему удобнее...

Домой приезжают приближенные – члены так называемой “пятерки”. Официальные лица – министры, руководители ведомств – домой не приглашаются. С ними, как, впрочем, и руководителями секретных служб, Биби поддерживает исключительно служебные отношения.

Таким образом, наиболее важные решения Нетаниягу принимает после консультаций с “пятеркой”. Рабин и Перес встречались с руководителями разведслужб чуть ли не каждый день, ибо полученная информация была для них весьма существенным фактором при принятии решений.

В своей книге “Место под солнцем” Нетаниягу утверждал, что Иордания – это “и есть палестинское государство, и другого палестинцам не нужно”. Хотя книга писалась давно, еще до заключения мира с Иорданией, и предназначалась американскому читателю, в Аммане не скрывают, что со времени прихода Нетаниягу к власти, здесь не могут понять на чем основана его политика.

Кто он – идеолог или практик? Собирается ли претворять в жизнь Норвежские соглашения или отказывается от них наотрез? Что намерен делать после ухода израильских войск из Хеврона? Будет ли расширять поселения или все его заявления делаются для того, чтобы успокоить поселенцев?

В Иордании открытой враждебности к Нетаниягу не проявляют. Там людьми движет любопытство: кому из его команды верить? В частности, по проблеме Иерусалима, ибо каждый из приближен-

ных премьера имеет на этот счет свое мнение. Но какое отражает государственную точку зрения и точку зрения главы правительства?

Для Иордании, как и для всего арабского мира, проблема Иерусалима остается одной из главных в отношениях с Израилем.

Непонимание израильской политики и политики премьер-министра характерно не только для Иордании, но и для других стран. Впрочем, и в самом Израиле политический курс нового главы правительства, мягко говоря, оптимизма не вселяет.

За свою деятельность в течение ста дней Нетаниягу получил оценку “шесть” (по десятибалльной системе). Говоря языком школьников, премьер-министр в разряд “хорошистов” и “отличников” не попал. Но и не провалился: все-таки “рубеж-55” превышен на пять единиц.

Любопытный факт: в ходе социологического исследования, проведенного недавно институтом “Шваким-Панорама”, девять процентов опрошенных израильтян признались, что вообще не знают, кто победил на выборах и стал премьер-министром. Опрос показал также, что, как минимум, 14 министров прежнего кабинета должны прийти на смену нынешним. А их – восемнадцать. Больше того, 54 процента утверждают, что Перес был прекрасным главой правительства и они по-прежнему хотят видеть его на этом посту. Нетаниягу же сегодня устраивает лишь 34 процента израильтян.

Многие израильские газеты в оценке деятельности нового премьер-министра идут еще дальше. Они утверждают, что ситуация, в которую Биби завел страну, намного хуже той, которую он так яростно критиковал, будучи лидером оппозиции.

Впрочем, ошибки и просчеты Нетаниягу можно отчасти объяснить тем, что Израиль еще не знал такого многослойного правительства. Правые, крайне правые, экстремисты, центристы, умеренные, ультраортодоксы, лидеры национально-религиозного лагеря... Что ни министр – то представитель либо партии, либо движения, либо просто чьего-нибудь крыла. Добавьте ко всему жуткие амбиции, непоколебимые принципы, бескомпромиссные позиции каждого из членов кабинета – и станет ясно, почему и речи быть не может о высоких оценках деятельности нового премьер-министра.

Его оппоненты другого мнения. Проблема, как они считают, заключается в том, что Нетаниягу, уверовав в свою гениальность, маневрировал настолько неумело, что в короткий срок умудрился довести страну до положения, в каком она не оказывалась никогда прежде. Он действовал настолько бездарно и безответственно, что

поставил Израиль перед опасностью как военного, так и экономического характера.

Политические вопросы и проблемы безопасности обострились. Между Нетаниягу и Пересом выросла стена подозрений. Глава правительства ясно дал понять, что Перес как политический партнер ему не нужен. Он заявил, что стремится добиться для себя широкой национальной поддержки без новой дележки министерских портфелей.

Биби Нетаниягу – человек весьма эмоциональный. А политик – молодой. Да и лидер, по объективным причинам, достаточно малоопытный. Эмоции нового премьера часто берут верх над мудростью государственного деятеля. Вот и приходится ему вновь и вновь держать экзамен перед обществом...

ЯСИР АРАФАТ – ПАЛЕСТИНЕЦ НОМЕР ОДИН

Его невысокая полная фигура, полувоенный френч, трехдневная щетина и клетчатая “куфия” (национальный платок) на лысой голове, повторяющая контуры Палестины, давно известны во всем мире. А сам он вызывает у людей далеко не однозначные чувства.

Для одних он – “миротворец”, для других – “террорист”.

Даже среди палестинцев о нем нет единого мнения: кто-то считает его “вождем”, кто-то “предателем”.

Больше того, председателю Исполкома Организации освобождения Палестины, руководителю одной из составляющих ООП – организации ФАТХ, главнокомандующему палестинскими революционными силами, главе Палестинской национальной администрации, президенту Государства Палестина Ясиру Арафату уже не однажды предсказывали политический крах. Но всякий раз он выходил из, казалось бы, самых безвыходных ситуаций. Да еще приумножал свой авторитет.

Как удастся ему три с лишним десятилетия оставаться палестинцем №1? Для многих (а быть может, для всех) – это до сих пор неразгаданная загадка...

Его полное и известное только специалистам имя – Мухаммед Абдель Рауф Арафат аль-Кудва аль-Хусейни. В молодости он изменил его на нынешнее – Ясир Арафат. Сделано это было с определенной целью: он не хотел, чтобы его как-то связывали с командующим палестинскими силами Абдель Кадером аль-Хусейни, на которого возложили ответственность за поражение арабов в первой войне против израильтян. Дело в том, что Арафат после окончания лицея работал личным секретарем Абделя-аль-Хусейни.

Следует подчеркнуть, что биография лидера ООП так же противоречива и спорна, как и его политические взгляды. До конца неизвестна даже точная дата и место его рождения.

Если верить официальным документам, то Арафат родился 24 августа 1929 года в Каире в богатой мусульманской семье. Сам палестинский лидер не раз заявлял, что появился на свет 4 августа того же года в Иерусалиме.

Сподвижники объясняют такое несоответствие по-разному. Одни говорят, что Арафат, называя местом рождения Иерусалим, как бы хочет теснее “сродниться” с этим городом, который его соплеменники мечтали сделать столицей независимого палестинского государства. Другие высказывали более прозаическую причину: родившегося в Иерусалиме мальчика отец с матерью зарегистрировали в Каире, что открывало возможность учиться и работать в Египте.

Так где же родился лидер ООП?

Многие факты указывают на то, что Арафат родился все же не в Иерусалиме, как он заявил журналу “Плейбой”, и не в Газе, Акко или Цфате, как он говорил в других интервью, а в Каире.

Его отец Абдель Рауф Арафат, землевладелец из Газы, и мать – Захва Абу Сауд, принадлежавшая к знатному иерусалимскому клану, чьи корни восходили к семье пророка Мухаммеда, в 1927 году переселились в Египет. Когда Арафату (шестому по счету ребенку в семье) исполнилось четыре года, родился еще брат – Фатхи, а мать внезапно скончалась. Тяжело перенесший потерю отец отправил двух малышей в Иерусалим к их дяде (брату жены) Салиму Абу Сауду.

Семья, в которой воспитывался будущий палестинский лидер, была тесно связана с националистическими кругами. В дом Салима Абу Сауда частенько наведывались видные деятели мусульманской общины и вели политические беседы. Арафат часто вспоминает ту ночь, когда в дом ворвались английские солдаты и принялись избивать всех подряд.

Мне тогда было семь лет, а Фатхи совсем маленький. Нас они не тронули, а дядю арестовали и куда-то увели.

Шесть лет спустя отец, женившись вторично, а потом и в третий раз, вызвал братьев к себе в Каир.

Во время второй мировой войны столица Египта напоминала бурлящий котел, в котором кипели политические страсти, сталкивались различные мировоззрения и взгляды. В те годы основными тенденциями, повлиявшими на жизненную позицию Арафата, были арабский патриотизм и национализм.

Эти два фактора наложились на уверенность будущего палестинского лидера в том, что важнейший залог успеха на политическом, да и любом другом поприще – хорошее образование. Когда пришло время, Арафат подал заявление в Техасский университет на инженерный факультет, но государственный департамент США отказал ему в визе. К тому времени он уже был замечен как участ-

ник борьбы между палестинцами и созданным государством Израиль. Поэтому он поступил в Каирский университет. В 1948 году, когда началась первая арабо–израильская война, он оставил занятия и отправился сражаться против израильтян.

После жестокого поражения в той войне он ненадолго перебирается в сектор Газа, который оказался в руках Египта. В 1950 году возвращается в Каир, чтобы продолжить учебу на инженерном факультете. Здесь встречает своих будущих соратников по борьбе, вместе с ними участвует в операциях против англичан.

По свидетельству однокашников, Арафат очень болезненно воспринял поражение арабов в войне с Израилем. В студенческих спорах он называл ошибкой отказ арабских стран от раздела Палестины в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН. Судя по всему, именно тогда у него зародилась мысль о том, что палестинцы должны сами позаботиться о своей судьбе, а не ждать, когда за них это сделают “братья арабы”.

В 1952 году Арафат создает Союз палестинских студентов в Египте и избирается его председателем. Судя по тому, что его учеба продолжалась восемь лет (вместо трех), можно с уверенностью сказать, что на первом плане были дела союза. Энергичный, волевой и выносливый, он не только участвовал в политических дискуссиях, но и активно осваивал военное дело. Со временем он даже получил диплом офицера – в этом помогло решение родителей о регистрации его рождения в Египте. А в 1956 году, когда англо–франко–израильские силы рвались к национализированному **Насером** Суэцкому каналу, лейтенант Арафат уже командовал отрядом подрывников в составе палестинских формирований.

Год спустя после окончания университета он уезжает в Кувейт, где к тому времени сложилась процветающая палестинская община. Там вместе с партнерами создает три строительные фирмы, которые приносят хорошие доходы.

Я не был миллионером, – признается Арафат позднее. – Но я был богат...

Кстати сказать, он никогда не брал и до сих пор не берет денег из кассы ООП.

Одновременно со строительным бизнесом Арафат активно налаживает политические связи. Тогда же и сложилось ядро той, поначалу небольшой организации, с которой будет связана его карьера и жизнь. Речь идет о “Движении палестинского освобождения”, которое он возглавил в 1959 году.

Любопытная деталь. Аббревиатура этого названия оказалась похожей на арабское слово “гибель”. Как быть? Арафат решил эту проблему: он предложил поменять местами буквы. Получилось известное – ФАТХ, что в переводе с арабского означает “открытие, завоевание, победа”.

Тогда же он взял себе подпольный псевдоним – Абу Аммар.

Многие тогдашние палестинские лидеры призывали арабов к единству, чтобы “сбросить евреев в море” и создать на освобожденном пространстве независимое палестинское государство.

Арафат и его сподвижники выдвинули принципиально новую программу. Ее главный принцип – “освобождение Палестины – это прежде всего дело самих палестинцев”.

Не арабское единство – путь к Палестине, – подчеркивал тогда и повторяет сейчас лидер ООП, – а Палестина – путь к арабскому единству.

Добиться этого, как считали руководители ФАТХа, можно только “вооруженной партизанской борьбой против Израиля”.

Рост популярности ФАТХа, влияние на палестинские массы не могли не насторожить некоторых арабских лидеров. Желая постоянно держать палестинцев на “коротком поводке”, главы арабских режимов, собравшиеся в 1964 году на встречу в верхах в Каире, создали Организацию освобождения Палестины.

Арафат расценил этот шаг как попытку подмять под себя палестинцев. Чтобы сохранить ФАТХ как боевую независимую организацию, следовало дать решительный ответ, заявить о себе делами, причем ни у кого не спрашивая разрешения. Проведенная бойцами ФАТХа 1 января 1965 года первая партизанская операция на территории Израиля вошла в историю как начало палестинского движения сопротивления.

Поражение арабов в “шестидневной войне” в июне 1967 года лишний раз убедило Арафата и его сторонников в том, что надо полагаться на собственные силы и самим бороться за освобождение Палестины. С этого момента “фатховцы” активизировали боевые операции на оккупированных территориях и превратились из немногочисленной организации в ведущую военно–политическую силу.

21 мая 1968 года Арафат принимает участие в сражении под местечком Караме (Иордания), где небольшой отряд палестинцев успешно противостоял регулярной израильской армии. В ожесточенном бою были убиты 29 израильтян, уничтожены 4 танка и 4 бронетранспортера.

Победа в этом бою еще больше укрепила авторитет главы ФАТХа. Название его движения уже не сходит со страниц мировой прессы. В феврале 1969 года национальный совет Палестины (парламент в изгнании) избирает Арафата председателем Исполкома ООП. А еще через год он становится главнокомандующим силами палестинской революции. Теперь его принимают на высшем уровне все арабские страны.

Но, пожалуй, переломным годом для ООП и, естественно, Арафата стал 1974-й. Тогда была принята новая политическая программа, которая призывала бороться за создание палестинского государства “не вместо, а наряду с Израилем”, то есть на оккупированной территории Западного берега реки Иордан и в секторе Газа. Арафат выступил на Генеральной Ассамблее ООН и предложил Израилю оливковую ветвь мира. После этого ООП признала более ста государств, а ее лидер стал центральной фигурой на ближневосточной политической сцене.

Но впереди Арафата ожидали серьезные испытания. Самое суровое – вторжение Израиля в июне 1982 года в Ливан, где размещалась штаб-квартира ООП.

В эти дни я в качестве корреспондента “Литературной газеты” находился в осажденной ливанской столице, не раз встречался с Абу Аммаром и могу засвидетельствовать: лидер ООП ни на минуту не терял присутствия духа, уверенности. Он не дрогнул, умело руководил палестинцами. И уходил из Бейрута со своими бойцами организовано, с оружием в руках и национальными флагами. Что бы ни говорили его оппоненты, я убежден, что решение Арафата покинуть окруженный израильянами город было единственно верным – он сохранил людей для будущей борьбы.

Не были для него безоблачными и годы в послебейрутский период, хотя в апреле 1987 года Арафат переизбирается председателем Исполкома ООП. Через два года – президентом Государства Палестина, провозглашенного в ночь на 15 ноября 1988 года. И, наконец, 4 мая 1994 года он подписывает в Каире соглашение с Израилем о введении автономии на части оккупированных территорий – в секторе Газа и в районе Иерихона, что приоткрыло плотно закрытую дверь к миру на Ближнем Востоке.

Что же помогает палестинцу №1 сохранять свое лидерство?

Ответ, пожалуй, заключается в качествах, делающих его не только личностью, но и вождем. Если о многих политических деятелях можно сказать, что они “преданы национальной идее”, то у Арафата эта преданность супергипертрофирована. Она выражает-

ся не только в том, что он посвятил ей всю свою жизнь, но и в его удивительной осведомленности, в глубоком понимании того, что происходит на Ближнем Востоке. Чтобы постоянно быть в курсе событий, он создал специальные группы, которые 24 часа в сутки снабжают его информацией о положении дел на местах.

Во всех своих контактах Абу Аммар старается создать атмосферу сердечности и доверия. При этом всякий раз выясняется, что он знает если не отца, то деда или соседа своего собеседника. Среди палестинцев эта система надежно работает.

Он прямой и обаятельный человек, полный очарования, наполовину – рассчитанного, наполовину – естественного. Следует особо подчеркнуть аскетический образ жизни, который ведет лидер ООП. В то время как большинство его сподвижников обзаводились семьями, он оставался холостяком.

Моя жена – палестинская революция... – любил повторять он журналистам.

Однако в 1992 году в 63-летнем возрасте Арафат “изменил” своей единственной любви – палестинской революции и женился на 28-летней красавице Сухе Тауиль, своей советнице по экономическим вопросам. Ради любви православная христианка Суха даже приняла исламскую веру и перешагнула через 35 лет разницы в возрасте.

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что поженились они еще в ноябре 1989 года, но хранили этот факт в тайне, пока он не стал достоянием вездесущих журналистов. О свадьбе Арафата и Сухи знали лишь ближайшие соратники, но предпочитали не распространяться о личной жизни своего лидера.

Те же журналисты “раскопали” данные, свидетельствующие о том, что Суха – это вторая жена Арафата. Его первая супруга – Наджла Ясин, о существовании которой мало кто знал даже среди палестинцев и с которой лидер ООП так и не зарегистрировал официально свои отношения. Наджла, известна больше под псевдонимом Умм–Наср.

В интервью израильской газете “Гаарец” она поведала, что познакомилась с Абу Аммаром еще в 1966 году и знала его по совместной деятельности в ФАТХ.

Мы были долгие годы неразлучны, – рассказала Наджла. – Я была единственной, кто по-настоящему понимал его. Знала, что раздражает и веселит, что заботит и радует. Я понимала его до конца...

По словам бывшей жены Арафата, с 1972 по 1985 год она являлась его личным секретарем. До этого канцелярии как таковой у лидера ООП не было.

Абу Аммар доверял мне все свои тайны, – утверждает Наджла. – Я знала все и обо всем до мельчайших подробностей и помогала мужу, чем могла.

В 1985 году Наджла и Арафат расстались. Рассказывают, что это произошло так. Советники пришли к нему в кабинет и заявили, что жена мешает ему руководить палестинской национально-освободительной борьбой. Абу Аммар, не колеблясь, выбросил “княжну” за борт челна своей жизни.

К браку Арафата его бывшая супруга относится сдержанно.

Это его личное дело, – считает она. – Но я думаю, что он не забыл меня.

В 1995 году лидер ООП стал отцом. Кроме того, в семье воспитываются еще 12 палестинских ребятишек, усыновленных Арафатом еще до женитьбы.

Соратники Абу Аммара подтверждают, что даже сейчас, после женитьбы, у него нет собственного дома, имущества, хотя он контролирует финансы ФАТХ и ООП. Его одежда – это два-три комплекта полувоенной формы и неизменная клетчатая “куфия”. Все получаемые им подарки он, не вскрывая, отдает своим сотрудникам.

Еда его также не интересует. На работе ест то, что готовят его помощники. Куриный бульон, рис, сэндвичи, овощи, а на десерт – халва и чай. Причем он любит приглашать на эти трапезы тех, кто в данный момент находится в приемной. Он не курит, не употребляет спиртного.

Такой образ жизни – это своего рода ключ к власти над людьми. Думаю, что Арафат умело пользуется тем, что его сподвижники не хотят отказываться от жизненных благ и удовольствий. Не исключено, что он даже поощряет или делает вид, что не замечает “шалостей” своего окружения.

Арафат не занимается спортом, если не считать нескольких упражнений по утрам. Не читает книг, не слушает музыки, не посещает театры или музеи. Лишь в поездках, находясь в своем самолете, смотрит мультфильмы. Его любимой мультяшкой является “Том и Джери”, поскольку мышь всегда оказывается победительницей.

Абу Аммар мастер символики. Не будучи особенно похож на солдата, он выбрал для своего повседневного костюма материал

военного цвета “хаки” и постоянно носит на поясе кобуру. Клетчатый платок–куфия выделяет его в толпе, что, может быть, опасно для человека, живущего в столь сложных условиях, но ценно, когда речь идет об утверждении имиджа. Головной убор не имел особого значения, пока Арафат не начал носить его так, как носили в подмандатной Палестине. Вскоре этот головной убор стал эмблемой палестинской принадлежности.

* * *

Многие арабские лидеры (в их числе король Иордании **Хусейн** и президент Сирии **Хафез Асад**) не раз обвиняли Арафата в обмане и предательстве, предупреждали, что на него “нельзя полагаться”.

Подобные обвинения против лидера ООП звучали и в Израиле. Дело в том, что он сделал ряд заявлений, противоречивших подписанному в Каире израильско–палестинскому соглашению. Выступая перед мусульманами в мечети Йоханнесбурга, он призвал к “джихаду” (“священной войне”) за освобождение Иерусалима. При этом заверил слушателей, что соглашение, которое он заключил с Израилем, подобно договору пророка Мухаммеда с племенем курейшитов. И дал понять, что если пророк два года спустя нарушил договор, то и он, Арафат, способен пойти на такой же шаг.

Трудно сказать, с какой целью лидер ООП сделал эти заявления и тем самым взбудоражил израильскую общественность. Допускаю, что он, пойдя на слишком большие уступки Израилю, хотел таким образом ублажить мусульман и успокоить палестинцев. Поэтому его слова можно считать тактическим ходом. Впрочем, не эти ли ходы помогают ему сохранять лидерство?

За все эти годы убить Абу Аммара пытались чаще, чем любого другого политического деятеля. Причем в первую очередь израильские спецслужбы. Так, например, когда в 1982 году палестинцы покидали Бейрут, израильские снайперы держали в перекрестье прицела знаменитую клетчатую “куфию”. Но были вынуждены повиноваться приказу “Арафата не трогать!”

Позднее, в 1985 году, они могли похоронить его под руинами во время налета израильской авиации на Тунис, в результате которого погибли 73 человека. Но лидер ООП в тот злополучный день не работал, как обычно, допоздна.

Теперь же лидеры Израиля хотят, чтобы он оставался живым, ибо для них он, и только он, – гарант мирного сосуществования. Но зато сегодня убить Арафата намерены уже палестинские экстремисты, которые рассчитывают вместе с ним похоронить и мирный

процесс. Вот почему он не ночует в одном месте два раза подряд, постоянно меняет маршруты передвижения.

Только я знаю, где буду на следующий день, – признается лидер ООП. – Указания отдаю, лишь когда сажусь в машину.

Бытует мнение, что у Арафата есть ангел-хранитель. Достаточно вспомнить, в каких перипетиях он оказывался за тридцать с лишним лет военно–политической карьеры. Его не сломил “черный сентябрь” 70–го, когда в ходе конфликта с Иорданией палестинцы были вытеснены из этой страны. Он уберег ООП от развала и после поражения в Ливане, где до 1982 года действовала мощная инфраструктура организации. Пережил он в 1992 году и авиакатастрофу в ливийской пустыне Сахара, где в ожидании помощи провел 13 часов, помогая товарищам согреться и отгоняя диких животных.

Кстати сказать, тогда жизнь Арафату и его команде спас... израильский радиолобитель. Он поймал посылаемые экипажем сигналы бедствия и позвонил советнику лидера ООП. Тот в свою очередь связался с властями Ливии, которые и знать не знали об авиакатастрофе.

Позже Арафат расскажет:

В ожидании помощи у меня было два видения. Первое – мои братья по борьбе, которые уже умерли. А вслед за ними мне привиделась мечеть Аль–Акса. Я понял, что останусь жив и буду молиться в Иерусалиме.

Не исключено, что именно тогда Арафат осознал, что единственный путь для осуществления этой мечты состоит в том, чтобы решиться на мир с Израилем. Как бы то ни было, но 13 сентября 1993 года в Вашингтоне на лужайке Белого дома после подписания соглашения он обменялся рукопожатием с израильским премьер–министром Ицхаком Рабином. А в следующем году вместе с ним и тогдашним министром иностранных дел Шимоном Пересом получил Нобелевскую премию мира.

Тем не менее, когда Арафат прибыл в палестинскую автономию, он с первых шагов столкнулся со многими проблемами. Местные лидеры Газы и Иерихона откровенно ненавидели его и не желали с ним сотрудничать. Они настаивали на том, чтобы установить в ООП и в автономии демократическое правление и коллективное руководство. Иными словами, они потребовали отстранения лидера ООП от власти. Добиться этого, однако, не удалось. Более того, Арафат к уже имевшимся постам добавил еще один – председателя Совета палестинской автономии.

И все-таки Абу Аммаром были тогда (думаю и сегодня тоже) недовольны многие. Жители автономии, испытывавшие нужду. Экстремистская организация ХАМАС и движение “Исламский джихад”, сторонников которого по его приказу бросили в тюрьмы (они спровоцировали кровавые столкновения с палестинской полицией). И, наконец, израильтяне, которые считали, что его действия в борьбе с террором малоэффективны.

Поэтому первое время Арафату пришлось вести борьбу не столько за укрепление своей власти в автономии, сколько за выживание. Хотя Израиль старался не вмешиваться, чтобы не дать повод обвинить лидера ООП в том, что он действует под диктовку “сионистского врага”, его положение было двойственным. Ему хотелось покончить с террором или хотя бы держать его под контролем. Сделать этого он, однако, не мог. Прежде всего потому, что 30% жителей автономии поддерживали в то время “Исламский джихад” и ХАМАС. Бить по ним – означало провоцировать гражданскую войну.

Абу Аммар весь в делах... Иногда кажется, что у него вообще нет личной жизни. За его внешним спокойствием и оптимизмом порой не всегда можно уловить те проблемы, с которыми приходится ежедневно сталкиваться палестинской администрации. Ведь переход от многолетней вооруженной борьбы к мирному строительству своей национальной государственности осложняется не только тяжелым наследием израильской оккупации, преодолением сопротивления оппозиции, но и тем, что большая часть палестинских земель все еще находится под контролем Израиля.

Как бы то ни было, но Арафат может заслуженно гордиться тем, что предложенный им израильтянам еще в 1988 году “мир смелых” пусть и через девять лет, но все же воплотился в реальность. А палестинская национальная автономия, хотя и ограничена пределами сектора Газа и районом города Иерихона (Западный берег реки Иордан), является прообразом будущего независимого Государства Палестина.

МУАММАР КАДДАФИ – НЕИСТОВЫЙ СЫН БЕДУИНА

Имя Муаммара Каддафи не сходит со страниц ливийских газет и журналов. Оно является неотъемлемой частью художественных фильмов и театральных постановок.

Когда иностранные журналисты спросили полковника–бедуина, как он относится к фактическому обожествлению своей особы, тот скромно ответил:

Что я могу сделать?! Мой народ настаивает на этом...

Ливийский лидер лукавил. Покрасоваться он любит, и постоянно озабочен тем, как выглядит со стороны. Когда югославы снимали о нем короткометражный фильм, полтора часа ушло только на выбор наиболее удачного ракурса съемки. Да и сам я обратил внимание на склонность полковника к эффектным жестам и позам, когда в апреле 1986 года находился в Ливии и брал интервью у этого сына пустыни.

Из шатра на вершину власти

Его полное имя – Муаммар бен Мухаммед Абу Меньяр Абдель Саям бен Хамид аль–Каддафи. Точная дата его рождения продолжает оставаться загадкой. Многие его биографы утверждают, что вождь Ливии родился в 1940 году. Сам Каддафи везде пишет, что появился на свет весной 1942 года в бедуинском шатре в 30 километрах южнее города Сирт.

Его отец – выходец из племени аль–каддафа – кочевал с места на место, пас верблюдов и коз. Мать с тремя старшими дочерьми занималась домашним хозяйством.

Но сегодня сын простого бедуина утверждает (за ним, разумеется, повторяют средства массовой информации), что он потомок древних благородных бедуинских племен, пришедших из Ирака. Впрочем, стоит ли удивляться?! Особенно после того, как несколько лет назад он объявил себя “мессией арабского мира, продолжателем дела и Пророка Мухаммеда, и Иисуса, и Моисея”.

Вспоминая свое детство и юность, он признался однажды:

Я вырос в чистом окружении, не зараженном инфекциями современной жизни. Я осознал условия, в которых жил мой народ, и

перенес страдания, которые он испытывал под гнетом колониализма. Молодежь в нашем обществе уважала стариков, мы умели отличать добро от зла.

Когда Муаммару исполнилось девять лет, родители отдали его в начальную школу. Он закончил ее через четыре года и поступил в среднюю, которая находилась в городе Себха. В школьные годы он полюбил книги о героях, жертвовавших собой во имя свободы. Кто знает, может быть именно эти книги подтолкнули Каддафи к тому, что он еще в школе создал подпольную молодежную организацию.

Надо сказать, что годы учебы будущего полковника в средней школе совпали по времени с периодом зарождения оппозиционного движения в Ливии. Тогда же начало зреть недовольство королевским режимом среди городской и сельской бедноты, средних слоев, студенческой и учащейся молодежи. В крупнейших городах и провинциальных центрах стали появляться оппозиционные королевскому режиму группы. Одной из них в 1956–1961 годах руководил Муаммар Каддафи.

В начале октября 1961 года в городе Себха началась молодежная демонстрация в поддержку алжирской революции. Она сразу же переросла в массовое антимонархистское выступление. Организатором и руководителем демонстрации был Каддафи. За это он был арестован, а затем выслан из города. Продолжать учебу пришлось в Мисурате. Там он поступил в местный лицей, который успешно закончил в 1963 году.

По прибытии Каддафи в Мисурату, – рассказывал позднее один из его сподвижников Мухаммед Халиль, – мы решили продолжить то, что начали в Себхе. То есть, привлечь на свою сторону большое число единомышленников, найти среди молодежи тех, кто верил в арабское единство, в принципы свободы, в необходимость радикальных перемен в стране.

В 1963 году на встрече трех подпольных групп из Себхи, Триполи, Мисураты было решено создать единую нелегальную организацию, включающую две секции – военную и гражданскую. Члены первой группы, которую возглавил Муаммар Каддафи, уехали в Бенгази для поступления в военный колледж. Участники второй поступили в различные высшие учебные заведения.

С первых дней учебы Каддафи зарекомендовал себя самым примерным курсантом. Никто в колледже не мог заподозрить в нем врага режима. Он ни разу не выдал себя ни словом, ни поступками. Поэтому дело, заведенное на него еще в Себхе, так ни чем и не

пополнилось. А его вечерние посещения лекций по истории в Бенгазйском университете воспринимались как причуды...

В 1964 году у небольшого селения Тельмейта, в нескольких десятках километрах от Бенгази, состоялся первый съезд организации. По предложению Каддафи, ее девизом стал выдвинутый египетской революцией 1952 года лозунг “Свобода, социализм, единство!” Группа молодых, революционно настроенных военных, стала называться “Организация свободных офицеров юнионистов–социалистов” (ОСОЮС). На съезде был разработан кодекс поведения и избран Центральный комитет. Его членам “во имя осуществления революционных идей” запрещалось играть в карты, пить вино, посещать увеселительные заведения, предписывалось строго соблюдать все религиозные обряды. Центральному комитету было поручено вести целенаправленную подготовку восстания.

Члены комитета собирались сначала ежемесячно. Затем, в целях конспирации, он был разделен на группы, которые действовали автономно. Состав групп и их задачи знал только Каддафи.

Разумеется, “Свободные офицеры” не имели ни опыта политической работы, ни определенной программы социальных преобразований, не говоря уже о твердых идеологических убеждениях. Тем не менее, они поставили перед собою четко сформулированные цели: свержение монархического режима, искоренение вековой отсталости, освобождение от военно–политического и экономического господства империализма, достижение подлинной национальной независимости, установление социальной справедливости широких народных масс, борьба за арабское единство, за обеспечение законных прав арабского народа Палестины.

После окончания членами ОСОЮС военного колледжа связь между подпольными группами осложнилась. Вчерашние курсанты были направлены в войска для дальнейшего прохождения службы. Руководителем и координатором подпольщиков остался Каддафи, который начал службу в войсках связи в военном лагере Гар Юнес, в четырех километрах от Бенгази. К нему поступала информация о деятельности групп, о положении в войсках, от него – указания по нелегальной работе, определение мест явок, встреч. Фактически уже в 1966 году начался этап непосредственной подготовки военного переворота.

Влияние офицеров–подпольщиков росло не только в сухопутных войсках, но и в других видах вооруженных сил. Хуже обстояло дело с работой среди интеллигенции, чиновничества и в деловом мире. Значительную часть местной буржуазии, не говоря о фео-

дальних и высших чиновничьих кругах, вполне устраивал королевский режим.

Июньская война 1967 года стала своеобразным катализатором революции. Поражение арабов в этой войне, вызвавшее во всем арабском мире спонтанный прилив патриотических настроений и националистических эмоций, имело широкий общественный резонанс в Ливии. Недовольство зрело и в армии. Патриотические чувства военнослужащих, особенно офицеров, были уязвлены тем, что монархическое правительство не разрешило армии принять участие в отражении израильской агрессии.

Однако, при общем недовольстве королевским режимом и переходе в оппозицию большинства офицерского корпуса, в армии существовали и другие течения, выражавшие интересы различных социальных сил. В том числе и феодальных кругов. Наиболее правое из них возглавлял полковник Абдель Азиз Шелхи, брат советника короля. В 1969 году он был назначен заместителем начальника генерального штаба и председателем комитета по реорганизации королевской армии. Последняя должность, как выяснилось позднее, была придумана как ширма для прикрытия подготовки военного переворота.

Лидеры “Свободных офицеров” решили перехватить инициативу. К тому времени они имели уже достаточно своих сторонников не только в армии, но и среди гражданского населения, чтобы решиться на упредительную акцию. Курс был взят на свержение королевского режима с помощью военного контрпереворота. Был разработан детальный план вооруженного военного выступления. При этом учитывались не только внутривосточные факторы, как писал позже Каддафи, но и иностранное военное присутствие в Ливии.

Планировавшееся еще до сентября 1969 года вооруженное выступление с целью свержения королевского режима отменялось несколько раз. Каддафи и его сподвижники считали, что поспешные действия таили в себе слишком большой риск и непредсказуемые последствия.

Летом 1969 года в армии началась очередная кампания перемещений офицерского состава. Она коснулась и Каддафи, получившего приказ немедленно отправиться для дальнейшего прохождения службы в Триполи. Эти перемещения потребовали внесения необходимых коррективов в планы “свободных офицеров”. Напряжение достигло кульминации...

Во второй половине августа стало известно, что король Идрис отправляется на лечение за границу. В армии поползли слухи, что полковник Шелхи решил отправить на стажировку за границу большую группу офицеров. Среди них было немало членов подпольной организации, в том числе и Каддафи.

Поступавшая информация свидетельствовала о том, что полковник Шелхи вместе со своими сторонниками – группой старших офицеров – намеревались 15 сентября захватить власть и провозгласить республику с парламентской формой правления.

Руководство “Свободных офицеров” назначило вооруженное восстание на 1 сентября.

Для осуществления давно разработанного плана восстания Каддафи счел необходимым срочно покинуть Триполи и возвратиться в Бенгази, где находился генеральный штаб и располагались основные военные учреждения.

Ранним утром 1 сентября 1969 года отряды членов ОСОЮС под руководством созданного в ходе подготовки к восстанию Совета революционного командования (СРК) в составе 12 офицеров во главе с Каддафи одновременно начали выступления в Бенгази, Триполи и других городах страны. Они быстро установили контроль над основными государственными и военными объектами. Все подъезды к американским базам были заранее блокированы.

В этот же день Каддафи, выступив по радио, объявил о свержении монархии в стране.

– Революция, – заявил он, – будет руководствоваться принципами свободы, единства, социальной справедливости и равноправия всех граждан.

Тогда же было сообщено, что временно верховную власть будет осуществлять СРК. Однако его количественный и поименный состав долго не объявляли. Никому также не было известно, кто возглавляет этот высший орган власти.

Лишь через две недели после революционного переворота 27-летний Муаммар Каддафи был объявлен руководителем революции и председателем СРК. Одновременно было сообщено о присвоении ему звания полковника (в дни переворота он был капитаном войск связи).

Погоны полковника он носит до сих пор, хотя фактически является главнокомандующим. Генеральские звания он раздает весьма неохотно, поскольку убежден, что это “не самое главное для революционной армии”.

Имена других членов СРК были объявлены только 10 января 1970 года.

В течение нескольких недель, пока укреплялся новый режим и не объявлялись имена его руководителей, аккредитованные в Ливии дипломаты, журналисты, а также представители иностранных деловых и военных кругов, выдвигали самые различные версии и догадки (одна фантастичнее другой) относительно “подлинных покровителей” организаторов революционного переворота. Называли русских, ЦРУ, насеристов...

Здесь необходимо подчеркнуть, что Вашингтон и его союзники видели в Каддафи и его соратниках провинциальных офицеров, не имевших ни серьезной долгосрочной программы, ни широкой социальной базы внутри страны, ни политического авторитета в арабском мире. США и Англия намеревались использовать эти переходящие, временные факторы наряду с военным и экономическим присутствием в Ливии для оказания давления на молодых неопытных ливийских руководителей. Именно на этой основе они надеялись найти потом с ними “общий язык”.

Но эти расчеты оказались несостоятельными.

Антиимпериалистическая направленность ливийской революции проявилась довольно отчетливо уже в первые месяцы существования нового режима.

7 октября 1969 года на 24-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН постоянный представитель Ливии заявил о намерении ливийцев ликвидировать на своей земле все иностранные базы. Вслед за этим ливийское руководство информировало послов США и Англии о расторжении соответствующих договоров. Почти одновременно началось наступление и на позиции иностранного капитала в экономике страны.

Первые итоги и ближайшие задачи ливийской революции были закреплены в обнародованной 11 декабря 1969 года Временной конституционной декларации. Ислам объявлялся официальной государственной религией. Одной из главных целей революции провозглашалось построение социализма, основанного на “религии, морали и патриотизме”. Добиться этого Каддафи и его соратники намеревались путем “обеспечения социальной справедливости, высокого уровня производства, ликвидации всех форм эксплуатации и справедливого распределения национальных богатств”.

Совет революционного командования наделялся функциями главного звена политической организации общества с правом назначать кабинет министров, объявлять войну и заключать дого-

воры, издавать имевшие силу законов декреты, которые касались основных аспектов внутренней жизни и внешней политики государства. Председатель СРК Каддафи был назначен главой Ливийской Арабской Республики.

Отец Джамахирии

Сегодня идеологию и политическую структуру Ливии определяет своеобразная концепция общественного развития, выдвинутая Каддафи и сформулированная в его “Зеленой книге”, первая часть которой вышла в свет в начале 1976 года. Она называлась “Решение проблемы демократии (власть народа)” Книга сразу же была объявлена (послушным Каддафи пропагандистским аппаратом) “главным идеологическим документом” государства.

Сам полковник считает, что его произведение представляет собой “окончательное теоретическое решение человеческих проблем”. Мне в далеком 1986 году он говорил:

Я хочу, чтобы “Зеленая книга” стала Евангелием современного человечества.

Согласно замыслам Каддафи, социалистическое общество Джамахирии (в переводе с арабского – “народовластие”) должно базироваться на трех принципах.

Первое. Осуществление народными массами власти через народные собрания, где каждый участвует в принятии решений и реализации власти.

Второе. Обладание народом общественным богатством, которое рассматривается как собственность всех членов общества.

Третье. Передача народу оружия и обучение его применению с целью покончить с монополией на оружие со стороны армии.

Отсюда и лозунг: “Власть, богатство и оружие – в руках народа!”

Хочу напомнить, что начало периода “народной революции” обычно связывается с программной речью ливийского лидера, которую он произнес в Зуваре в мае 1973 года. В ней он впервые выдвинул идею о передаче всей полноты власти народу.

Всякие иные системы правления, – говорил он, – недемократичны. Только народные конгрессы и народные комитеты представляют собой конечный результат борьбы за демократию.

Это были не просто слова. В конце 1975 года состоялись выборы народных комитетов, сформированы руководящие органы народных конгрессов. В январе 1976 года был создан Всеобщий народный конгресс (ВНК). Республиканский этап развития Ливии

вступил в стадию завершения. Началось его перерастание в принципиально новый “джамахирийский”, который изменил не только характер власти в стране, но и ее философию, социально–политическое и экономическое развитие.

В марте 1977 года на чрезвычайной сессии ВНК, проходившей в Себхе, была принята Декларация, которая провозгласила новое название страны “Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия” (СНЛАД), что ее законодательство основывается на Коране, а ее политический строй на прямом народовластии. Совет революционного командования и правительство распускались. Вместо них создавались новые институты, соответствующие “джамахирийской” системе. Всеобщий народный конгресс объявлялся высшим органом законодательной, а образованный им вместо правительства Высший народный комитет – исполнительной власти. Министерства заменялись народными секретариатами, во главе которых создавались органы коллективного руководства – бюро. Посольства Ливии в зарубежных странах также преобразовались в народные бюро.

В соответствие с популистским принципом прямого народовластия, роль лидера страны формально как бы выводилась за рамки политической системы. Кстати, еще в 1974 году Каддафи был освобожден от “политических, протокольных и административных обязанностей”, чтобы полностью посвятить себя “идеологической и теоретической работе в деле организации масс”. Однако, вплоть до 1977 года он оставался главой государства и главнокомандующим вооруженными силами. С провозглашением Джамахирии он формально уже не мог выполнять какие–либо государственные функции. Ведь “джамахирийская” система официально отрицала государство как форму политической организации. Отныне Каддафи объявлялся лишь лидером ливийской революции. И этим якобы определялась его подлинная роль в политической системе страны.

Тем не менее, реальное идеологическое и направляющее воздействие не только Каддафи, но и других бывших членов СРК на дальнейшее развитие и функционирование новой системы власти еще более возросло.

Разъясняя суть происшедших в политической системе Ливии изменений, Каддафи в марте 1977 года на массовом митинге в Триполи указал на постоянно сохранявшуюся опасность завоевания ливийской революции. В связи с этим он призвал, чтобы ее защиту осуществлял весь “вооруженный народ”. Однако, провоз-

глашенная цель “замены армии вооруженным народом” оказалась на практике неосуществимой.

Себхская декларация 1977 года фактически заменила прежнюю конституцию 1969 года, хотя сама по себе не носила конституционного характера, поскольку “Зеленая книга” вообще отрицала роль конституции как основного закона общества.

Подлинным законом общества является обычай, либо религия, – говорит Каддафи и обязательно уточняет: – Религия включает в себя обычай, а обычай есть выражение естественной жизни народов. Законы, не базирующиеся на религии и обычае, специально создаются человеком против человека. И в силу этого неправомерны, поскольку они не основываются на естественном источнике – обычае и религии.

Политическое и законодательное оформление “джамахирийской” системы создавало лишь надстройку нового здания на старом фундаменте. Экономическая структура оставалась в своей основе той же, что существовала до провозглашения Джамахирии. Ливийское руководство осознавало это достаточно отчетливо и вело активную подготовку для наступления и на экономическом фронте. Внедрение “джамахирийских” принципов в этой сфере проводилось длинным путем сложных экспериментов, сопровождавшихся не менее длинным рядом проб и ошибок.

В сентябре 1977 года Каддафи выдвинул в качестве основных фильтия хозяйственной жизни принцип “самоуправления в экономике”. В соответствии с этим принципом предусматривался переход предприятий в коллективное управление тех, кто там работает. Провозглашенный им впоследствии лозунг “Партнеры, а не наемные работники”, нашел теоретическое обоснование во второй части “Зеленой книги” и с ноября того же года начал внедряться на ряде производственных предприятий.

В развитие той же популистской идеи Каддафи выдвинул новый лозунг: “Жилище – собственность его обитателя”. То есть, человек, живущий в доме, хозяин, а не его арендатор. В мае 1978 года был принят закон, в соответствии с которым сдача жилых помещений в аренду запрещалась, а бывшие арендаторы становились собственниками арендуемых квартир и домов.

Проводя в жизнь лозунг “Партнеры, а не наемные работники”, рабочие и служащие под руководством народных комитетов захватывали предприятия и учреждения в сфере не только производства, но и торговли, а также различных служб обслуживания. Бывшие владельцы получали вместе с компенсацией и возможность

участвовать в управлении этими предприятиями, но на правах “равного партнерства с производителями”. Эта кампания “народного захвата”, как ее называли в Ливии, стала своеобразной формой ликвидации частной собственности крупной и средней буржуазии.

Функционирование политической системы “Джамахирии” на местах и особенно на производстве затруднялось как из-за саботажа буржуазных слоев, так и по причине недостаточной подготовленности осуществляемых мероприятий, неспособности нового управленческого аппарата руководить хозяйством. Все это вызвало недовольство и брожение среди части населения. Против политических и экономических новаций ливийского руководства выступила и некоторая часть мусульманского духовенства. Она обвинила Каддафи в “отступлении от положений Корана”.

В ответ власти пошли на серьезные меры, направленные на ограничение влияния духовенства. Оппозиционно настроенным “хранителям чистоты ислама” Каддафи устроил по телевидению публичный экзамен на знание Корана. Богословы не смогли ответить на вопросы лидера ливийской революции и были скомпрометированы в глазах верующего населения. Это дало Каддафи основание лишить впоследствии некоторых из них права вести религиозную службу.

В марте 1979 года Каддафи выдвинул новую идею – “отделение революции от власти”. Было образовано Революционное руководство СНЛАД, которое стало опираться на сеть революционных и народных комитетов. По мысли Каддафи, создание новых комитетов должно было вовлечь в функционирование “джамахирийской” системы на местах как можно большее число граждан. Популистский принцип прямого народовластия таким образом приобрел всеохватывающий масштаб.

Формально Революционное руководство СНЛАД не участвовало в управлении государством. Фактически оно стало играть еще более важную роль в политической системе Ливийской Джамахирии. Каждый член Революционного руководства имел определенный круг обязанностей. Например, Каддафи, сохранив за собой пост верховного главнокомандующего вооруженными силами, являлся одновременно и генеральным секретарем Всеобщего народного конгресса.

Не находя в так называемом “исламском социализме” конкретных рецептов преобразования общества, Каддафи постоянно вносил поправки в свою теорию. Если до “Зеленой книги” ислам считался одним из идейных источников официальной идеологии, то в

вышедшей летом 1979 года третьей части этой книги “истинность третьей мировой теории” уже не измерялась постулатами ислама. Напротив, “истинность” самих исламских положений стала оцениваться с точки зрения их соответствия самой этой теории. Движущей силой истории объявлялась национальная и общественная борьба. Вместе с тем, уточнял Каддафи, “если бы мы ограничились только поддержкой мусульман, то показали бы пример фанатизма и эгоизма... Истинный ислам – тот, который выступает в защиту слабых, даже если они не мусульмане”.

В последующих пояснениях и комментариях к “Зеленой книге” многие ее положения подвергались значительной корректировке. Но эта книга по-прежнему остается как бы основополагающим катехизисом официальной идеологии в Ливии.

Трансформация ливийского общества в современную политическую систему, названную Джамахирией, сопровождается многими зигзагами и происходит поэтому медленнее, чем того хотел бы Каддафи. Но созданная им система, несомненно, пробудила ливийский народ к политической активности. Однако, как он вынужден был признать, “участие народа в управлении страной было не полным”.

Поэтому на состоявшейся 18 ноября 1992 года в городе Сирт сессии ВНК было принято решение о создании в Ливии новой политической структуры. Она предполагала переход страны на высшую ступень народовластия – образцовой Джамахирии. Речь идет о создании вместо первичных народных собраний полутора тысяч коммун, представляющих собой самоуправляемые мини-государства в государстве, обладающих всей полнотой власти в своем округе, включая распределение бюджетных средств.

Необходимость реорганизации прежней политической системы, как пояснил Каддафи, объяснялась прежде всего тем, что она “не смогла обеспечить подлинного народовластия в силу сложности структуры, что создало разрыв между массами и руководством, страдала излишней централизацией”.

В целом Социалистическая Народная Арабская Джамахирия продолжает курс на построение нового “исламского социалистического общества”, где господствует лозунг – “Власть, богатство и оружие – в руках народа!”

Демократ и примерный семьянин

Когда Каддафи пришел к власти, он ездил без охраны на скромном “фольксвагене” и вместе с женой закупал продукты в местном супермаркете. Однако, после нескольких покушений на его жизнь (в результате одного из них он был ранен в руку) образ жизни ливийского лидера резко изменился. Каддафи свел до минимума прямые контакты с массами и избрал местом своего постоянного проживания Азизию – военную базу, где размещается главное командование и палаточный бедуинский городок, который служит ему резиденцией.

Только очень узкий круг ливийцев видит своего лидера. Усиленные посты контролируют любые подходы к месту, где в данный момент находится Каддафи. В свою очередь, и за каждым из охранников ведется постоянная персональная слежка. Когда он выезжает из Азизии в Триполи одновременно трогаются две–три колонны автомашин в сопровождении бронетранспортеров. Никто не знает, в какой именно колонне едет лидер ливийской революции Муаммар Каддафи. Этот же принцип распространяется и на полеты полковника: если ему надо лететь в другое государство, в воздух поднимаются два самолета. Причем, перед вылетом они в течение нескольких часов кружат в воздухе, проверяя не заложена ли бомба.

Журналисты до сих пор вспоминают парадоксальную ситуацию в диспетчерской международного аэропорта Туниса, куда должен был прибыть из Триполи с официальным визитом ливийский лидер. На запрос с земли оба пилота ответили, что на борту находится “очень важная персона”. Причем, оба были уверены, что говорят правду...

Однако, несмотря на затворнический образ жизни, Каддафи настойчиво навязывает всему миру свой имидж простого человека, демократа и примерного семьянина.

Кстати о семье. Первый брак Каддафи был неудачным. Он женился на Фатиме – дочери генерала Халида, заместителя начальника генерального штаба королевской армии, одного из приближенных бывшего ливийского монарха Идриса. После переворота сразу же расторгнул брак, оставив себе сына, который сейчас работает инженером.

Одиночество полковника длилось недолго. Холостяцкая жизнь закончилась через два месяца после развода, когда он женился на Сафие – медсестре из военного госпиталя, с которой он по сей день. От этого брака у Каддафи пять мальчиков и девочка. Еще

одна дочь (приемная) погибла в апреле 1986 года во время налета американской авиации на Триполи.

Западная пресса утверждает, что за Каддафи длинным шлейфом тянется репутация “изрядного повесы и дамского угодника”. Из представителей средств массовой информации он предпочитает беседовать в первую очередь со слабым полом. Тем самым он стремится показать миру, что женщина в Ливии занимает равное с мужчиной положение в обществе.

Как бы то ни было, но Каддафи не раз заявлял, что “мужчина должен довольствоваться только одной женой”. И хотя ислам разрешает иметь четырех, полигамные браки в Ливии почти не практикуются. Может быть ливийцы берут пример со своего лидера?

Журналисты, общавшиеся с ним в последнее время, рассказывают, что со своими домочадцами Каддафи весьма строг. Например, он уступил настойчивым просьбам дочки Айши и разрешил ей учиться игре на фортепиано. Однако, инструмент так и не купил. Сыновей полковник тоже воспитывает в строгости, но без излишних нравоучений и ограничений.

Рабочий день ливийского лидера длится 16–18 часов. Но пара часов сна и несколько физических упражнений делают чудо – он бодр и свеж.

Причем, в течение дня Каддафи занимается не только “джамахиризацией” Ливии, но и самообразованием. Злые языки утверждают, что его настольной книгой является “Хижина дяди Тома”. А он, между тем, хорошо знает (и это признают его оппоненты) историю стран Старого и Нового света, любит цитировать мировых классиков литературы, в том числе и русских – Л.Толстого и Ф.Достоевского. По его указанию, в конце 70–х годов были переведены на арабский язык сочинения известных русских теоретиков анархизма М.Бакунина и П.Кропоткина. Больше того, он с карандашом в руках проработал собрание сочинений В.И.Ленина и многие идеи использовал при написании “Зеленой книги”.

В быту Каддафи неприхотлив, ведет жизнь аскета. Одно время даже увлекался вегетарианством. Он не пьет кофе, чая и алкогольных напитков, не курит, ест очень мало, в основном простую пищу.

Он не занимается накопительством, его семья не владеет недвижимостью. Даже его отец (по настоянию сына) до конца жизни жил в бедуинской палатке. Впрочем, и сам Каддафи нередко месяцами живет в бедуинском шатре.

И все-таки у Каддафи, как у любого человека, есть свои слабости. Он любит красиво одеваться и часто меняет наряды. В ос-

новном это национальные одежды. Но его самая большая страсть – мундиры. Он появляется на людях то в кителе морского офицера, то в погонах полковника ВВС, то в форме сухопутных войск. При этом экипировку всегда дополняют темные, абсолютно скрывающие глаза, очки.

Каддафи очень набожен, исправно отправляет все мусульманские обряды, следует всем заповедям Корана, который еще в детстве выучил наизусть. Совершил паломничество в Саудовскую Аравию и в Мекке поцеловал священный Черный камень. Но он весьма своеобразен в трактовке ислама.

В Ливии пять раз в день звучит призыв муэдзина на молитву. Введен сухой закон, запрещены азартные игры. Театров в стране нет, а в кинотеатрах крутят в основном нравоучительные арабские картины и индийские мелодрамы. Концерты и спортивные соревнования не проводятся. Жизнь на стадионах оживает лишь во время военных парадов.

С некоторых пор действуют законы шариата: “всем вора и бандитам” Каддафи пообещал “отрубить руку и ампутировать ногу”.

По свидетельству хорошо знающих Каддафи людей, он обладает феноменальной памятью на лица, имена, цифры. Досконально знает все подробности о людях из своего окружения, об их детях, родственниках, друзьях. Но наряду с незаурядным природным умом, огромной волей и трудолюбием в нем уживаются такие черты, как высокомерие, излишняя эмоциональность и вспыльчивость. С другой стороны, при встрече он первым подает руку, почти по-детски приветливо улыбается и тут же становится серьезным, как только разговор приобретает деловой характер. Принимая гостей, он никогда не отвлекается на посторонние дела. В это время его никто не беспокоит, как и он сам никого не вызывает к себе.

Каддафи – трудный собеседник, не любит пустословия. Он любит выслушать все, что говорят ему, но также любит, чтобы слушали и его, причем, не перебивая.

Считая себя “отцом нации”, Каддафи очень любит выступать перед своим народом. Как правило, его речи длятся 2–3 часа. Причем, всем заранее известно, что именно он скажет, какой проблемы коснется, на какую тему пошутит. Западные дипломаты в Ливии, неизменно присутствующие на всех публичных выступлениях лидера Джамахирии, заключают пари, пытаясь угадать, сколько раз в своей речи Каддафи проклянет США или Израиль.

Впрочем, ненависть ливийца номер один, которого Запад считает “костью в горле”, к оплоту “мирового империализма” выража-

ется не только в его пламенных выступлениях перед экзальтированными массами. Нет такой террористической группировки, действующей против Израиля, которой неистовый полковник не помог бы деньгами и оружием. Каддафи превратил Ливию в гигантский тренировочный лагерь для террористов со всего света.

Завоевать благосклонность Каддафи нетрудно. Достаточно лишь доказать ему свою ненависть к государственным структурам Запада и готовность сражаться против них с оружием в руках. Отсюда и столь пестрая смесь деструктивных сил, проходящих в Ливии специальную диверсионно–террористическую подготовку.

Известно ли все это простым ливийцам? Разумеется! Но они предпочитают закрывать глаза на “проделки” своего лидера в награду за довольно высокий уровень жизни. К чести Каддафи надо признать, что немалую часть нефтедолларов он действительно расходовал на нужды своего народа. И добился того, что в таком социально–экономическом показателе, как среднегодовой доход на душу населения (минимальная заработная плата простого рабочего составляет 6 тысяч фунтов стерлингов, а доходы руководителей предприятий достигают 30 тысяч), Ливия сумела обойти даже Великобританию.

В стране практически нет безработицы, большинство граждан имеет свои квартиры, телевизоры, видеомагнитофоны. Построены университеты и больницы, отвечающие мировым стандартам.

В числе последних популистских акций Каддафи – закупка в Южной Корее дорогих автомобилей и продажа их ливийцам за четверть цены. Он объявил о своем решении по новому распределять получаемые страной доходы от нефти, которые составляют около 10 миллиардов долларов в год. Половина этой суммы идет на нужды государства, другая – распределяется между ливийцами. В результате около 600 тысяч семей получили от 7 до 10 тысяч долларов. По мнению Каддафи, это позволяет, во–первых, реализовать на практике выдвинутый им лозунг “Богатство – в руки народа!”, а, во–вторых, уравнивать доходы бедных и зажиточных граждан. Правда, Каддафи предупредил, что семьи, получившие деньги, не могут распоряжаться ими по своему усмотрению: они могут тратить их лишь на самые необходимые нужды, а не на приобретение дорогих импортных потребительских товаров.

Судя по тому, что сегодня Ливия занимает первое место среди арабских стран по количеству спутниковых антенн на душу населения, ливийцы игнорировали предупреждение своего лидера. Боль-

ше того, в последнее время ливийцы стали отдыхать на людях: выезжать семьями на пикник, к морю или в лес...

Из увлечений Каддафи известны его страсть к лошадям и охоте (последняя – результат общения с бывшим румынским диктатором Чаушеску), интерес к различным видам оружия и средствам спецсвязи.

* * *

О полковнике Каддафи рассказывают разные небылицы. Называют его, кто гением, кто демоном, а кто и сумасшедшим. Распускают слухи, что он–де регулярно консультируется у психиатров Египта, Югославии и Швейцарии. Но он – неординарная личность в постмонархической Ливии, альтернативы которому в Ливийской Джамахирии пока нет...

ИЦХАК РАБИН – ВОЕНАЧАЛЬНИК,
ДИПЛОМАТ, ПРЕМЬЕР–МИНИСТР

Опросы общественного мнения, проведенные в Израиле два года спустя после трагической гибели премьер–министра Ицхака Рабина, показали, что уже многие успели его позабыть. Что ж, все закономерно: слишком много событий происходит каждый день, чтобы так долго помнить о политическом убийстве, которое, как тогда казалось израильтянам, перевернет всю новейшую историю государства.

В последний раз он занял этот пост в переломный для Израиля и Ближнего Востока момент – в начале 90–х годов. Тогда сложилась благоприятная ситуация для прекращения арабо–израильского конфликта и достижения мира между палестинцами и израильтянами. Чтобы воспользоваться ею, во главе правительства должен был встать человек, прежде всего убежденный в необходимости мирного урегулирования. Кроме того, он должен был обладать способностью принимать смелые, не всегда популярные решения, иметь достаточный авторитет, чтобы убедить соотечественников в оправданности возможных компромиссов.

Конечно, Рабин не был идеальным (а есть ли такие?) политиком и государственным деятелем. По некоторым качествам он, вероятно, уступал другим израильским лидерам. Но у него было главное – уверенность в необходимости установления мира с арабами, твердость и настойчивость в осуществлении этой цели.

* * *

Жизнь Ицхака Рабина – неотделима от истории государства Израиль, ибо вместе с ней складывалась его военная и политическая карьера.

Он родился 1 марта 1922 года в Иерусалиме. Он – “сабра”, как называют уроженцев “земли обетованной”.

Его отец – Нехимия Рабин в 1905 году выехал с Украины в Америку. Обосновался в Чикаго, где работал портным. В 1910 году перебрался в Палестину. Устроился техником в электрическую компанию и стал активистом профсоюзного движения.

Мать – Роза Коген – родилась в Могилеве. Получила вопреки воле родителей светское образование. Затем вступила в еврейский социалистический союз “Бунд”, который не разделял идеи сионизма. После революции 17-го года руководила в Петрограде заводом по производству боеприпасов. Из-за разногласий с большевиками покинула Россию и обосновалась на “земле предков”. Вскоре стала одним из рабочих лидеров в Тель-Авиве. “Красная Роза”, как ее называли соратники, умерла, когда Ицхаку исполнилось пятнадцать лет. Те, кто знал семью Рабинов, утверждают, что будущий премьер-министр унаследовал от матери твердый характер, целеустремленность, задатки лидера, готовность жертвовать личным ради общественного.

Ицхак рос с арабами, бегло говорил на их языке. Мечтал изучать химию в Америке. Но судьба распорядилась иначе...

В 1940 году он с отличием окончил престижную по тем временам сельскохозяйственную школу “Кадури” и ему была выделена стипендия для получения в США специальности инженера водного хозяйства. Начавшаяся вторая мировая война вмешалась в судьбу Рабина. От учебы за океаном пришлось отказаться. Как и многие его сверстники, он вступил добровольцем в ПАЛЬМАХ – ударные роты еврейского ополчения, созданные для отражения возможного вторжения немцев в Палестину. Этот шаг стал началом его военной карьеры. Первым командиром рядового Рабина был офицер Моше Даян, получивший позднее широкую известность и запомнившийся многим по фотографиям с черной повязкой на потерянном глазу.

Затем он стал бойцом подразделения, которое сражалось против вишистской Франции. Довелось ему участвовать и в операциях против англичан в подмандатной Палестине и даже провести шесть месяцев в английской тюрьме. Впрочем, это не помешало ему впоследствии окончить штабной колледж в Англии.

К моменту провозглашения государства Израиль в 1948 году и создания регулярной армии Рабин стал командиром бригады “Харэль”, участвовал в боях за Иерусалим. Он лично разработал и возглавил операцию, в результате которой была прорвана арабская блокада города.

После первой арабо-израильской войны обучался на различных курсах усовершенствования. В 32 года стал генералом и в 1956 году был назначен командующим Северным военным округом. В 59-м – начальником Главного оперативного управления генерального штаба. Через год – заместителем начальника генштаба, а

в январе 1964 года – начальником израильского ГШ – высшая в Израиле военная должность. В этом качестве руководил израильскими вооруженными силами в период “шестидневной войны”.

Рабина до сих пор называют “победоносный НГШ” (начальник генерального штаба – К.К.). Ведь именно он реорганизовал израильскую армию, разработал планы военных операций, которые удивили мир во время “шестидневной войны” в июне 1967 года. Она, как известно, закончилась поражением сопредельных с Израилем арабских стран. Тогда израильские войска захватили Синайский полуостров, сектор Газа, Западный берег реки Иордан, Голанские высоты и Восточный Иерусалим.

В том же году он получил почетные степени доктора наук Иерусалимского, Чикагского и Майамского университетов.

* * *

В 1968 году Рабин в чине генерал–лейтенанта вышел в отставку. Как правило, отставные генералы, тем более молодые, в Израиле долго без дела не сидят. По предложению Голды Меир, которая была соратницей “Красной Розы”, Рабин вскоре получил назначение на один из важнейших дипломатических постов – посол Израиля в Вашингтоне – и 5 марта того же года вручил верительную грамоту президенту США.

Поначалу еврейская община США была несколько разочарована речами нового посла, английский которого оставлял желать лучшего. Но вскоре обнаружилось, что израильский дипломат обладает большими аналитическими способностями и умеет четко формулировать свои мысли. Неразговорчивый выпускник сельскохозяйственной школы оказался готовым высказать свое мнение в ясных и простых словах, рассказать журналистам то, о чем пишут в секретных посланиях (разумеется, в пределах разумной необходимости), высказать идеи и критические замечания, которые дипломаты обычно тщательно скрывают. Своей откровенности он обязан тем, что газета “Вашингтон пост” наградила его прозвищем “недипломатичный дипломат”.

Тем не менее, за пять лет пребывания Рабина в Вашингтоне произошло беспрецедентное улучшение отношений между Израилем и США. Он считал укрепление и развитие американо–израильских отношений одним из важнейших направлений внешней политики своей страны. Рабин был убежденный проамериканец. Европе не доверял. Разумеется, и политику проводил не просто проамериканскую, а ортодоксальную.

Вместе с тем, наблюдалось непрерывное ухудшение его личных отношений с тогдашними высшими чиновниками израильского МИДа. Дело в том, что Рабин имел свой (особый!) взгляд на сущность миссии посла. Он был убежден, что его задача – это прежде всего выработка политической линии, а не только слепое исполнение указаний из Иерусалима. Генерал считал, что ему должны были предоставить как можно более широкое поле деятельности. Но этого не произошло...

Вернувшись из США, Рабин, тем не менее, оказался на коне. Связав свою политическую судьбу с партией МАПАЙ. (предшественница Партии труда и нынешней партии “Авода”) он получил в 1974 году портфель министра труда в правительстве Голды Меир. Правда, ненадолго. После ее отставки партийный съезд незначительным большинством избрал его руководителем этой партии. В мае 1974 года 52-летний Рабин возглавил (снова по предложению Г. Меир) кабинет министров и стал самым молодым премьером в истории государства Израиль.

Генерал-лейтенант запаса оказался на вершине политической пирамиды. Но именно в этот момент фортуна отвернулась от этого “везунчика”. Военачальник и дипломат, он был плохо знаком с обстановкой даже в собственной партии, со сложными интригами и жестокими правилами межпартийной борьбы. Справедливости ради следует отметить, что Рабина подводило не только отсутствие политического опыта. Вне зависимости от личных качеств главы правительства Партия Труда, бессменно стоявшая у власти с момента создания государства, переживала период кризиса. Коррупция, семейственность, самоуспокоенность – таковы были лишь некоторые симптомы недуга, поразившего партию.

Не удивительно, что его “первое премьерство” сопровождалось серией неудач и завершилось досрочно. Через три года разразился скандал, в котором оказалась замешана жена Рабина – Лея. Она, по данным израильской газеты “Гаарец”, имела на личном счету в одном из банков США две тысячи долларов (по израильским законам, государственным чиновникам и их родственникам запрещалось иметь счета в иностранных банках). Премьер не стал оправдываться или дожидаться официального расследования. Он принял удар на себя, ушел в отставку и заявил об уходе с поста председателя Партии труда.

И все же Рабину было, что записать себе в актив. Он добился заключения промежуточных соглашений о разъединении войск с Египтом и Сирией. Экономика страны без потрясений пережила

мировой энергетический кризис в 1973–1974 годах, вызванный повышением цен на нефть. Он возглавил легендарную операцию (1976 год) по освобождению пассажиров израильского самолета в Энтеббе (Уганда), захваченного террористами. Осуществил модернизацию вооружений армии. В 1975 году подписал соглашение с США, которое легло в основу особых отношений, установившихся между двумя государствами.

* * *

В мае 1977 года Партия труда, которую возглавлял Шимон Перес (в кабинете Рабина он занимал пост министра обороны), впервые потерпела поражение. К власти пришел правый блок “Ликуд”.

Высказывались предположения, что именно Перес “подставил” тогда Рабина, инспирировав публикацию о его “нелегальном” банковском счете. Как бы то ни было, дальнейшая судьба Партии труда развивалась на фоне бескомпромиссной, порою жестокой борьбы этих лидеров, которых журналисты называли то “заклятыми друзьями”, то “неразлучными врагами”.

Рабин и Перес – почти ровесники. Но трудно представить себе двух деятелей, две незаурядные личности, столь несхожие по характеру, темпераменту, образу мышления. Им были явно тесны рамки одной партии. Но чувство долга неизменно брало верх над личными амбициями. Они оставались в одной “связке”, и их политические судьбы переплетались самым причудливым образом.

Выборы 1984 года “Ликуд” и “Авода” свели “вничью”. В сформированном правительстве национального единства пост премьера первые два года занимал Перес, а затем, по принципу ротации, – лидер “Ликуда” Ицхак Шамир. Бессменным министром обороны оставался Рабин. Именно он при поддержке Переса вывел войска из Ливана, положив конец непопулярной войне.

В то время многие наблюдатели отмечали, что генералу не хватало чувства меры. Иногда ему изменяло и политическое чутье. Когда в декабре 1987 года на оккупированных Израилем арабских территориях вспыхнуло восстание палестинцев (“интифада”), Рабин не только не счел нужным прервать турне по США, но и продолжал играть в теннис со своим американским коллегой Ф.Карлуччи.

В упрек министру обороны ставили то обстоятельство, что “интифада” явилась для него полной неожиданностью. Но вряд ли это справедливо – она застала врасплох и руководство Организации освобождения Палестины во главе с Ясиром Арафатом. В самом начале палестинского восстания Рабин в минуту раздражения по-

обещал “переломать руки и ноги” инициаторам беспорядков. Эти опрометчивые слова привели к тому, что на Рабина навесили ярлык правого.

Но это было ошибкой. По своим взглядам и убеждениям Рабин был и оставался ближе к “голубям”, чем к “ястребам”. Имидж правого стал следствием того, что в силу своей должности он возглавил борьбу с палестинской “интифадой”. Сказанные им слова свидетельствовали не о жестокости министра обороны, а скорее о его несдержанности в высказываниях.

Тем не менее, он быстрее многих оценил значимость восстания. Уже в феврале 1988 года он заявил активистам партии “Авода”:

Я кое-что усвоил за два с половиной месяца. И среди прочего то, что нельзя с помощью силы управлять двумя миллионами палестинцев.

Он был убежден, что присоединение оккупированных территорий разжигало бы еврейский характер Израиля. Но военный режим там означал бы бесконечную войну. Поэтому в 1989 году он предложил израильскому правительству план мирного урегулирования, к реализации которого ему удалось приступить только в 1992 году.

Соперничество между Пересом и Рабином вступило в решающую стадию накануне парламентских выборов 1992 года. После трех неудачных попыток Переса “оккупировать” кресло главы правительства, партия “Авода” решила сделать ставку на Рабина как деятеля, способного привлечь голоса не только левых, но и центристски настроенных избирателей.

Он вел избирательную кампанию как человек, который может принести стране мир и обеспечить безопасность. Но, чтобы добиться успеха, постоянно подчеркивал он, израильтянам придется отказаться от основной части своей национальной безопасности — ощущения изоляции.

На протяжении многих лет, в силу необходимости, из-за угрозы войн, террора, — объяснял Рабин избирателям, — у нас укрепилось чувство осажденной страны, что весь мир против нас. Это породило сомнение в возможности достижения мира.

Будучи “саброй”, Рабин был лишен тех эмигрантских чувств, которыми отличались отцы-основатели государства. Они боялись, что любая уступка арабам станет первым шагом к уничтожению. Но у него был и особый довод для палестинцев:

Вы, которые ни единого дня не знали свободы и радости своей жизни, прислушайтесь к нам хотя бы на этот раз.

“Авода” одержала победу. В июне 1992 года Рабин вновь оказался на вершине политической и государственной власти.

На посту главы правительства он столкнулся с дипломатическими переменами на международной арене и, в первую очередь с распадом Советского Союза и концом холодной войны, с массовой репатриацией советских евреев в Израиль и мирными переговорами с соседними странами. Перечисленные факторы породили новые возможности для позитивных сдвигов во всех сферах жизни.

В первом же выступлении в кнессете он заявил, что намерен идти “другим путем” и отказаться от “осадного менталитета”.

Моя первостепенная задача, – говорил Рабин в парламенте, – вдохнуть новую жизнь в мирные переговоры по Ближнему Востоку, начавшиеся в октябре 1991 года в Мадриде.

На пути к мирным договоренностям с палестинцами и Иорданией Рабину пришлось преодолеть яростное сопротивление экстремистских кругов. После ряда антиизраильских вооруженных актов со стороны палестинских радикальных организаций на него в очередной раз обрушился град обвинений в предательстве интересов Израиля. Но премьер–министр подтвердил репутацию твердого политика, который не принимает решений на основе общественного мнения и сиюминутной конъюнктуры. Он стал первым руководителем еврейского государства, который признал ООП и в сентябре 1993 года подписал с ней соглашение о Палестинской автономии. А в мае следующего года он и лидер ООП заключили в Каире соглашение о принципах практической реализации плана “Газа–Иерихон – сначала”.

Соратники Рабина вспоминают, что после подписания с Арафатом “Декларации о принципах промежуточного урегулирования” он стал мягче, больше улыбался. Хотя он и пошел на огромный риск в отношении будущего своей страны, выпавшая на его долю задача довести начатое дело до конца (и уверенность в том, что он сделал правильный выбор) придали ему новые силы.

Впрочем, не следует думать, что Рабин был стопроцентным пацифистом. Далеко нет. В очередной раз он продемонстрировал это в июле 1993 года, когда израильская армия провела в южном Ливане операцию против экстремистской проиранской организации “Хезболлах”.

Рабин был убежден, что мир нужно заключить именно сейчас, пока на Ближний Восток не проникло в полной мере ракетно–ядерное оружие. Он считал, что мир с соседями нужен для того, чтобы противостоять надвигающейся угрозе исламского фундамен-

тализма. Наконец, он учитывал внутреннюю ситуацию в Израиле и полагал, что страна не может вечно находиться в состоянии войны и повышенной боевой готовности.

Была только одна проблема, занимавшая в списке приоритетов Рабина не менее важное место, чем мир, — это безопасность страны. В данном вопросе он не был готов на компромисс и демонстрировал твердость.

Мы будем вести борьбу с террором так, — говорил он, — как будто мирных переговоров нет. И будем вести переговоры так, как будто не существует террора.

Эту формулу Рабин настойчиво проводил в жизнь, невзирая на резкую критику правой оппозиции. Ему приходилось действовать в чрезвычайно сложной обстановке, когда в кнессете порой достаточно одного—двух голосов, чтобы склонить чашу весов в пользу правых.

У Рабина не было полной уверенности в том, что Арафат — его главный партнер по переговорам, удержит палестинцев под властью своего авторитета и сумеет выполнить взятые на себя обязательства. Он сомневался в Арафате, но понимал, что среди палестинцев ему нет альтернативы.

В отличие от многих израильтян Рабину удалось примирить свое суждение об Арафате как о “террористе и убийце” с верой в то, что он человек, с которым Израиль может иметь дело. Зная, что Арафат — суровый прагматик, Рабин убеждал своих оппонентов:

Он хозяин положения. Без него соглашение не будет действовать. Он был моим врагом, но он человек, который выполняет свои обязательства.

Неохотно обменявшись рукопожатием с Арафатом на лужайке Белого дома в Вашингтоне, Рабин заявил:

Из всех рук в мире эта не была та рука, к которой я хотел или даже мечтал прикоснуться...

Убежден — Рабин понимал, что и Арафату этот жест дался нелегко. Оба сделали свою судьбу заложницей будущего мира.

* * *

Полтора десятилетия, прошедшие с момента его отставки, не прошли даром. Он многому научился, сделал выводы из ошибок, закалился в политической борьбе. Но, как считают многие оппоненты, так и не стал в полной мере политиком.

Близко знавшие его люди отмечали, что Рабин не блистал красноречием, но умел найти подход к людям, хотя порою ему не хватало обаяния. Ему были чужды политические интриги, утомляла

рутинная внутрипартийная работа. Он не терпел длинных заседаний и пустых разговоров. Основное качество, накрепко связанное с его именем, – надежность. В глазах публики он был человеком, говорившим правду, с высочайшим чувством ответственности.

И все же Рабин – натура противоречивая. Он был уверен в себе и одновременно стеснителен. Он был автором нескольких самых дерзких в истории страны решений. И он же был человеком, подверженным сомнениям. Он верил в коллективное творчество, однако решения принимал самостоятельно.

За свойственный ему стиль руководства Рабина иногда называли “одиноким волком”. Премьер проводил совещания с приглашением многих людей, но всегда предпочитал им беседу с глазу на глаз со специалистом по проблеме, которая требовала решения.

Анализируя вопрос, он всегда тщательно взвешивал все плюсы и минусы. Когда все было взвешено и решение принято, он уже не менял его и шел до конца.

Рабин, как признавали и друзья, и враги, был “трудоголик”. В свои семьдесят лет он ежедневно проводил свыше десятка встреч, которые, как правило, начинались рано утром и заканчивались поздно вечером. После этого он еще успевал появляться на публике. Домой возвращался за полночь.

К этому следует добавить, что Рабин одновременно являлся и министром обороны. А если учесть, что отношения между членами коалиционного правительства были весьма сложными, то ему приходилось выполнять обязанности еще трех министров: здравоохранения, внутренних дел и по делам религии.

* * *

Семья Рабинов образовалась еще до того, как на политической карте мира появилось государство Израиль.

Жена премьер–министра долгое время была притчей во языцех. Израильяне считали первую даму высокомерной и надменной. Газеты постоянно твердили о том, что она вмешивается в дела супруга, и публиковали ее фотографии, где у нее было злое выражение лица.

Кроме того, все помнили, как в 1977 году, когда Рабин занимал пост премьер–министра, Лея, можно сказать, подпортила ему карьеру, храня доллары на счету американского банка. Однако со временем пресса сменила гнев на милость и даже признала в 1994 году, что в свои 66 лет жена главы правительства выглядит на “пятьдесят с хвостиком”.

Лея Рабин (в девичестве Шлезберг) родилась в Кенигсберге. В 1934 году семья перебралась в Палестину. В школе Лея считалась самой красивой девочкой в классе. Впрочем, она всегда скромно отрицалась от подобных утверждений: “Я была лишь второй...”

По ее словам, в юности Рабин пользовался успехом у девушек. Однако ухаживать за ними не умел. Лее пришлось взять инициативу в свои руки.

Сначала она стала появляться на улице Аленби, где, по ее сведениям, любил прогуливаться с друзьями Ицхак. Потом они встретились во время службы в военизированных молодежных подразделениях и вскоре поженились.

На следующее утро после свадьбы Ицхак уехал в свою часть, Лея – в свою. Они прожили вместе почти пятьдесят лет. Скандалы в этом семействе, если и были, то умело скрывались от глаз и ушей общественности.

Будучи первой леди, она вставала в половине седьмого утра, чтобы приготовить мужу завтрак. Сама в то время (возможно и сейчас) постоянно боролась с лишними килограммами и, как правило, выходила победительницей в этой борьбе.

Хотя в доме водились преимущественно обезжиренные продукты, для мужа Лея всегда держала кусок его любимого жирного желтого сыра.

Обед готовила тоже сама. По признанию тех, кто эти обеды пробовал, ей особенно удавались блинчики с творогом, фаршированная рыба, мясные блюда и торты. Стол Рабинов был смешанный – еврейский, восточный и европейский. Бывший государственный секретарь США Уоррен Кристофер признался в одном из интервью, что до сих пор вспоминает гороховый суп Леи Рабин и готов снова приехать в Израиль, чтобы попробовать что-нибудь еще.

По четвергам вечером Рабины обычно уезжали из официальной иерусалимской резиденции домой в Тель-Авив. Там играли в теннис, общались с внуками, встречались с друзьями. Если им хотелось посидеть вместе у телевизора, они, случалось, предварительно спорили: Рабин любил спорт и детективы. Лея их терпеть не могла. Но она, конечно, всегда уступала мужу.

Если верить израильской прессе, многие годы ходили слухи о равнодушии Рабина к алкоголю, особенно к виски. Однажды телевизионный журналист набрался храбрости и задал премьеру соответствующий вопрос.

Задавай мне серьезные вопросы, – спокойно ответил Рабин.

Кстати сказать, он мог произнести остроумный, как говорил сам, грузинский тост, и со знанием дела рассказать, что и как пьют в Израиле.

По совету докторов он почти отказался от стаканчика виски и лишь иногда выпивал пива. Он был заядлым курильщиком – в день выкуривал по две–три пачки сигарет и выпивал больше дюжины чашек кофе. Но до конца жизни на здоровье не жаловался. Разве что на зубную боль.

Когда–то Рабин увлекался фотографией. Став премьером, с этим хобби расстался. Иногда по субботам вырывался на теннисный корт.

Я не люблю бег трусцой, – признался он. – Это скучно. Нужно что–нибудь азартное, пробуждающее чувство соревнования, противоборства.

* * *

Премьер–министр был наделен тонким интуитивным чувством истории и особенно собственного в ней места. Как признавался Рабин своим близким друзьям, он осознал, что никогда не занимал видного места в анналах Израиля, которое он заслуживал. Как старый военный, повидавший так много смертей, ему хотелось, чтобы его запомнили миротворцем. Он прошел некоторую дистанцию к этой цели на лужайке Белого дома, где выступил с призывом:

Достаточно крови и слез. Достаточно!

Мир между израильтянами и палестинцами еще не стал свершившимся фактом. Но покойный премьер–министр предпринял те шаги, после которых уже трудно повернуть вспять. И сегодня есть все основания сказать, что пули Игаля Амира, выпущенные 4 ноября 1995 года во время массового митинга в Тель–Авиве, на котором Рабин говорил “Да – миру, нет – насилию!”, не достигли своей цели. Новое правительство – пусть медленно и трудно, но идет путем, проторенным первым израильским лидером, официально признавшим ООП.

ШИМОН ПЕРЕС – ПОЛИТИК, КОТОРОМУ НЕ ВЕЗЕТ

Первые прямые выборы премьер–министра состоялись в Израиле 29 мая 1996 года. Лидер Партии труда (Авода) Шимон Перес проголосовал около одиннадцати утра на избирательном участке, расположенном в помещении школы “Эразим” в Рамат–Авиве.

В коротком интервью на вопрос, что он намерен делать завтра утром, коротко ответил:

– Продолжать работать...

Сразу же после закрытия участков израильское телевидение сообщило, что новым главой правительства избран Перес. В штаб–квартире партии Авода, где никто не сомневался в победе своего лидера, начали открывать шампанское. Утром, однако, выяснилось, что телевидение ошиблось: премьер–министром стал недавний трибун оппозиции, председатель блока правых партий Ликуд – Биньямин Нетаниягу.

Перес проиграл... Но, со свойственным ему хладнокровием, философски заметил:

Мне 73 года... Я не чувствую себя ни усталым, ни разочарованным. Я не потерял интереса к жизни. Сверстники, с которыми я когда–то учился, сегодня богаче меня. У них лучшие квартиры, они дольше отдыхали, больше наслаждались прелестями жизни, лучше ели и пили и, в отличие от меня, до сих пор шьют костюмы у самых модных портных. Я же, оглядываясь на пройденный путь, говорю себе: “Моя биография – это не только годы, но и дела. Если на одной чаше весов сложить прожитое и пережитое, а на другой – все, что я успел сделать, то неизвестно, что перевесит. Не бог весть, какие у тебя заслуги, но кое–что ты сделал в жизни...”

Поэзия и политика

Нелегким было его восхождение на вершину государственной и политической власти. Отчасти потому, что он никогда не был ни мастером словесного фехтования, как Менахем Бегин, ни руководителем экстремистской организации, как Ицхак Шамир, ни любителем рискованных политических авантур, как Ариель Шарон. Одним словом, его никогда не озарял героический ореол...

Шимон Перес родился 1 августа 1923 года в небольшом городке Вишнево (в то время территория Польши, сегодня – Белоруссии), где проживало около двухсот еврейских семей. Собственно тогда мальчика звали Сеня Перский. Шимоном Пересом он стал гораздо позднее.

Его отец работал лесником и редко бывал дома. Мать занималась хозяйством. Поэтому Шимон привязался к деду – веселому сапожнику, знатоку Торы и еврейской поэзии. Дед, по словам Переса, был для него кладезем мудрости.

Благодаря деду, Шимон на всю жизнь полюбил поэзию. В девять лет начал писать стихи. Некоторые из них родители отправили Хаиму Нахману Бялику. Как гордился отец, когда от того пришло письмо, в котором национальный поэт отмечал одаренность ребенка.

В школе Шимон сторонился сверстников, не играл в детские игры, и дети порой мстили ему за это с особой жестокостью. Его часто били. Без всякой причины. Просто за то, что он не такой, как все. Он сносил побои со спартанским стоицизмом и никогда не давал сдачи.

Все евреи Вишнева были сионистами, ждавшими благоприятного случая для эмиграции в Палестину. В 1931 году такой случай представился отцу Шимона. Через два года, разбогатев на торговле зерном, и, почувствовав, что твердо стоит на ногах, он вызвал к себе жену и детей. Весной 1933 года мать с Шимоном и его младшим братом Гершоном присоединились к главе семьи.

В Палестине Шимон окончил престижную гимназию Бальфура. Потом воспитывался в молодежном сельскохозяйственном поселении Бен-Шемен, где познакомился со своей будущей женой Соной. Со временем он мог бы стать агрономом или ветеринаром. Но судьба распорядилась иначе...

Шимон стал активистом сионистского движения молодежи “Ноар ха-Овед”. По словам его друзей, Переса уже тогда отличали интеллект, энергия, целеустремленность, кругозор и ровный, спокойный характер.

Без особого труда он выдвинулся в лидеры этого движения и в 18 лет был уже его секретарем. Тогда же он познакомился с политиком и публицистом, духовным вождем партии МАПАЙ, являвшейся предшественницей Партии труда, Берлом Каценельсоном, который обратил внимание на способного парня. Вскоре Перес вступил в МАПАЙ и в 1946 году участвовал от этой партии в работе 22-го конгресса Всемирной сионистской организации, проходивше-

го в Базеле, что имело большое значение для его политической карьеры.

Перес по-прежнему не оставлял литературных амбиций. Время от времени в печати появлялись его стихи, статьи, проза. Особым успехом пользовалась написанная им серия репортажей “Из дневника женщины”, публиковавшаяся под женским псевдонимом. Критики не преминули отметить, что “наконец–то в литературе на языке иврит зазвучал сильный и чистый женский голос”.

Но больше всего Переса тянуло к политике. Его идолом стал Давид Бен–Гурион – первый глава правительства государства Израиль. Он восхищался его целеустремленностью, аналитическим умом, темпераментом бойца, а главное – способностью принимать решения.

Познакомились они так... Однажды Перес оказался попутчиком Бен–Гуриона. Он с почтением смотрел на своего кумира, который, закрыв глаза и обняв колени тонкими руками, был погружен в глубокие размышления. Когда за окнами автомашины показалась Хайфа, Бен–Гурион впервые взглянул на Переса и вдруг сказал:

Знаешь, Троцкий никогда не был политиком...

Почему? – спросил растерявшийся Перес, мысли которого в ту минуту были далеки от Троцкого.

Что это за политика – “ни мира, ни войны”? Выбирают или войну со всеми последствиями, или мир, за который надо платить. Ленин это понимал...

“Мог ли я подумать тогда, – вспоминал Перес годы спустя, – что настанут дни, когда я увижу, как старик принимает решения о войне и мире”.

Восходящая звезда

В конце 40–х Перес начал работать в министерстве обороны – помощником Леви Эшкола (в то время генеральный директор этого ведомства). Здесь его и открыл Бен–Гурион, бывший тогда премьер–министром молодого государства, который разглядел в Пересе незаурядную личность. Он привлек его на штабную работу, не отпустил на обычную армейскую службу, за что тому до сих пор приходится терпеть нападки и булабочные уколы политических противников. В одной из последних телепередач во время предвыборной кампании Пересу не без яда был задан вопрос: “В какой дивизии ты служил?”

Именно Бен–Гурион распорядился направить 27–летнего сотрудника в США в качестве главы представительства министерства

обороны. Там он успешно совмещал работу с учебой в знаменитом Гарвардском университете.

Вернувшись в 1952 году из США, Перес получил новое назначение – сначала исполняющий обязанности, а затем – генеральный директор министерства обороны. В те годы перед ним стояла сложная задача – не только укрепить обороноспособность вооруженных сил, но и заложить фундамент израильской оборонной промышленности.

На этом посту, еще не достигнув 30 лет, Перес сумел подчинить своему контролю значительную часть государственного бюджета, а постепенно – и промышленности Израиля, которая стала выполнять многочисленные заказы. Эта должность явилась важной ступенькой в его продвижении по политической лестнице, поскольку содействовала его формированию как руководителя.

Несомненно, что из тех, кто занимал пост генерального директора, наибольший след оставил именно Перес. В течение десяти лет службы в министерстве обороны он характеризовался (и в порядке похвалы, и в порядке осуждения) как “исполнитель”, “технократ номер один”, “проповедник модернизации”.

Друзья Переса считали, что он превратил научные исследования, развитие и производство в области обороны в рычаг для обновления гражданской промышленности Израиля. Противники обвиняли его в создании “военно–промышленного комплекса, пожирающего огромную долю общественных средств”.

Так или иначе, но именно Перес сыграл ключевую роль в создании авиационной, электронной и оборонной промышленности, реорганизовал научно–исследовательскую работу в военной сфере.

Он приложил немало усилий в поисках источников снабжения теми видами оружия, производство которых не могло быть налажено внутри страны. Уже в 1954 году ему удалось сделать заказ на получение первых самолетов и танков из Франции. При этом он сумел укрепить связи с теми французскими деятелями, кто был связан с министерством обороны. Позднее он, сопровождая Бен–Гуриона во время его секретной поездки в Париж для окончательного согласования совместных военных действий перед нападением на Египет в 1956 году. По окончании той войны Перес был награжден французским правительством орденом Почетного легиона.

В 1959 году в Израиле состоялись выборы в кнессет (израильский парламент) 4–го созыва. В ходе предвыборной кампании Пе-

перес так сформулировал свое “политико–техническое” кредо: “Территория Израиля в длину добыта его солдатами и крестьянами. Своей территории в ширину он лишен из–за наличия арабских стран. Высота Израиля – в достижениях его ученых и инженеров, системе образования и общем интеллектуальном уровне”.

Партия МАПАЙ одержала на выборах победу. Перес был избран в кнессет и назначен заместителем министра обороны.

На новой должности он продолжал прилагать особые усилия для осуществления принципов, положенных им в основу деятельности министерства в бытность генеральным директором. Он по–прежнему занимался расширением закупок вооружений во Франции. На этот раз путем заключения целевых соглашений, облегчивших впоследствии производство израильской промышленностью самолета “Рафаэль” и других новых видов оружия. Перес был главной силой, способствовавшей созданию атомных центров в Димоне и Нахал–Сореке.

Позиции Переса в МАПАЙ стали, как никогда прежде, прочными. Израильская пресса называла его не иначе, как восходящей звездой на политическом небосклоне. Вероятно уже тогда молодой, энергичный политик, пользовавшийся доверием Бен–Гуриона и наделенный им неограниченными полномочиями, мечтал о дне, когда займет кресло своего учителя. Ему казалось, что пройдет десять, максимум пятнадцать лет и его мечта осуществится. Возможно так и было бы, но опять вмешалась судьба...

В 1959 году важнейшим событием политической жизни в Израиле стала “борьба за наследство” в партии МАПАЙ, которая развернулась между “ветеранами” и “молодыми” за руководящие должности в виду предстоявшего ухода Бен–Гуриона. Эта бескомпромиссная борьба продолжалась до июня 1963 года, пока Бен–Гурион окончательно не ушел с поста главы правительства.

Премьер–министром стал Леви Эшкол, который попросил Переса остаться на посту заместителя министра обороны. Тот согласился, и его стали считать “человеком номер два” в МАПАЙ. Это вызвало недоброжелательность к нему со стороны старых членов партии.

Не исключено, что в скором времени он мог бы стать премьер–министром. Однако в 1965 году находившийся на покое Бен–Гурион бросил перчатку своим вчерашним соратникам. Старый вождь вышел из партии МАПАЙ и призвал под свое одинокое знамя самых близких ему людей. Перес без колебаний оставил пост заместителя министра обороны и отправился за своим учителем и кумиром в

пустыню политической оппозиции. Вместе с Бен-Гурионом он создал новое движение РАФИ (“Решимат поалей Исраэль” – “Рабочий список Израиля”) и в июле 1965 года был избран его генеральным секретарем.

Позднее Перес вспоминал: “Я сидел в маленькой комнате без ковра и кондиционера, был перегружен заботами, сутками занимался организационными вопросами, пропагандой и сбором средств. А всего лишь полгода назад я распоряжался аппаратом министерства обороны, ворочал огромными суммами...”

После “шестидневной войны” (июнь 1967 года) движение РАФИ вместе с партией МАПАЙ и Ахдут ха-Оведа объединились в Партию труда Израиля (Авода). Перес был избран одним из двух секретарей. Но ему пришлось начинать с нуля, пядь за пядью отвоевывая утраченные позиции.

В состав правительства Перес вошел только после выборов 1969 года. Временно он был назначен министром по делам устройства иммигрантов, а с сентября 1970-го – министром коммуникаций. На этом посту он предпринял шаги по усовершенствованию линий связи, особенно радио и телефонных. Подписал соглашение о присоединении Израиля к спутниковой связи.

Но, несмотря на все его усилия, доставка писем из одного города в другой была плохой и занимала больше времени, чем в период турецкого господства в Палестине.

По-настоящему большим политиком Перес стал после потрясений войны (октябрь 1973 года) Судного дня. Через год он снова вернулся в министерство обороны, но теперь уже в качестве министра. По иронии судьбы, тем, кто выдвинул его на этот пост, был его многолетний соперник Ицхак Рабин, возглавлявший тогда правительство.

Впоследствии сотрудничество с Рабином переродилось в подспудную вражду и взаимную подозрительность. Трудно сказать, кто был при этом прав, а кто виноват. Скорее всего, оба были в чем-то правы, и в чем-то виноваты. Ведь и тот, и другой – люди талантливые, амбициозные и самолюбивые. Но – очень разные. Каждый из них годился на роль “первого номера”, а для этой роли был нужен только один...

Всем известен тип начальника, при котором подчиненным не следует “высовываться”. Перес, как “второй номер”, очевидно, слишком “высовывался” и Рабину, в то время новичку в политике, не слишком уверенному в себе, это казалось подкопом под него. Он, кстати, написал об этом позднее в книге “Служебный блокнот”.

Некоторое время спустя цитаты из нее широко и с успехом использовал Ликуд для дискредитации Переса как лидера партии Авода.

Говорят, что с этого началась цепь его неудач. Целая индустрия сплетен и диффамации стала работать вокруг его имени. Пустили слух, что его мать – арабка, по другим версиям – жена, что он – мультимиллионер. Враждебность к нему разжигали почти с одинаковым усердием и “свои”, и оппозиция.

Будучи министром обороны Перес был одним из организаторов знаменитой операции “Энтеббе”.

Напомню, что 27 июня 1976 года палестинские и немецкие террористы захватили пассажирский самолет авиакомпании “Эр Франс” и посадили его в Уганде в аэропорту Энтеббе. Похитители провели унижительную селекцию пассажиров, отделили израильтян и евреев из других стран и объявили, что убьют их, если в Израиле не будут освобождены 53 террориста.

Израильское правительство пошло на беспрецедентное решение: согласилось на переговоры. Против этого выступил только министр обороны.

Должно быть ясно, что переговоры и израильская готовность на уступки чреваты в будущем усилением террора, – убеждал Перес министров. – Речь идет не об отсутствии заботы о заложниках. Напротив, речь идет о безопасности пассажиров.

Перес предложил провести военную операцию. Как известно, она закончилась чрезвычайно успешно.

В 1976 году, когда израильский журналист Дан Маргалит раскрыл историю с долларовым счетом супруги премьер-министра (в то время законы относительно хранения валюты за границей были очень строги), Ицхак Рабин объявил об уходе в отставку. Перес стал исполняющим главы правительства. Одержав во внутреннем противоборстве с Рабином верх, он стал лидером партии Авода и возглавил список к следующим выборам. Казалось, преград на пути к вершине нет...

И вот именно тогда, в мае 1977 года, произошел первый в истории Израиля “переворот”. К власти пришел блок правых партий Ликуд во главе с Менахемом Бегинем.

Много внутренних процессов в обществе, созревших к тому времени, были причиной потери партией Авода власти, которую она удерживала 29 лет. И в первую очередь потрясение, пережитое во время войны Судного дня. Перес не был в числе тех, по чьей вине арабское нападение застало Израиль врасплох. Он не имел

также никакого отношения к ряду скандальных историй, связанных с коррупцией. Но горькую чашу довелось испытать и ему...

После поражения на выборах партия Авода лежала на канатах, как боксер после нокаута. Непривычная к поражениям и безвластью, она стала напоминать тонущий корабль, с которого бегут крысы. Кампания дискредитации, которую лидеры Ликуда вели против Переса, коснулась и партии: ее обвиняли в отрыве от народа и в элитарности, что она – партия старых людей, отживших свой век.

Именно в это время в полную силу проявились особые качества Переса как политика и лидера. Его способность к долгому и неблагодарному труду, его неистребимый оптимизм даже в самых безнадежных ситуациях. Умение сто раз падать, подниматься вновь и продолжать трудиться дальше. С той точки, в которой его застало падение.

Перес понял тогда, что поражение было заслуженным – если не им лично, то партией; что ту развалину, которую он принял, надо не чинить, а перестраивать самым коренным образом. Он не стал выискивать козлов отпущения. Вместо этого он искал рычаги для поворота, ибо понимал, что без молодых свежих сил партию не возродить.

По капельке, по песчинке он начал поднимать партию из пепла. Это означало бесчисленные встречи с людьми, беседы, убеждения, собиранье вокруг себя актива. Он сколотил и стал заботливо пестовать плеяду молодых лидеров, не опасаясь, что они подставят ему подножку. Сегодня они – известные политические деятели.

Постепенно партия оживала, молодела, становилась динамичной. Но это был процесс, требовавший времени. Сам Перес к тому же возглавлял оппозицию в кнессете. Одновременно с политической деятельностью в Израиле он получил широкую известность за рубежом. В 1978 году его избрали заместителем председателя Социалистического интернационала.

Тем не менее, премьер-министр Менахем Бегин по-прежнему обладал магической силой воздействия на массы, и к выборам в кнессет 10-го созыва в 1981 году у партии Авода еще не было шансов на возвращение к власти.

И все-таки ведомая Пересом партия Авода существенно увеличила представительство в парламенте – с 32 до 47 мандатов. Только на один мандат больше получил тогда Ликуд, и это дало возможность правому блоку при поддержке религиозных партий

сформировать правительство, политика которого привела к экономическому кризису и втянула Израиль в непопулярную войну в Ливане.

У руля государства

Но затем обстановка стала меняться. Печальные результаты ливанской войны, головокружительная инфляция и отставка Бегина – все это стало склонять чашу весов в сторону партии Авода. И в сентябре 1984 года Перес, наконец–то, занял заветное кресло, в котором до него сидели такие “зубры”, как Бен–Гурион, Шарет, Эшкол, Голда Меир, Бегин и Шамир. В тот год, как известно, были проведены досрочные выборы, которые не принесли успеха ни одному из блоков. Было создано коалиционное правительство, основанное на принципе ротации: первые два года кабинет возглавлял Шимон Перес, а его политический антипод и лидер Ликуда Ицхак Шамир исполнял обязанности заместителя премьера и министра иностранных дел. Вторую половину – наоборот.

Значительная часть тяжеловесного кабинета откровенно ненавидела своего премьер–министра. Тем не менее, за короткий период пребывания на этом посту Перес сумел осуществить ряд “маневров”, чтобы привести в порядок “обломки”, оставленные ему в наследство его предшественником Шамиром. Вывод войск из Ливана способствовал умиротворению внутри страны. Жесткие экономические меры приостановили инфляцию. Америка вновь стала щедро давать деньги, а ряд стран Африки и Восточной Европы восстановили дипломатические отношения с Израилем.

Перес – интеллеktуал, и его популярность среди писателей и деятелей искусства также способствовала созданию в стране благоприятного для правительства общественного мнения.

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что в годы правления Переса не обошлось и без счастливого стечения обстоятельств. Снижение цен на нефть на мировых рынках, падение курса доллара, ирано–иракская война – все это оказалось удачей для премьер–министра.

С другой стороны, за два года его пребывания у власти администрация США проявила удивительное равнодушие к проблеме мирного урегулирования на Ближнем Востоке. А это удачей не назовешь.

Соглашение о ротации не позволило Пересу держать руль правления четыре года. Но он, по свидетельству многих депутатов кнессета, и за два сделал больше, чем другой премьер–министр

смог бы совершить за полный срок. Перес показал себя неутомимым, динамичным деятелем, убедительно доказав, что именно он является общенациональным лидером, способным решать самые болезненные и сложные проблемы.

Даже люди правых убеждений признавали, что Перес был отличным главой правительства – может быть лучшим за всю историю Израиля. Но лишь гораздо позже общественность по достоинству оценила сделанное им. Он всегда видел дальше других. Благодарность редко была его уделом. Впрочем, он и не искал ее.

На выборах 1988 года партия Авода была очень близка к победе. И, надо полагать, одержала бы ее, если бы не злосчастный случай – террористический акт за две недели до выборов, в результате которого в автобусе заживо сгорела женщина с маленькими детьми.

В Израиле террористические акты вызывают прилив поддержки правых партий. Тех двух–трех мандатов, которых Авода недополучилась, не хватило для большинства и даже для равного с Ликудом положения. Вновь было сформировано правительство национального единства. Премьер–министром стал Шамир, его заместителем и министром финансов – Перес.

После этого поражения на него обрушилась новая волна обвинений.

Да, Перес выдающийся деятель и политик большого масштаба, говорили оппоненты. Но он – невезучий... Он не может победить на выборах.

Даже его соратники стали все громче заявлять, что “пока Перес остается во главе партии, нам не победить”, что только Рабин “может вернуть партию Авода к власти”.

Рабин не заставил себя долго ждать: тут же выдвинул свою кандидатуру к внутрипартийным выборам и победил. Партия, которую Перес поднял из руин и вдохнул в нее жизнь, изменила ему.

И тут проявилось в полную силу его человеческое величие. Другой отошел бы от политики и стал бы “зализывать раны”, разочарованный и озлобленный до конца дней своих. Так поступил бы заурядный человек. Но не Перес, способный перенести любую неудачу – не без горечи, разумеется, но и без отчаяния – и идти дальше.

Перес чувствовал, что сейчас только он со своим багажом опыта и творческих сил может еще многое сделать для Израиля. Он сумел превратить былую враждебность между ним и Рабином в честное и открытое сотрудничество, даже в дружбу. Причем, в

начале этого сотрудничества Рабин не раз унижал его. Перес гнулся, но не ломался. Задуманное им дело было слишком велико, чтобы он мог хлопнуть дверью и уйти. Он уже знал: пора ломать старые догмы, надо заключать мир с Организацией освобождения Палестины. Тогда эти слова (сегодня привычные) звучали для израильтян страшно. Но кто-то должен был осмелиться произнести их.

Позднее Перес скажет:

Каждый политик должен отдавать себе отчет в соотношении прогнозов и реальности. Меня считают автором идеи нового Ближнего Востока. Признаю себя “виновным”. Я действительно мечтаю о новом Ближнем Востоке. Но он ничем не отличается от того, о котором мечтали мои учителя – Берл Каценельсон и Давид Бен-Гурион. А они мечтали о Ближнем Востоке, где не будет вражды между арабами и евреями. Меня спрашивают: “Почему ты отдаешь земли?” Я никому ничего не отдаю. Земля, о которой идет речь, всегда находилась в руках арабов. Газа никогда не была нашей. Мы были в руках Газы...

В 1990 году, когда Ликуд торпедировал возможность начать переговоры с палестинцами при посредничестве США, партия Авода вышла из правительства.

Незадолго до выборов 1992 года Рабин спросил Переса:

Как это получилось, что правые сумели так натравить на тебя народ?

Теперь ты идешь первым, – ответил Перес и предупредил: – Ты еще увидишь, что они с тобой сделают...

Говоря это, Перес, по его признанию, имел в виду клевету, травлю, но никак не убийство. Увы, действительность оказалась более жестокой.

Авода одержала победу. В правительстве Рабина Перес занял пост министра иностранных дел.

При его активном участии в 1993 году были заключены соглашения с ООП. На Ближнем Востоке наступила новая эра: появилась надежда на урегулирование казавшегося неразрешимым конфликта, имеющим почти столетнюю историю. ООП, боровшаяся против Израиля, была выведена из порочного круга, из ее Хартии были исключены пункты, провозглашавшие необходимость уничтожения еврейского государства. Был подписан мирный договор с Иорданией, начаты переговоры с Сирией, значительно улучшены отношения с остальными арабскими государствами.

Шимон Перес, как и Ицхак Рабин, стали лауреатами Нобелевской премии мира за 1994 год.

В ноябре 1995 года после убийства премьер-министра Рабина, Перес возглавил кабинет и стал кандидатом от партии Авода на первых прямых выборах. История предоставила ему еще один шанс: гибель его предшественника возвратила симпатии народа, а оппозиция, загнанная в угол кампанией массовой истерии, не смела поднять голову.

До выборов оставался год. Но Перес, стремясь использовать ситуацию, решил провести их досрочно. Он уверенно лидировал в опросах общественного мнения и, судя по всему, ни на йоту не сомневался в своей победе. Поэтому в ночь подсчета голосов спокойно отправился спать, чтобы заснуть на вершине власти и в очередной раз проснуться у подножия...

Игра на компромиссах

Тридцать лет жизни потратил Перес на то, чтобы взойти на верхушку политической и государственной пирамиды. Ему пришлось вести ожесточенные баталии в собственной партии. Впрочем, эта борьба закалила его, сделала неуязвимым для личных выпадов и оскорблений. В столкновениях с противниками он доказал, что является человеком, прекрасно владеющим собой, не дающим волю эмоциям, гневу или уязвленному самолюбию, никогда не показывающим своего превосходства. Сторонники Переса гордились тем, что он отличался быстротой и оригинальностью мышления, непоколебимым упорством в достижении цели.

Ирония судьбы: Перес – любимый ученик Бен-Гуриона, ни в чем не похож на своего учителя. Бен-Гурион – вождь. Перес – только лидер, первый среди равных. Бен-Гурион – идеалист. Перес – прагматик. Бен-Гурион работал в одиночестве. Работа Переса – это коллективный труд руководимой им группы специалистов. Бен-Гурион возвышался над действительностью. Перес – слит с ней. Бен-Гурион отличался железным характером, Перес обладает железным терпением. Бен-Гурион был идеолог. Перес никогда не придавал идеологии чрезмерного значения.

Бен-Гурион был интеллектуалом с активным творческим началом. Интеллектуальность Переса пассивна. Литературные амбиции – его самое больное место. Заметного успеха на этом поприще он не добился. Детские стихи, получившие одобрение Бялика, и юношеские репортажи, в которых он выступал от имени женщины, – его лучшие достижения. Написанные им книги, несмотря

на некоторые интересные идеи, по мнению критиков, “водянисты, претенциозны и маловразумительны”.

То же самое можно сказать и о его ораторском искусстве. Один из приближенных Переса заметил с иронией: “У него сначала появляются слова, потом предложения и лишь в конце – идеи”. Когда доброжелатели сообщили Пересу об этой характеристике, он засмеялся и спросил: “Разве это не предпочтительнее, чем быть кем–то, кто не имеет ни слов, ни предложений, ни идей”.

Давид Бен–Гурион и Леви Эшкол считаются в Израиле лучшими премьер–министрами за всю историю страны. От этих двух людей Перес, по собственному признанию, усвоил на всю жизнь два завета: от Бен–Гуриона – “важно то, что ты делаешь, а не то, что говоришь”; от Эшкола – “необходимо уметь делать различие между отвагой и авантюрой”.

Кстати, Леви Эшкол, как характеризуют его соратники, любил компромиссы. “Компромисс, – утверждал он, – это наполовину поражение, но ведь наполовину и победа”.

Позднее в книге “Иди с людьми” Перес напишет: “Эшкол понимал мудрость компромисса. Он умел увидеть сразу две стороны медали. Он не смущался тем, что его называли соглашателем”.

Кто же стал для Переса образцом? Бен–Гурион или Эшкол? На словах – первый. На деле – второй.

Следуя примеру Эшкола, Перес научился не только ценить политику компромиссов, но и сделал ее своим основным тактическим оружием. Его умение находить общий язык с разными людьми, искусство видеть нетривиальный выход из самых запутанных политических ситуаций сделали его просто образцовым государственным деятелем. Это он творил чудеса тайной дипломатии, встречаясь на конспиративных квартирах в разных городах Европы с высокопоставленными арабскими лидерами. Разве мог кто–нибудь еще каких–то два–три года назад предположить, что глава еврейского государства будет так тепло принят в нефтяных эмиратах, а под небом Катара будет звучать израильский гимн “Хатиква”? Причем, как не без иронии заметил Перес, “без единой фальшивой ноты”.

Впрочем, удивляться не приходится. Перес обладает даром очаровывать собеседника. Легкая ироничная улыбка, любовь к образности, тяга к точному и законченному афоризму. Журналистам не надо мучиться в придумывании заголовков – у него всегда найдется для них эффектная фраза.

Как-то я был участником пресс-конференции Переса. Вопросы сыпались со всех сторон – на английском, французском, иврите. И каждому он отвечал легко и остроумно на том языке, на котором был задан вопрос.

Перес – человек глубочайшей культуры. Его любимые писатели – Лев Толстой, Владимир Набоков, Альбер Камю, Жан-Поль Сартр. С необычайной легкостью он может беседовать об опере и немецкой философии, новом спектакле театра “Гешер” и запутанной главе Торы.

Поставьте рядом Бориса Ельцина и Шимона Переса. Как говорится в популярной рекламе, “почувствуйте разницу”.

Еще одно качество Переса, которое единодушно отмечают и друзья, и враги, – это, с одной стороны, умение ставить перспективные задачи, а с другой – принимать конкретные меры, обеспечивающие их выполнение.

В ходе последней предвыборной кампании израильские газеты писали, что Перес – это “единственная альтернатива”, “капитал на выборах”, что только он сможет решить проблемы, от которых зависит будущее Израиля.

Перес придавал большое значение выборам. Выступая перед избирателями, он постоянно подчеркивал:

На этот раз предстоит выбрать не партию, а судьбу...

* * *

Сорок с лишним лет продолжается политическая карьера Переса. Он больше, чем кто-либо другой, был объектом нападок. Но они не ожесточили его.

Когда я создал атомный реактор в Димоне, меня называли шарлатаном. Когда я заложил основы авиационной промышленности, очень авторитетные люди заявили, что я торгую белыми слонами. Когда я закупал оружие во Франции, некоторые наши политики требовали, чтобы я перестал морочить голову. Сегодня меня уже не интересует, что обо мне говорят. Я знаю свою задачу и выполняю ее до конца.

Эти слова Перес произнес в кругу своих приближенных, когда узнал о своем проигрыше.

Его авторитет и популярность в Израиле по-прежнему высоки. Как писали тель-авивские газеты, комментируя итоги выборов, “страна ценит этого человека с квакающим голосом и вызывающими раздражение грустными глазами”.

Те же израильтяне, которые голосовали за него, убеждены: “Пока у нас есть Шимон Перес, еще не все потеряно”...

Судя по сообщениям из Израиля, он не смирился с поражением и по-прежнему ведет себя так, словно он премьер-министр. Перес встречается с политическими лидерами различных стран значительно чаще, чем нынешний глава правительства. На этих встречах он не скрывает своего негативного отношения к новому премьеру и его политике, обвиняя Ликуд в срыве мирного процесса. Перес не в состоянии расстаться с властью, хотя понимает, что на следующих выборах ему вряд ли дадут баллотироваться. Может быть, именно поэтому он всеми силами добивается создания правительства национального единства – это его последний шанс хоть на короткое время занять министерский пост.

Перес проиграл... Но он прекрасно выглядит, как всегда остроумен и наблюдателен. Нигде еще не обмолвился о своем желании навсегда покинуть политическую сцену. Он по-прежнему остается политиком, пользующимся колоссальным уважением во всем цивилизованном мире. Он не сложил оружия и готов к продолжению схватки за власть...

ИЦХАК ШАМИР – ПЕНСИОНЕР МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Когда–то Ицхак Шамир был неуловимым подпольщиком–террористом, за которым охотились британские мандатные власти в Палестине. Когда–то он был... Впрочем, кем он только не был... Сегодня он – обычный израильский гражданин, пенсионер местного значения, живущий воспоминаниями.

* * *

...Незадолго до ухода в отставку глава израильского правительства Ицхак Шамир в интервью английской газете “Санди таймс” сообщил о себе некоторые мало кому известные подробности.

Оказывается, он любит красное вино, заглядывается на хорошеньких женщин, три раза в неделю совершает длительные пешие прогулки. Причем, гулять предпочитает там, где много птиц и цветов. Названий большинства птиц он, по его словам, не знает, но отличить воробья от орла может. Во время таких прогулок он любит размышлять, в голову приходят новые мысли, которые он по возвращении домой обязательно записывает, чтобы не забыть.

У него начисто отсутствуют технические навыки. Поэтому его жена Шуламит занимается устранением мелких домашних поломок. Кстати, она же подбирает Шамиру галстуки – обычно шелковые с красным или синим узором. В жаркие летние месяцы он, как правило, галстуков не носит, надевает рубашки с открытым воротом. Каждый год шьет два–три костюма у портного в Тель–Авиве. Ему вообще нравятся люди хорошо одетые, но без экстравагантности. А вот смокинг израильский премьер–министр не признает. По его мнению, человек в этой одежде выглядит как цирковой шталмейстер или швейцар.

Разумеется, данное интервью не стало каким–то шокирующим откровением. И тем не менее, большинство израильтян (и не только они) почти ничего не знали (впрочем, знают ли сегодня?) о своем бывшем премьере. Хотя тот много лет находился в центре внимания израильской общественности: был председателем кнессета (парламент), министром иностранных дел, главой правительства в течение пяти лет.

Во многом это объясняется особенностями его скрытного характера. Ведь Шамир формировался в рядах подпольщиков–террористов из “Иргун цвай леуми” (“Военно–национальная организация) и “ЛЕХИ” (“Борцы за свободу Израиля”), а позднее – в израильской разведке “Моссад”. Отсюда – привычка ничего о себе не рассказывать. Во–первых, по его убеждению, это не совсем этично. Во–вторых, это может оказаться опасным, если противник извлечет из рассказа нужные для него сведения. Одним словом, Шамир – профессиональный конспиратор.

Впрочем, когда смотришь на этого низкорослого человека с крупной головой на короткой шее, трудно представить, что он был дерзким подпольщиком–террористом, доставлявшим немало хлопот английским мандатным властям в Палестине. И тем не менее, это так.

В жизни Шамира были и террористические акты, причем, не только в отношении англичан, но и против арабов; аресты, побеги, участие в боевых операциях. Правда, это было шестьдесят лет назад, когда еще не существовало государство Израиль, а будущий премьер–министр носил свою настоящую фамилию – Язерницкий.

Он родился в 1915 году в Польше, в местечке Рузиново. После окончания еврейской школы в Белостоке поступил на правовой факультет Варшавского университета. Тогда же стал активным членом молодежной сионистской организации “Бейтар”. В двадцать лет бросил учебу и устремился в Палестину. Родители и две сестры остались в Польше, где позднее погибли от рук фашистов.

В Палестину Шамир проник нелегально. Тем не менее, сумел поступить в Иерусалимский университет. В 1937 году присоединился к организации “Иргун цвай леуми”, которая вела активную борьбу против английского мандата. Именно тогда он сменил фамилию Язерницкий на нынешнюю – Шамир, что в переводе с языка иврит означает “камень, которым обтесывают камни”.

Уже в те годы англичане устроили за ним настоящую охоту. Почти на каждом здании висели его портреты с крупной надписью: “Разыскивается опасный преступник”. В графе – “особые приметы” указывалось: рост –160 см, густые брови, большие уши, неопрятная внешность, маскируется под раввина.

Но Шамир ловко ускользал от английских агентов–сыщиков. Впрочем, не всегда...

В 1940 году он порвал с “Иргун цвай леуми”, поскольку это движение было, как позднее вспоминал Шамир, “слишком умеренным”. В том же году он вступил в другую террористическую органи-

зацию – ЛЕХИ, больше известную как “группа Штерна”. Вскоре он стал одним из ее руководителей, взяв себе подпольную кличку “Михаэль”.

Враждебное отношение Шамира к Великобритании, как сообщалось в израильской прессе, подтолкнуло лидеров ЛЕХИ к поиску альянса с государствами “оси” (прежде всего с гитлеровской Германией) против “британского империализма”. Стало достоянием гласности письмо, написанное Шамиром в конце 1940 года, которое было найдено после Второй мировой войны в Анкаре в архивах... германского посольства.

В письме содержались конкретные предложения будущего премьер-министра “мобилизовать еврейские вооруженные формирования для участия в войне на стороне Германии против английских войск в Северной Африке”. Шамир рассчитывал, что Гитлер поможет ему завоевать Палестину. Он подчеркивал, что создание государства Израиль, связанного тесными союзническими отношениями с “новой Германией”, будет служить интересам и влиянию Гитлера на Ближнем Востоке.

Все эти факты хорошо известны в Израиле и много раз упоминались в печати.

В 1941 году англичанам удалось схватить фанатичного террориста. Но он бежал, скрывался под видом раввина. Начиная с января 1942 года, ЛЕХИ усилила борьбу против англичан. Ее члены убили в Каире лорда Мойна – британского министра по делам Ближнего Востока и несколько старших офицеров английской администрации.

В том же году, после гибели руководителя ЛЕХИ Авраама Штерна (он был убит в тюрьме английским офицером), Шамир заново реорганизовал и возглавил эту организацию. По свидетельству очевидцев, в тот период он отличался особой жестокостью. Убивал британских солдат, минировал их трупы и привязывал к апельсиновым деревьям.

В 1946 году Шамира снова арестовали. Но и на этот раз ему удалось бежать. Сначала в Эритрею (Эфиопия), оттуда в соседнюю французскую колонию Джибути, затем – во Францию, где попросил политическое убежище.

* * *

В Палестину Шамир вернулся только в 1948 году, когда было провозглашено еврейское государство. Снова стал одним из руководителей ЛЕХИ. Он был среди тех, кто готовил убийство графа Фолке Бернадотта – посредника ООН по Ближнему Востоку. 17

сентября того же года боевики из ЛЕХИ (по некоторым данным, Шамир был среди них) застрелили его в Иерусалиме.

После этого убийства премьер-министр Израиля Бен-Гурион запретил деятельность ЛЕХИ. Но до сих пор многие израильтяне считают эту экстремистскую организацию “темным пятном на истории страны”.

Оставшись не у дел, Шамир подался в бизнес. Из него, вероятно, получился бы неплохой предприниматель, но в Израиле нашлись люди, которые вспомнили боевое прошлое “Михазэля” и призвали его в 1955 году под знамена разведки “Моссад”. За десять лет работы на этом поприще он дослужился до заместителя главы данного ведомства.

Вспоминая те годы, Шамир до сих пор повторяет:

После того, как ты выстрелил в своего врага, сделай второй выстрел, чтобы убедиться, что он мертв. Пиф-паф!

В 1965 году Шамир ушел из “Моссад” и целых пять лет провел в полной безвестности, занимаясь (весьма неудачно) предпринимательством. Он был директором небольшого заводика по производству резиновых прокладок. Каждое утро будущий премьер садился в автобус (водить машину он не умеет до сих пор) и ехал в Петах-Тикву. Унылой вереницей тянулись дни, заполненные встречами с деловыми людьми. Ведь надо было продавать прокладки. А годы шли...

Но в один прекрасный день он не поехал на свой заводик, а отправился в штаб-квартиру правой националистической партии “Херут”, во главе которой стоял Менахем Бегин – его соратник по подполью.

Добро пожаловать Ицхак! – сказал ему бывший командир “Иргун цвай леуми”. – Чувствуй себя, как дома.

В том же году Шамир был избран членом исполнительного комитета, а через пять лет – его председателем. Членство в “Херут”, входившей в блок правых партий “Ликуд”, дало Шамиру возможность занять в декабре 1973 года депутатское кресло в кнессете, где он был избран в состав комитета по вопросам обороны и иностранных дел, а 17 мая 1977 года стал его спикером.

Кстати сказать, именно Шамир вел то историческое заседание, на котором в ноябре 1977 года выступал президент Египта Анвар Садат.

В марте 1980 года, в связи с уходом в отставку Моше Даяна, тогдашний премьер-министр Бегин назначил Шамира министром иностранных дел. Заняв это пост, он сразу же провозгласил три

“нет”. “Нет” – возврату Израиля к границам 1967 года “Нет” – созданию независимого палестинского государства. “Нет” – возвращению арабам Восточного Иерусалима.

Острые на язык израильские журналисты сразу же прозвали Шамира господин “нет”.

Стремительный взлет будущего премьера в “Херут” объясняли тем, что его разногласия с Бегиним были тактическими и никогда не носили идеологического характера. Кроме того, Бегину импонировали волевые качества Шамира.

Но его звездный час наступил в сентябре 1983 года. Он, как говорится, пошел в гору. Сначала его избрали председателем “Херут” и одновременно лидером блока “Ликуд”. В октябре 1983 года премьер–министр Бегин неожиданно ушел в отставку и Шамир получил высший государственный пост, сохранив за собой и портфель министра иностранных дел.

Его кандидатура устраивала всех, поскольку он, такой прямой, вернее – прямолинейный, был преисполнен решимости отстаивать идеологическую доктрину своего предшественника. Устраивало и то, что Шамир был не крупномасштабный государственный деятель, а крупномасштабный исполнитель, с несокрушимым упорством следующий по пути, предначертанному чужой волей. В этом была его сила. Но одновременно и слабость.

Его первое премьерство продолжалось недолго. 13 ноября 1984 года, проиграв на выборах лидеру Партии труда Шимону Пересу, он уступил ему кресло премьер–министра. Правда, всего на два года, поскольку в созданном правительстве национального единства должна была осуществляться ротация главы правительства между Шамиром и Пересом.

Действительно, через двадцать пять месяцев – в октябре 1986 года – Шамир вновь занял кресло премьер–министра. Теперь уже надолго...

* * *

Он снова продолжил начатый им курс сближения с США, способствовал прогрессу в отношениях Израиля и СССР, которые обменялись консульскими делегациями.

Политика в отношении арабских стран не претерпела каких–либо изменений. Шамир вновь подтвердил, что Израиль не намерен уходить с территорий. Палестинцам предлагалась “форма ограниченной автономии”. Строительство поселений будет продолжаться.

Мы имеем право жить в любых районах нашей страны, – неустанно повторял он.

Многие в Израиле признавали тогда, что премьер–министру явно не хватает реализма. Шамир же был убежден в том, что именно его отличает “реализм в любом виде”.

В конце декабря 1988 года в Израиле состоялись очередные выборы в кнессет 12–го созыва. После продолжительных коалиционных переговоров вновь было сформировано правительство национального единства, которое возглавил Шамир.

Вступив в должность, он сразу же занялся вопросом, арабо–израильских отношений. Его новая мирная инициатива, включая самостоятельные выборы населением оккупированных территорий муниципальных органов в рамках автономии, 14 мая 1989 года была утверждена правительством. Три дня спустя – одобрена кнессетом.

Но это правительство продержалось лишь год и четыре месяца. В декабре 1989 года Шамир вывел из кабинета министров Эзера Вейцмана, обвинив его в контактах с представителями Организации освобождения Палестины. В марте следующего года Шамир “ушел” в отставку лидера Партии труда Шимона Переса, занимавшего пост министра финансов. Все министры от этой партии тотчас вышли из правительства и через два дня, по итогам голосования о вотуме доверия, оно пало.

В течение трех месяцев Шамир возглавлял переходное правительство. В результате беспрецедентных по трудности коалиционных переговоров ему в конце концов удалось добиться успеха: 11 июня 1990 года было приведено к присяге 24–е правительство, которое он и возглавил.

Главными задачами своего кабинета премьер–министр провозгласил абсорбцию массовой алии (репатриации) евреев из СССР и других стран, а также достижение прогресса в деле установления мира на Ближнем Востоке. Обе задачи начали претворяться в жизнь: репатриация возросла, а продвижение к миру получило импульс 30 октября в Мадриде, где был дан старт ближневосточной конференции.

Согласие Шамира участвовать в мирной конференции эксперты расценили как положительный знак. Поскольку совсем недавно израильский премьер решительно отвергал любую идею ближневосточного форума.

Когда мне говорят, что прямые переговоры нуждаются в международном зонтике, – говорил он своим оппонентам, – я отвечаю,

что это чушь. Тот, кто хочет заключить мир с соседом, не будет искать какие-то зонтики.

Но даже приняв приглашение на мадридскую встречу, Шамир, словно оставляя себе пути отхода, постоянно повторял, что переговоры “могут столкнуться со многими препятствиями, возможно, будут кризисы”.

Но мы должны начать, – говорил он. – Без переговоров мы никогда не добьемся мира. Поэтому я намерен сделать все возможное для его достижения.

При этом, правда, добавил:

– Все знают, на каких позициях я стою...

Они, как известно, весьма жесткие и достаточно твердые. Об этом свидетельствовало и решение Шамира самому возглавить израильскую делегацию на мадридской встрече. Это был явный намек арабским странам не строить иллюзий и не ждать от него каких-либо уступок. Я не говорю уже о том, что почти все члены израильской делегации были сторонники премьер-министра, разделявшие его взгляды в недопустимости отказа от территорий в обмен на мир.

Следует напомнить, что с началом процесса мирного урегулирования Шамир попал в трудное положение в своей собственной стране. Он подвергся сильнейшему нажиму справа – со стороны министров от религиозных партий, которые отвергали переговоры с арабами. И слева – со стороны набравшего силу пацифистского движения, выступавшего за компромиссы в обмен на мир.

* * *

Несмотря на почтенный возраст (срок его полномочий истек в июне 1992 года, когда ему было 77 лет), обязанности премьер-министра Шамир исполнял весьма добросовестно. Можно сказать – “горел” на работе.

Просыпался, как правило, в 5–30 утра и сразу же включал радиоприемник, чтобы прослушать последние новости. За завтраком, который обычно состоял из вареных яиц, бутерброда с сыром, сливок, яблока и стакана чая, он просматривал газеты “Гаарец”, “Давер” и “Джерузалем пост”. Впрочем, его самым любимым чтивом были донесения разведки и телеграммы министерства иностранных дел.

В 8–00 Шамир приезжал в свой офис. Рабочий день начинался со встреч с министрами, отвечавшими за экономику, иностранные дела и оборону. В последний год пребывания у власти уделял мно-

го внимания устройству новых репатриантов, без которых не представлял будущего Израиля.

Обедал всегда дома – в двухэтажном особняке в Иерусалиме по улице Бальфура. Обед готовил повар или жена. По мнению Шамира, пища, приготовленная наспех, недостойна цивилизованного человека. Предпочитал мясные блюда и терпеть не мог сэндвичи.

После обеда и короткого отдыха снова уезжал в офис. Домой возвращался к девяти вечера, чтобы посмотреть программу новостей. За ужином употреблял йогурт и фрукты. Перед сном выпивал стакан чая или минеральной воды. Прежде чем заснуть, любил что-нибудь почитать. Спал всегда крепко, видел сны. Правда утром не мог вспомнить, что снилось.

Думаю, что и сегодня, уйдя на покой, и, став рядовым гражданином–пенсионером, Шамир не изменил многим своим привычкам.

* * *

Проследивая жизненный путь бывшего израильского премьер-министра, я пытался найти ответ на вопрос: “В чем причина успеха его не простой карьеры, которая удивляет своими слаломными виражами?”

Пожалуй, очень точно ответил израильский журналист Зеев Бар-Ам в газете “Время”. Шамир, писал он, это человек без нервов, лишенный эмоций, обладающий высокоразвитым даром мимикрии. Он исчезал, растворялся в окружающей среде и возникал внезапно, как обретший плоть призрак, в нужное время и в нужном месте. Он не добивался ответственных должностей, не шел к ним напролом. Соперники не замечали его, не понимали, чем занимается этот человек. А он неожиданно возникал из-за их спин и финишировал первым. Умение скрывать свои истинные намерения и возможности всегда были его самой сильной стороной.

И еще на один вопрос искал я ответ: “В чем причина неуступчивости Шамира, его нежелания идти на компромиссы, его жесткости и, порою, непредсказуемости?” Может быть, это в нем от дерзкого подпольщика–террориста, от ловкого агента “Моссад” или от лидера правой партии? Не исключено, что он не хочет, а точнее – не может идти на уступки еще и потому, что в нем кровотоцит незаживающая рана трагической судьбы еврейского народа. Гонимого, истребляемого, жившего в постоянном страхе. У Шамира, судя по всему, сложился определенный комплекс. Его постоянно преследует навязчивая идея, что арабы не отказались от замыслов сбросить евреев в море.

Израильский премьер–министр, по признанию его сторонников, был ярый приверженец культа силы. Он считал, что только через войну можно добиться свободы. Даже противники Шамира признавали, что он создан из прочнейшего материала. Сломить его нельзя. Как нельзя и посеять в нем сомнения в правильности избранного пути.

Он до сих пор убежден, что борьба, которую ведет Израиль, носит перманентный характер и продлится еще долго. А на войне, по мнению Шамира, все решает воля полководца. С этой точки зрения модель подполья кажется ему идеальной для государства, находящегося в экстремальной ситуации.

Будучи премьер–министром, он,, по свидетельству его подчиненных, мыслил категориями руководителя подпольной организации. Поэтому важнейшие решения принимал сам, а затем на заседаниях узкого политического кабинета требовал их одобрения.

Шамир был лишен амбиций Черчилля и не мечтал прослыть великим государственным деятелем, – написал о нем израильский философ Давид Хартман. – Он видел перед собой одну простую задачу: сохранить целостность Израиля...

На одном из митингов, куда Шамира приглашают в качестве почетного гостя, он в конце своей речи произнес, как заклинание:

Нельзя уступать. Нельзя распродавать страну. Рано или поздно весь еврейский народ вернется сюда. Мы должны помнить об этом...

В этих словах весь Шамир – выдавший виды политик. Расчетливый, противоречивый, жесткий, неудобный. Он играл и играет по собственным правилам. Всю жизнь...

ХАШЕМИ–РАФСАНДЖАНИ – С КОРАНОМ В БОЛЬШУЮ ПОЛИТИКУ

Летом 1997 года Али Акбар Хашеми–Рафсанджани, отслужив два срока президентом Исламской республики Иран, покинул этот пост. Тем самым, он продемонстрировал свою приверженность конституции, в соответствии с которой глава государства может занимать президентское кресло не больше двух раз.

Сегодня Рафсанджани возглавляет так называемый Совет целесообразности – государственный орган, дающий рекомендации нынешнему правительству Ирана по самому широкому кругу вопросов. Но бывший президент по–прежнему остается, как отмечают многие наблюдатели, “самым сильным и популярным иранским руководителем после аятоллы Хомейни, фигурой, заметно влияющей на политику этого государства”.

Несмотря на скромный религиозный ранг (ходжатольтэслам) Рафсанджани долгое время (прежде чем стать президентом) был в глазах многих иранцев некоронованным королем. Второй человек в государстве после Хомейни, он обладал в Иране реальной политической властью с середины 80–х годов. Этот человек вызывал (и продолжает вызывать) противоречивые чувства.

Мальчик из Нуги

Али Акбар Хашеми Бахремани Рафсанджани родился в 1934 году в Нуге (округ Рафсанджан), в “глухой деревне”, по его собственному выражению, в провинции Керман, расположенной на юго–востоке Ирана, где растут фисташковые деревья.

Его отец – Мирза Али – состоятельный мулла, был крупнейшим в стране владельцем фисташковых плантаций. От этого человека Али Акбар унаследовал два призвания – религиозное и коммерческое, которые он в дальнейшем использовал с одинаковым успехом.

Всего в семье было девять детей. Один брат погиб в автомобильной катастрофе. Другие же после революции 1979 года заняли видное положение. Рассказывают (скорее всего это шутка), когда мать Али Акбара на пути в Мекку впервые увидела цветной телеви-

зор, она была так восхищена, что молила Аллаха сделать ее младшего сына Мохаммеда начальником цветного телевизора. Собразив, что не подумала о старшем, Али Акбаре, она тут же добавила, что, надеется, он станет шахом. Она почти не ошиблась: младший стал главой службы информации иранского телевидения и радио, а старший – президентом. Почти шахом...

В шесть лет Али Акбар поступил в школу. В 1948 году покинул родительский дом и отправился в священный для мусульман–шиитов город Кум, где расположено знаменитое медресе Файзие, издревле готовившее кадры священнослужителей самого радикального толка.

Зачем наследнику весомого состояния понадобился сан богослова? Уже в зрелом возрасте он признался, что выбрал религиозную карьеру с целью использовать ислам для “большой политической игры”.

В Куме можно было свободно выбирать религиозного наставника по своему вкусу. Рафсанджани остановился на Рухолле Мусави Хомейни, хотя в то время будущий аятолла и имам особого авторитета еще не имел. Его занятия он посещал с огромным усердием. С тех пор религиозная, а затем и политическая карьера Рафсанджани была неразрывно связана с Хомейни. Там же он познакомился со многими людьми, игравшими ведущую роль в революционном движении, включая аятоллу Хусейна Али Монтазери, который позднее был официально назначен наследником Хомейни.

В начале 50–х Рафсанджани впервые вступает в противоборство с шахским режимом. В те годы он стал рьяным сторонником правительства доктора Мосаддыка, проводившего политику укрепления национальной независимости страны. Когда законное иранское правительство было свергнуто, все, кто поддерживал Мосаддыка, оказались в “черных списках” шахских властей.

Десять лет спустя режим шаха Мохаммеда Реза Пехлеви в обстановке ухудшающегося экономического положения в стране и нарастания политического кризиса пошел на проведение социально–экономических реформ, названных “белой революцией”. Некоторые из них подрывали всевластие мусульманских богословов. Духовный пастырь Али Акбара аятолла Хомейни поднял в Куме бунт, который был подавлен. Его организаторов выслали из страны, а учеников аятоллы, включая Рафсанджани, бросили в тюрьму. Начиная с этого времени, его арестовывали еще четыре раза, подвергали пыткам, унижениям и издевательствам. Он перенес все и остался верен своему учителю. В мрачные дни подполья он про-

явил несравненные организаторские способности. Хороший сборщик денежных взносов, прекрасный оратор, Рафсанджани поддерживал контакт с народом и одновременно пользовался симпатией “представителей базара”.

В промежутках между арестами он основал свое издательство, которое выпускало книги по исламу и истории Ирана. Впрочем, он и сам написал несколько книг, в том числе по палестинской проблеме – запрещенной теме при шахском режиме, поддерживавшем тесные связи с Израилем. Любитель стихов великого Саади, поклонник жившего в прошлом веке либерального реформатора–модерниста Амира Кабира, Рафсанджани в 1967 году посвятил последнему хвалебную биографию. В ней он восхищался человеком, который поддерживал западные методы модернизации государства, включая индустриализацию.

Эта идея, однажды появившись, уже не оставляла его. Позднее, во время выборов, в своем манифесте он подчеркнул важность образования, воспитания, науки и техники для развития страны.

Только наука и техника на уровне космической может решить наши проблемы! – говорил он. – Народу не следует думать, что все это роскошь далекого будущего. Нет, нам нужно со всей определенностью видеть, что это приносит пользу уже сегодня.

За несколько лет до революции он посетил Европу и США. В пути сделал остановку, чтобы встретиться с палестинским лидером Ясиром Арафатом. Когда об этом стало известно иранским властям, его опять отправили в тюрьму. Там он пробыл до амнистии, пожалованной правительством Бахтияра как раз перед революцией.

Среди определенной части иранских политологов существует мнение, что Рафсанджани не блещет богословской ученостью и слабо знает арабский язык. По их мнению, это объясняется прежде всего тем, что в Куме он не столько учился богословию, сколько занимался бизнесом, ибо в нем еще с отрочества начала пульсировать коммерческая жилка. Равно как и политическая...

Во всяком случае он сумел проявить себя как опытный и ловкий политик. “Он гибкий, как бамбук, и изворотливый, как кошка”, – говорили о нем в Тегеране. То он блокировался с левыми исламскими группировками, то неожиданно переходил к правым. Впрочем, почему неожиданно? Рафсанджани тонко улавливал тенденции политической жизни Ирана конца 70–х годов. Он прекрасно понимал, что в силу специфических иранских условий руководство

политической борьбой народных масс против деспотического шахского режима непременно окажется в руках мусульманского духовенства во главе с аятоллой Хомейни. И не ошибся...

Правая рука Хомейни

Вооруженное восстание в Тегеране в феврале 1979 года свергло шахский режим. На гребне революционного движения в Иран из ссылки вернулся Хомейни и обосновался в Куме. Аятолла много и часто выступал. А за его спиной всегда можно было увидеть безбородого муллу в белом тюрбане, сдвинутом, когда на ухо, когда на затылок. Это был Хашеми–Рафсанджани. Некоторое время спустя заговорили о его жестокости в расправе с противниками, особенно с левыми и коммунистами.

Пока же он оставался в тени. Впрочем, недолго...

Сразу же после 1 апреля 1979 года, когда, в соответствии с результатами референдума, Иран был официально провозглашен Исламской Республикой, Рафсанджани получил несколько ответственных постов. В частности, министра внутренних дел. Этот пост давал ему возможность изучать любые досье секретной службы САВАК и соответственно использовать это в политической игре.

Следует подчеркнуть, что его особенностью является чрезвычайная жизнеспособность, как физическая, так и политическая. Он – везунчик... Так, в 1979 году он едва не погиб в результате террористического акта, подготовленного группировкой “Форган”. Потом было еще много взрывов, но Рафсанджани всегда при этом отсутствовал. Например, в июне 1981 года он покинул штаб–квартиру Исламской республиканской партии за несколько минут до того, как взрыв бомбы уничтожил более 70 руководящих партийных работников. Тогда же был серьезно ранен иранский президент Али Хосейни–Хаменеи. Последняя попытка покушения на жизнь Рафсанджани была предпринята 2 марта 1994 года у мавзолея имама Хомейни. Рассказывают, что он сам обезвредил нападавшего, применив прием каратэ. Этот эпизод еще больше укрепил его популярность.

После ранения Хаменеи Рафсанджани занял его место руководителя пятничных “намазов” в Тегеране, завладев таким образом общенациональной трибуной. Дело в том, что человек, получивший эту должность, приобретал огромное политическое влияние, поскольку его проповеди на многотысячных (а порой миллионных) “намазах”, проводимых обычно в Тегеранском университете, обязательно публиковались всеми иранскими газетами, транслиро-

вались по радио и телевидению. Именно благодаря этой высокой трибуне Рафсанджани приобрел авторитет, сделавший его самым популярным политическим деятелем в стране после аятоллы Хомейни.

За его проповедями (нередко импровизированными, которые он произносил на обиходном, даже грубом, персидском языке), не лишенными порой юмора, с огромным вниманием следили не только верующие, но также и зарубежные дипломаты, работавшие в Иране. Ведь еженедельные пятничные речи шейха Хашеми–Рафсанджани всегда содержали важную политическую информацию.

Мне довелось видеть его на трибуне. Маленького роста, болезненный, серый цвет лица. Одет небрежно. Но, когда он заговорил, я понял, что это блестящий оратор, умеющий увлечь толпу и держать ее в постоянном напряжении.

В 1980 году Рафсанджани занял кресло председателя меджлиса. Это был пост, которому никто не придавал особого значения, и никто из видных политических деятелей Ирана не стремился его занять. А зря! Новый председатель парламента доказал, что власть в стране определяют не должности, а личности. Он превратил меджлис в центр власти, хотя и второй по значению после небольшой группы мулл из ближайшего окружения Хомейни. Дело в том, что при формировании кабинета министров и назначении главы правительства решающее слово оставалось за парламентом, а точнее – за его председателем.

На выборах в меджлис 3-го созыва, проходивших в мае 1988 года, Рафсанджани ввел в парламент значительное число преданных ему людей, чем еще больше укрепил свои позиции в стране. Его родные братья – Махмуд, бывший посол, стал директором департамента Ближнего Востока министерства иностранных дел, а Мохаммед, получивший депутатский мандат, стал директором Управления телевидения и радиовещания. Двоюродный брат – Хусейн Хашеми после избрания в парламент возглавил Ассоциацию производителей и экспортеров сухофруктов. Еще один родственник, являясь депутатом, занимал солидный пост в министерстве внутренних дел.

Должность председателя меджлиса Рафсанджани умело сочетал с обязанностями члена Наблюдательного совета, который осуществлял связь между аятоллой Хомейни и парламентом, а также за тем, чтобы принимаемые законы соответствовали положениям ислама и новой конституции страны. Когда началась война с Ираном Рафсанджани – ярый сторонник военных действий – был

назначен личным представителем Хомейни в Высшем совете обороны, а позднее занял пост главнокомандующего вооруженными силами.

Умеренный прагматик

Еще задолго до смерти Хомейни многие иранцы считали, что именно Рафсанджани является главным претендентом на власть после имама. Официальный преемник аятолла Монтазери не обладал той реальной властью, которую сосредоточил в своих руках председатель меджлиса. Иранцы были убеждены, что Монтазери достанется роль религиозного лидера, а Рафсанджани – политического главы государства.

В феврале 1988 года он стал инициатором создания “Совета по анализу практической целесообразности”. В него вошли президент Ирана Али Хосейни-Хаменеи, председатель Верховного суда Ардебели, сын Хомейни – Ахмад, а также ряд теологов и правительственных чиновников, занимавших умеренные позиции и являвшихся в основном сторонниками Рафсанджани. Новая организация взяла на себя роль высшего “советника” по делам национальной безопасности.

В то время Рафсанджани активно стремился заручиться поддержкой корпуса “Стражей исламской революции” (“пасдаранов”), который насчитывал 350 тысяч бойцов. Он сам участвовал в создании этого корпуса в противовес регулярной армии. И надо признать, что “стражи” были готовы в любой момент выполнить его приказ. Однако после того, как Хомейни (по настоятельному совету Рафсанджани) принял решение одобрить резолюцию ООН № 598 о мирном урегулировании вооруженного конфликта между Ираном и Ираком, “пасдараны”, видимо, разочаровались в своем кумире. Для них это явилось своего рода отречением лидеров режима, прежде всего Рафсанджани, от идеалов исламской революции.

А произошло это так...

15 июля 1988 года в 12 часов 30 минут Рафсанджани выехал за ограду Тегеранского университета. Его черный “мерседес” направился к северной окраине столицы, к единственно стоявшему и тщательно охранявшемуся особняку Хомейни. В машине он еще раз перечитал досье, содержавшее с десяток машинописных страниц. Это был доклад высшего командования вооруженных сил о положении на ирано-иракском фронте.

После восьми лет боевых действий все вернулось к исходной точке. Ирак отвоевал те 1200 километров территории, которые ок-

купировали иранцы. Ненавистный “багдадский сатана” президент Саддам Хусейн не только не был свергнут народом, чего всегда желал Хомейни, но стал еще сильнее, чем прежде. Он укрепил свою армию иностранными советниками, изменил тактику, располагал эффективными воздушно-десантными войсками, способными молниеносно атаковать иранские войска. К тому же состояние армии Ирана было плачевным: плохо обученные солдаты, не очень-то рвавшиеся в бой, устаревшее оружие и т. д. “В таких условиях мы не в состоянии противостоять иракским войскам”, – думал Рафсанджани, листая досье.

На пороге особняка его встретил сын аятоллы Ахмад.

Я приехал предложить кончить войну, – сказал Рафсанджани, входя в прихожую.

85-летний Хомейни в длинном сером одеянии и чалме только что закончил свою традиционную 20-минутную прогулку по комнате. Он чувствовал себя неважно – раковая опухоль предстательной железы, искусственный стимулятор сердца.

Рафсанджани усадили на небольшой диван. Он говорил два часа подряд. Хомейни, который в прошлом выступал против заключения мира, угрожая “пораженцам смертью и бесчестьем”, молча слушал. Затем сказал:

Вы требуете, чтобы я принял яд. Дайте мне еще немного времени. Я вызову вас, когда буду готов принять решение.

Утром 17 июля Рафсанджани позвонил Ахмаду Хомейни.

Приезжайте, пора...

18 июля во второй половине дня Рафсанджани объявил иранцам, что война между Ираком и Ираном, в ходе которой погибли миллион человек, окончилась.

...Смерть духовного и политического лидера Исламской Республики Иран имама Рухоллы Мусави Хомейни, наступившая 4-го июня 1989 года, вызвала у иранцев ощущение, что в истории их страны закончилась одна и начинается другая эпоха. Они не ошиблись...

28 июля 1989 года Хашеми-Рафсанджани был избран президентом. Набрав 95 процентов голосов избирателей, он тем самым доказал, что является наиболее влиятельным политическим деятелем в Иране. Он всегда считался умеренным прагматиком, поскольку ратовал за улучшение отношений с Западом. Став главой государства, он начал активно претворять эту линию в жизнь.

Он выступал за активное участие Ирана во всех событиях на международной арене. И даже на Олимпийских играх!

Он говорил своему народу:

Иранцам не следует выглядеть невежественными террористами, стремящимися к авантюрам. Мы должны экспортировать нашу исламскую революцию мирным путем, распространяя по всему миру священные идеи Корана. Ислам победит повсюду. Даже в СССР и Китае.

Он призывал к установлению хороших отношений с бывшими врагами. Включая “главного сатану” – Соединенные Штаты Америки.

Здесь требуется небольшое отступление. Отношения с США были никудашные. Но с приходом Рафсанджани к власти тяга с обеих сторон к улучшению отношений стала усиливаться. Он прекрасно понимал, что без Америки диалога с Западом не получится. Но, как опытный политик, он понимал и другое: в Иране еще сильны антиамериканские настроения, поэтому с ними необходимо считаться, пусть до поры до времени.

Хотя его и критиковали за проамериканский курс, он, тем не менее, настойчиво проводил мысль о необходимости восстановления ирано–американских отношений. Рафсанджани не скрывал своей заинтересованности в сближении с США и всячески давал понять американцам, что он именно тот человек в Иране, с которым можно иметь дело.

Но особая его симпатия – японцы. Находясь в Иране, я заметил, что они там весьма активны. Японские бизнесмены, судя по всему, сделали ставку на президента Рафсанджани.

Что касается отношения к СССР, а после его развала к России, то можно отметить следующее. Были периоды, когда в разгар антисоветских кампаний в Иране, Рафсанджани не делал никаких заявлений. И наоборот...

Во время своего президентства он никогда не сомневался в том, что его позиции не просто прочны, но даже неуязвимы. Пожалуй, поэтому он рискнул посягнуть на основной принцип Исламской республики “веляяти факих” (правление законоведа–теолога), согласно которому только Хомейни мог издавать указы в качестве наместника Бога на земле.

Поскольку он реалист и почитатель Амира Кабира, он искренне хотел добиться развития в экономике. Он мечтал воплотить в жизнь некоторые из несбывшихся надежд революции, включая повышение жизненного уровня бедных слоев населения и превращение Ирана в развитую страну. Увы, многие начатые им реформы не дали положительных результатов. Крахом закончились его попытки

привлечь в страну иностранный капитал. По мнению лидеров оппозиции, при Рафсанджани экономические реформы и не могли дать иных результатов. Ведь он “задушил любые формы инициативы и свободомыслия”. Люди жили в условиях постоянного страха перед репрессиями. В тюрьмах, как и при шахе, пытали и убивали политических противников без суда и следствия.

Впрочем, были и позитивные сдвиги. Так, Рафсанджани разрешил женщинам вместо черных шарфов покрывать головы яркими разноцветными платками, носить некогда запрещенные ажурные чулки и туфли с высокими каблуками. Есть и другие признаки “оттепели”. Если Хомейни в свое время запретил большую часть произведений светской музыки, то при президенте Рафсанджани разрешалось слушать и приобретать записи музыки и песен из кинофильмов.

Иран, который при Хомейни был в положении отверженного, в годы правления Рафсанджани даже начал кампанию по развитию туризма. Правительство отпечатало красочные буклеты, приглашая иностранных туристов осмотреть наиболее красивые исламские святыни. Кроме того, Рафсанджани отдал распоряжение привести в порядок и модернизировать тегеранский международный аэропорт Мехрабад. Однако, Иран так и не превратился в “туристическую Мекку”.

Инстинктивно понимая необходимость адаптации страны к новым условиям, Рафсанджани вряд ли стремился в корне изменить ту систему, созданию которой посвятил свою жизнь. Прежде всего потому, что был лишен возможности поставить под вопрос наследие революции и ее законность. Тем более, что его не вынуждала к этому ни внешняя, ни внутренняя оппозиция режиму. А логика либерализации “по западному образцу” могла лишь окончательно подорвать власть, осуществляемую этой новой политикоклерикальной элитой. И тем не менее, он пользовался широкой поддержкой среди бедняков, равно как и среди представителей среднего класса и богатых иранцев. Они верили, что именно с Рафсанджани связаны лучшие надежды на будущее для Ирана.

Мастер маневра

Природный ум и обостренное чутье помогали Рафсанджани маневрировать на политическом “минном поле” послереволюционного Ирана. Противники (а их у него много) считали его оппортунистом, утверждали, что за его неоспоримой тактической ловкостью скрывалось отсутствие долговременной стратегии. Сторонники

предпочитали говорить о его прагматизме, о том, что его гибкость полностью служит патриотическому и религиозному устремлениям.

С одной стороны, занимаемое им высокое положение означало, что его имя связано со всеми правительственными перипетиями. С другой – это проницательный, умный и компетентный человек, который, как признавали даже его недруги, сумел восстановить (правда, отчасти) политические потери, понесенные Ираном за время, прошедшее после революции 1979 года.

Кстати сказать, программное интервью, которое он дал иранской газете “Джомхурийе эслами” перед первым избранием на пост президента, – это своего рода шедевр двусмысленности. В одном и том же абзаце, а иногда в одной и той же фразе, он высказывался за поворот в сторону национальных вкладчиков капитала и за рабочее самоуправление. За отказ государства от участия в экономике и против того, чтобы ею завладели держатели капитала.

Человек не поддающийся квалификации? Возможно... Тем не менее, Хомейни испытывал почти отеческую привязанность к своему ученику, который, как рассказывают, умел заставить имама смеяться.

Одним из ключей к успехам Рафсанджани являлась его способность завоевывать расположение различных группировок. Он пользовался ревностной поддержкой среди стражей революции и одновременно был привлекателен для частного сектора. Трезвый взгляд на вещи облегчал ему решение многих проблем, с которыми сталкивалось правительство.

Рафсанджани верил (и продолжает до сих пор) в коллективный труд и творческое единение, что нетипично для иранского образа мышления. Он старался больше убеждать, чем принуждать, когда приходилось склонять членов правительства к согласию с ним. Сомнительно, чтобы меджлис стал столь оживленно дискутирующей палатой, если бы он не был его председателем.

В общении Рафсанджани демократичен. При встрече обязательно улыбнется, поздоровается с каждым за руку, поинтересуется здоровьем. Любит общаться с западными журналистами. Не уходит от обсуждения острых проблем, умеет вызвать выгодные для себя вопросы. Моментально реагирует на события, обладает способностью не только предугадать, но иногда и упредить их. Все иранские сенсации исходили, как правило, от него.

Рафсанджани – один из самых богатых людей Ирана. У его состояния два источника – фисташковые плантации и недвижимость. Впрочем, до 1979 года он, не скупясь, жертвовал часть сво-

их доходов на финансирование исламской революции. По некоторым сведениям, он был спонсором самого Хомейни. Свое богатство он, естественно, никогда не афишировал, но оно – предмет постоянных пересудов.

По исламским законам, мусульманин может иметь четыре жены. У Рафсанджани – одна, которая родила ему трех дочерей и двух сыновей. У него репутация хорошего семьянина.

Одним словом, Али Акбар Хашеми–Рафсанджани может служить эталоном иранца, сформировавшемся за многие века ислама. Националист, ученый человек и политик приспособленный к любой погоде. Совершенное воплощение древней тактики, которая состоит в том, чтобы, нейтрализовав одного противника, разбить другого.

АЯТОЛЛА МОНТАЗЕРИ – НЕСОСТОЯВШИЙСЯ “ПРЕСТОЛОНАСЛЕДНИК”

Аятолла Хосейн Али Монтазери уже который год живет в изоляции. И, как говорят в Тегеране, даже “под домашним арестом”. А когда-то он был официальным преемником имама Рухоллы Хомейни...

Находясь весной 1988 года в Тегеране, я к немалому удивлению узнал, что героем большинства анекдотов является... “престононаследник” Монтазери.

Вот два запомнившихся, которые рассказал мне иранский коллега-журналист.

...Монтазери впервые летел на вертолете. В пассажирском салоне было невыносимо душно. Когда вертолет приземлился, он во всеуслышанье осудил конструктора, заявив, что внешний “вентилятор” следовало бы приделать... внутри.

...Прибыв в засушливый неплодородный район, Монтазери узнал от крестьян, что им трудно выращивать огурцы. На это аятолла ответил: “Если почва недостаточно плодородна, почему бы вам не разводить маринованные?”

– В обоих случаях он не шутил, – закончил мой собеседник.

Прилежный ученик

Но какие бы анекдоты о нем не рассказывали, Монтазери далеко не добродушный простак и веселый шут. Он был главной движущей силой и автором планов многочисленных террористических акций, отвечал за экспорт “исламской революции” в другие страны Ближнего Востока.

Здесь необходимо короткое отступление. У Монтазери был сын Мохаммед – шиитский экстремист и террорист. Он много времени проводил в Ливане, где создавал экстремистские группировки, которые позднее объединились в организацию “Хезболлах” (“Партия Аллаха”). Во время взрыва в Тегеране в штаб-квартире Исламской республиканской партии он погиб. “Хезболлах” считает Монтазери своим духовным отцом. Поэтому все дела с западными заложниками до недавнего времени решались с его участием.

Монтазери был одним из первых и самых прилежных учеников Хомейни. Правда, в отличие от учителя, он не “сейид”. То есть, не потомок пророка Мухаммеда. Но всегда и во всем подражал своему наставнику. А по глубине религиозного фанатизма даже превзошел его. Так, в 1981 году, Монтазери выступил инициатором принятия декрета, который предписывал тюремному начальству “принуждать девственниц, осужденных к высшей мере наказания, соглашаться на фиктивные браки с надзирателями, чтобы они после казни не вознеслись в рай”.

В отличие от большинства аятолл, Монтазери не из духовной семьи, а из крестьянской. Он родился в 1922 году в Неджефабаде неподалеку от города Исфаган, который примечателен тем, что там всегда была в почете религия. В этих населенных пунктах Монтазери по сей день является объектом подражания, поскольку это большая редкость, что крестьянский сын выбился в аятоллы. Ведь для простых мусульман–шиитов – это люди–полубоги.

Он подвергался гонениям, много лет провел в шахских тюрьмах, откуда был выпущен только в конце 1978 года.

После победы революции он оказался одним из старших (с точки зрения религиозных чинов) в шиитской иерархии. Но Хомейни видел в нем не соперника, а единомышленника. И что важнее всего – послушного исполнителя.

В 1979 году Хомейни назначил Монтазери председателем собрания экспертов, которое разработало ныне действующую в Иране конституцию. Одновременно он стал пятничным имамом. В те годы он был единственным аятоллой, еженедельно выступавшим с проповедью в Тегеранском университете. Кроме того, Хомейни облек Монтазери большим доверием, предоставив ему широкие полномочия в вопросах, связанных с делами регулярной армии, корпуса “стражей исламской революции”, органов безопасности, а также исламских трибуналов. Дело даже дошло до того, что Хомейни довел до всеобщего сведения свое обыкновение советоваться с Монтазери как с высшим авторитетом в области религии. Не удивительно, что этим шагом он вызвал замешательство среди коллег в духовной иерархии, придерживавшихся противоположного мнения и относившихся к Монтазери в лучшем случае снисходительно.

Все это привело к тому, что Монтазери стал считаться в Иране, как, впрочем, и за рубежом, “наследным принцем” Хомейни.

Кстати сказать, вопрос о преемнике Хомейни был теоретически решен в середине 1985 года. Тогда комиссия экспертов, кото-

рой была поручена эта задача, рекомендовала на завидный пост “престолонаследника” Монтазери. Против этого решения немедленно выступили определенные круги духовенства.

Пришлось вмешаться самому Хомейни, который публично призвал противников Монтазери прекратить свои нападки.

Кое–кто помышляет лишь о том, чтобы погубить соперника, не заботясь о судьбе ислама, – заявил он, пригрозив принять меры против строптивых, включая даже членов своего окружения или своей семьи.

Это был донельзя прозрачный намек на действия его сына Ахмеда, который играл особенно активную роль в напаках на Монтазери.

В ноябре 1985 года правитель Ирана собрал на тайное совещание своих приверженцев и объявил им свою волю: Хосейн Али Монтазери будет его преемником. Хомейни сообщил, что изменил свое завещание, которое было составлено пять лет назад, а вместо него написал следующее: “Несмотря на то, что я покидаю сей бренный мир, сердце мое и душа остаются здесь, в великом аятолле Хосейне Али Монтазери. Он – часть моего тела, и будет заботиться о существовании мира мусульман. Сейчас все зависит от него”. Хомейни возложил на аятоллу обязанность выполнить его волю в борьбе с силами, противными мусульманскому духу.

Завещание Хомейни содержало шесть пунктов.

Война против Ирака должна продолжаться до победы.

Королевская семья Саудовской Аравии должна быть свергнута.

Необходимо снести с лица земли “сионистское гнездо”.

Любой ценой уничтожить “великого Сатану”, воплощением которого являются США, и всю западную культуру.

Исламская революция должна продолжаться и распространяться на весь мир, пока силы Сатаны не погибнут.

Религиозные силы должны быть носителями знамени борьбы Ирана, чтобы добиться владычества ислама над всем миром.

В конце совещания, которое проходило в северном квартале Тегерана – Джамаран, где располагалась одна из резиденций Хомейни, “престолонаследнику” был присвоен титул “аятоллы аль–узма” (“великий аятолла”).

Позднее стало известно, что Хомейни долгое время отказывался назначить себе преемника, пока Монтазери сам не уговорил его сделать это, чтобы избежать борьбы и гражданской войны в стране.

Кандидатуру Монтазери утвердил так называемый Совет экспертов – выборный орган, определяющий, согласно конституции, верховного руководителя государства. В ответном письме новоиспеченный преемник заявил, что “желает имаму долгих лет жизни и предпочитает не занимать его место”. Более того, он призвал сторонников воздержаться от проведения демонстраций в поддержку своего избрания.

С решением Совета экспертов не согласились некоторые шиитские авторитеты, которые называли его “силовой акцией, противоречащей конституции”. Действительно, назначение Монтазери официальным преемником явилось двойным нарушением этого документа. Во–первых, потому, что не было соблюдено правило общего согласия. Во–вторых, потому, что об этом назначении объявили при жизни “факиха” – высшего духовного и политического руководителя Исламской Республики.

Лишь всемогущий председатель меджлиса (иранский парламент) ходжатольтэслам Али Акбар Хашеми–Рафсанджани, претендовавший на место Хомейни, публично упомянул об этом, но тут же указал, что решение Совета экспертов не следовало обнародовать, “во всяком случае, в настоящее время”.

Назначение Монтазери преемником вызвало больше шума за рубежом, чем в самом Иране. Печать, радио и духовенство Тегерана, обычно весьма широко откликаясь на события куда менее значимые, проявили удивительную сдержанность. Официальное молчание объяснялось прежде всего нежеланием самого Хомейни обсуждать публично вопрос о престолонаследии при его жизни. Сдержанность иранской печати и политических кругов, которые даже не направили никакого поздравительного послания, объяснялась стремлением не усугублять борьбу за власть, уже давно длившуюся между различными группировками священнослужителей.

Метаморфозы клерикала

Как бы то ни было, но аятолла Монтазери, человек полтора метрового роста, средних способностей, лишенный ораторского блеска, но одаренный значительной дозой крестьянской мудрости, стал персоной номер два в Иране. Его портреты (правда, меньших размеров) появились рядом с портретами Хомейни. Но он, тем не менее, постоянно подчеркивал свой демократизм.

В то время он ведал вопросами культуры и образования. Однако, на данном поприще, куда его бросил Хомейни, не преуспел.

По словам моих иранских собеседников, он стал проявляться как способный и успешно действующий тактик. Заметно изменились его выступления, став речами ответственного руководителя, заботящегося о повышении престижа режима. Правда, в своих речах Монтазери стал все чаще обращаться ко всем мусульманам мира, явно претендуя на то, чтобы быть исламской величиной в мировом масштабе.

Его дом в Куме незаметно превратился в своего рода “стену жалоб”. Пятничные имамы, которые в силу своего положения хорошо знали о трудностях народа, приезжали к нему из других городов, чтобы посоветоваться по проблемам, которые они не осмеливались затронуть в присутствии Хомейни. Ведь имам всегда оставался в стороне от вопросов повседневной жизни.

Первое время, демонстрируя свою преданность Хомейни, он взывал к продолжению войны с Ираком, решительно выступал против одностороннего прекращения огня. Подражая имаму, он не переставал обличать сионизм, предупреждал об опасностях, грозящих исламу со стороны иудаизма и христианства. Нередко, а точнее – постоянно, требовал запретить водить дружбу с последователями этих религий.

Монтазери – за исламское государство. Причем, он не против его “смягченной” версии. Многие мои собеседники отмечали, что он часто говорил одно, а делал другое.

Тем не менее, Монтазери одним из первых понял, что Исламская республика нуждается в улучшении репутации, в расширении зарубежных союзов, в завоевании более широкой поддержки народа внутри страны.

В его более поздних речах открыто зазвучали несогласие с Хомейни. Он высказался против увлечения карательными мерами, ратовал за “милосердный ислам”, постоянно напоминая, что все суры Корана начинаются словами “Во имя Аллаха милостивого и милосердного...”

Монтазери решительно осуждал аресты ни в чем неповинных людей, которые осуществляли исламские фанатики только за то, что те не соблюдали в личной жизни самых строгих шиитских законов. Он призывал иранских руководителей “действовать более гибко” в отношении народа.

Не нужно повсюду видеть заговорщиков и контрреволюционеров, – часто повторял Монтазери.

Защитники гражданских свобод были обрадованы тем, что он выступил за их дело, высказавшись за искоренение несправедли-

ности в системе тюрем и за сдержанность в революционном рвении.

Так, в январе 1989 года, в открытом письме Хомейни и министру юстиции он осудил как “грехи” и “кровопролитие” политические казни в Иране. По некоторым данным, было казнено около двух тысяч человек. “По каким таким веским причинам наша судебная система санкционировала эти казни, которые не могут привести ни к чему, кроме подрыва престижа нашей революции? – спрашивал Монтазери. – Режим называет себе врагов, расправляясь с людьми, проступки которых незначительны и семьи которых, во многих случаях ранее являвшиеся непоколебимыми сторонниками правительства, это может оттолкнуть”.

В столь же откровенном письме с критикой политики централизованного контроля над экономикой, проводимой премьер-министром Мусави, он с возмущением указывал: “После войны ожидалось большие перемены в экономике и формировании политики по отношению к общественности”. Вместо этого, подчеркивал он, страна сталкивается с дефицитом, инфляцией, снижением доходов, несправедливостью, узколобостью и неуступчивостью со стороны ответственных руководителей. Все это, по его убеждению, парализует экономику страны.

Он призывал к возвращению технических специалистов, находившихся в эмиграции, чтобы внести некоторый порядок в промышленность и экономику страны.

Разумеется, при условии, что они не будут активно выступать против Исламской республики, – неизменно добавлял Монтазери.

Ни один другой клерикал, включая имама Хомейни, не осуждал так открыто деятельность правительства.

Самым последним проступком Монтазери был его отказ одобрить смертный приговор, вынесенный Хомейни Салману Рушди. Безусловно, его оппозиция имела моральную и практическую основу, поскольку совершенно ясно, что этот вердикт мог пустить под откос всю послевоенную стратегию Ирана. Тщательно подготовленная политическая разрядка в отношениях с Западом была сорвана в мгновение ока. Что касается призыва к квалифицированным кадрам эмигрантов, то приговор Рушди стал для них своеобразным предостережением. И если кто-то подумывал о возвращении на родину, то наверняка задумался: “Стоит ли торопиться?”

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в конце концов великий аятолла Монтазери стал неудобной фигурой для большинства тех, кто обладал в Иране хоть какой-то властью. Сам преем-

ник, занимая высокое положение, не имел не только власти, но даже мало-мальски прочных позиций. Эти люди, среди которых не было согласия по текущим проблемам Ирана, сообща старались подрезать крылья “престолонаследнику”, чтобы крепче держать его в руках, когда тот вступит на высокий пост. Большинство великих аятолл – а в шиитской верхушке их всего шесть – считали и считают Монтазери выскочкой, который узурпировал титул “аятоллы аль-узма”. Они стали его решительными противниками. Больше того, многие из них даже не называют Монтазери аятоллой.

В результате будущий “вождь революции” оказался в одиночестве... А в марте 1989 года (за четыре месяца до смерти Хомейни) он был смещен с поста официального преемника и подвергнут публичной критике за “потворство либералам”.

Почему же имам Хомейни принял отставку назначенного им преемника? Многие иранцы были уверены, что Монтазери не хватило доверия со стороны основателя республики, чья воля по-прежнему оставалась верховной. Не исключено, что иранский “аксакал” испугался той борьбы, которую его преемник начал против застойного режима и экстремизма некоторых руководителей. Впрочем, сам Хомейни, давая согласие на отставку, заявил, что “Монтазери не был подходящей кандидатурой на пост лидера исламской революции”.

По мнению большинства наблюдателей, Монтазери не обладал достаточным влиянием и властью, чтобы обеспечить сотрудничество между разнородными политическими группировками после смерти Хомейни. Но, пожалуй, главная причина отставки Монтазери заключается в том, что он так и не сумел утвердить свой авторитет и навязать свои взгляды тем, кому принадлежала реальная власть в Иране.

Как тут не вспомнить слова моего иранского коллеги, рассказавшего мне несколько анекдотов.

Если Монтазери не уберут до того, как умрет Хомейни, – говорил он, – то можно с уверенностью сказать, что “престолонаследник” не продержится и суток. Он слишком доверчив, чтобы одержать верх над хитрыми, как Макиавелли, муллами и отборными головорезами, которые готовят собственный приход к власти.

Мой коллега оказался прав. Монтазери убрали еще до ухода Хомейни в мир иной...

БУТРОС ГАЛИ – В РОЛИ ГЕНСЕКА ВСЕЛЕННОЙ

Организация Объединенных Наций – это учреждение, сотканное из противоречий. Таков, на мой взгляд, и бывший (шестой) генеральный секретарь Бутрос Гали, сложивший в конце 1996 года свои полномочия.

Кто же он, доктор Гали – христианин, занимавший высокий дипломатический пост в мусульманском государстве, человек, поставивший блестящее западное образование на службу “третьему миру”? Как сумел подняться на Олимп международной дипломатии? Что помешало ему остаться на второй срок в кресле генерального секретаря?

Бутрос (арабский вариант имени Петр) Бутрос Гали родился 14 ноября 1922 года в Каире в весьма состоятельной семье христиан–коптов, которых в Египте насчитывается около 15 миллионов человек. Достаточно сказать, что он появился на свет во дворце из 200 комнат, находившемся на улице... Гали. А в церкви, построенной его предками, есть фреска, на которой изображена бабушка Бутроса в окружении ангелов.

Эти факты ярко свидетельствуют о том, что семейство Гали было весьма состоятельным и пользовалось влиянием среди египетских христиан–коптов. Кстати, сам доктор Гали считает, что, как христианин, проживающий в мусульманском мире, он никогда не испытывал какой–либо дискриминации.

Члены этой семьи, проявившие особую активность в борьбе против британского владычества в Египте, давно принадлежат к политической элите страны. Самый знаменитый среди родственников Бутроса Гали – дед Бутрос–Паша, который в начале века был премьер–министром. Отец – многолетний депутат парламента. Дядя – министр.

Видимо, не случайно в 1950 году Бутрос Гали пытался получить один из министерских постов. Попытка не удалась: по действовавшему законодательству, министром мог стать человек, достигший тридцати лет. Бутросу не хватило двух...

Мои родители, – скажет он позднее, – учили своих детей дышать воздухом политики с самого раннего детства.

Казалось бы, Бутрос должен был продолжить семейную традицию. Однако он избрал научное поприще. Окончив правовой факультет Каирского университета, будущий “генсек Вселенной”, отправился во Францию, чтобы продолжить образование в Сорбонне. Там в 1949 году он получил степень доктора международного права, а несколько позднее – доктора философии.

По возвращении в Египет начал преподавать в Каирском университете, стал профессором международного права, получил кафедру политических наук. Около десяти лет вел научные исследования в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Он – член двадцати различных организаций, занимающихся международной проблематикой, имеющий сегодня список ученых степеней на 21 странице. Уже тогда западная пресса характеризовала его как человека, наделенного “тонким мышлением и незаурядными ораторскими данными”.

В конце 60–х он возглавлял Центр исследований Гаагской академии международного права. За это время им написано множество книг и статей в области политики и юриспруденции. Самое известное его произведение – “Внешняя политика в мире перемен” – было написано в 1979 году. В нем Гали предсказал неизбежный развал коммунистической системы, который, по его мнению, станет следствием интенсивного проникновения информации о западном образе жизни в страны Восточной Европы. Кстати, мало кто знает, что доктор Гали всерьез занимался проблемами экологии еще задолго до того, как эта тема стала модной.

Так продолжалось до 1977 года, пока в жизни Гали не произошел крутой поворот. Покойный президент Египта Анвар Садат назначил его государственным министром по международным делам. Правда, египетская печать чаще называла Гали “министром без портфеля”, поскольку должность министра иностранных дел занимали другие.

Тем не менее, это был весьма важный, но хлопотливый пост. Гали отвечал за внешнюю политику в Африке и других регионах “третьего мира”.

В то время я работал в Египте и знал, что застать Гали в его кабинете, расположенном в здании министерства иностранных дел на площади Ат–Тахрир, было практически невозможно. Ему приходилось по три–четыре раза в месяц совершать деловые поездки в беспокойный “третий мир”.

Впрочем, дипломатическая карьера доктора Гали началась с сопровождения в ноябре 1977 года Садата в его неожиданной по-

ездке в Иерусалим. Он был в числе тех немногих египетских деятелей, поддержавших тогда заключение мирного договора с Израилем.

Не удивительно, что Гали стал одним из ближайших помощников и сторонников Садата. А после его смерти – нынешнего президента Египта Хосни Мубарака. Кстати, при последнем Гали стал архитектором возвращения Египта к активному участию в работе Организации Африканского Единства, Организации Исламская Конференция и Движения неприсоединения.

В качестве государственного министра по иностранным делам Гали объехал весь мир. Он принимал участие в многочисленных международных конференциях, доказав тем самым, что не зря считается одним из крупнейших авторитетов по международному праву. Еще он известен своей способностью вести трудные переговоры. В те дни, когда Ирак захватил Кувейт, он много сделал для создания коалиции стран, группировавшихся вокруг США.

Египетские журналисты рассказывали мне, что Гали чувствует себя одинаково удобно и в шатре вождя африканского племени и в Елисейском дворце. Да и сам я, несколько раз беря у него интервью, смог убедиться в его интеллигентности и эрудиции. А его великолепные остроты! Он легко произносит их на французском и английском, на которых свободно говорит. Правда, на английском – с легким французским акцентом.

Слова его, как правило, взвешенные, а фразы округлы. Оценки, которые он дает в интервью или выступлениях не отличаются ни откровенностью, ни резкостью. Короче, Гали – профессиональный дипломат, знающий правила игры. Может быть именно поэтому ему удавалось поддерживать дружеские отношения со всеми, с кем сводила его судьба, и успешно выступать в роли посредника. Правда, критики Бутроса Гали утверждают, что его острый ум и склонность к назидательности граничат с нетерпеливостью и грубостью в отношении дипломатов, которые обычно не склонны действовать поспешно. В результате, став генеральным секретарем ООН, доктор Гали вскоре приобрел репутацию человека, который убежден, что он знает больше всех и стоит выше всех.

Однако, Бутрос Гали так никогда и не стал министром иностранных дел. Правда, было известно, что уже давно он пытался получить престижный пост в международной политике. Но это ему не удавалось. Поэтому его назначение в мае 1991 года на должность заместителя премьер-министра расценивалось как “попытка улучшить шансы на получение высокого кресла в ООН”.

Против Гали был его возраст. Все-таки – 69 лет, что превратило его в мишень для ооновских остряков. Тогда писали, что некоторые дипломаты якобы обнаружили возрастное несоответствие в биографии кандидата и пустили слухок, что ему вот уже пять лет идет 69-й год. Впрочем, сам Гали на вопрос, не считает ли он себя старым, ответил журналистам: “Это зависит от того, как вы себя чувствуете”. Первый же тур официального голосования в Совете безопасности, состоявшийся 21 ноября 1991 года, принес победу Бутросу Гали. 3 декабря он произнес присягу в качестве главы ООН – впервые она прозвучала по-арабски.

Западная пресса, комментируя назначение Гали на пост генерального секретаря, подчеркивала тогда, что его карьера была “без особых взлетов и падений и он, судя по всему, не был бунтарем”.

Сам Гали считал, что ООН необходим новый тип генсека. Такой, кто бы мог, по его словам, “заставить систему работать”. Тем не менее, он рассматривал роль шефа этой организации с позиции прагматика.

У него не должно быть иллюзий, что он может играть эту роль самостоятельно, – не раз повторял Гали. – Он должен быть в первую очередь государственным служащим и выполнять резолюции Совета Безопасности.

Свое избрание на пост генерального секретаря Гали рассматривал как “большую победу стран “третьего мира” в критический момент истории”. Послы африканских государств назвали решение Совета Безопасности “победой Африки”. Египет расценил назначение Гали как “признание здоровой и умелой политики египетского дипломата”.

В Тель-Авиве избрание доктора Гали квалифицировали как “удовлетворительный вариант”, ибо именно он представлял арабское государство при подписании в Кемп-Дэвиде мирного договора между Египтом и Израилем. С точки зрения израильских политиков, это обстоятельство могло сыграть положительную роль.

Еще одна деталь – личного порядка, – которую, без сомнения, тоже брали в расчет. Бутрос Гали женат на обаятельной даже в преклонном возрасте еврейке по имени Лея, а после крещения названной Марией (девичья фамилия – Надлер). Она происходит из клана богатых египетских евреев, чьи капиталы размещены в кондитерской промышленности. В Тель-Авиве не сомневались, что новый генсек не будет мешать деятельности Израиля в рамках ООН.

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что это не оказало ни малейшего влияния на отношение Гали к Израилю. Он никогда не выступал со сколь-нибудь лестными для еврейского государства заявлениями. Более того, его высказывания неоднократно вызвали раздражение израильского руководства. Осторожность и дипломатическая отточенность его антиизраильских реплик не оставляют сомнений в том, что все “случайные оговорки” тщательно продуманы заранее. До сих пор он был политиком, отличавшимся дипломатическими методами. Теперь он должен был стать дипломатом, наделенным незаурядным политическим чутьем.

Собрав через несколько дней своих заместителей, он объявил, что его ближайшая цель – провести радикальную реорганизацию бюрократического аппарата ООН за 60 дней в соответствии с предложениями, выдвинутыми группой 20 стран и решительно поддержанными Соединенными Штатами. Он также хотел как можно скорее зарекомендовать себя миротворцем. Он заявил, что будет просить Совет Безопасности помочь положить конец войне в Сомали, рассчитывает на то, что ООН возьмет на себя более широкую роль в поощрении демократии, помогая организовывать выборы и наблюдая за их проведением в развивающихся странах.

Уже тогда многие дипломаты признавали, что доктор Гали занял свой пост в критический момент и что перед ООН — исключительная возможность создать новую международную систему, которая заменила бы образование, порожденное “холодной войной”.

И все же главный вопрос, которым задавались и дипломаты, и политики, и государственные деятели, и журналисты – хватит ли у нового генсека настойчивости, чтобы использовать те возможности, которые могли открыться перед ним с изменением мирового порядка.

По мнению многих наблюдателей, уже через год после избрания Бутроса Гали “генсеком Вселенной” появились заметные результаты. Так, например, еще год назад высокопоставленные дипломаты откровенно, а порою агрессивно, критиковали деятельность ООН. Гали удалось снять остроту многих проблем. Ооновские структуры, особенно ее специальные миссии, доказали свою эффективность, в ряде случаев при непосредственном участии генсека. Достаточно напомнить в этой связи мирный процесс в Камбодже, а также события в Анголе. Случались, впрочем, и провалы: миссия Вэнса в Югославии. Однако, и неудачи многому учат. Но...

США заблокировали переизбрание Гали, использовав в Совете Безопасности свое право “вето”. Почему?

По мнению многих наблюдателей, администрация Клинтона невзлюбила шестого генсека за его излишнюю самостоятельность. Они же отмечали, что Бутрос Гали – наиболее независимый генеральный секретарь во всей полувековой истории ООН. Ему удалось вернуть этому посту то международное значение, какого не было со времен Дага Хаммаршельда. Доктор Гали по крайней мере дважды вызывал сильное раздражение США – сбалансированной позицией по Боснии и публикацией доклада о кровавом инциденте в ливанской деревне Кана, где израильская артиллерия обстреляла пост ООН. Там укрывались семьи ливанцев, свыше ста человек погибли.

Многие наблюдатели считают, что антиооновскую кампанию (явно направленную на дискредитацию Гали) организовали республиканцы, возглавляемые бывшим представителем США при ООН Джин Киркпатрик. А клинтоновская администрация вместо того, чтобы решительно встать на защиту ООН как наиболее подходящего инструмента для мирного урегулирования конфликтов в мире, сама заняла позицию негативизма. Тем самым подыграв республиканцам без видимой пользы для себя и мирового сообщества.

Более того, стало известно, что администрация США, чтобы не допустить переизбрания доктора Гали на второй срок, развернула широкую кампанию давления на его сторонников в других странах. В частности, в одном из материалов правительственного Информационного агентства Соединенных Штатов (ЮСИА) цитировался анонимный официальный представитель, который заявил, что африканские государства, лояльные Бутросу Гали, могут похоронить все надежды удержать за этим континентом пост генерального секретаря на следующие пять лет. Африканским лидерам дали понять, что в случае отказа от поддержки Бутроса Гали может быть рассмотрена кандидатура председателя правительства и министра иностранных дел Танзании, руководителя Организации Африканского Единства Салима Ахмеда Салима.

Итак, после пяти лет, проведенных на посту генерального секретаря ООН, Бутрос Гали вернулся в Египет, в свою квартиру, расположенную на последнем этаже не примечательного шестизэтажного дома. Он заявил, что полностью переходит в распоряжение президента Мубарака. Правда, еще неясно, займет ли он какой–

либо государственный пост или уйдет на преподавательскую работу.

Когда-то у него практически не было свободного времени – отпуска не брал со студенческой скамьи. В молодости в редкие часы досуга любил читать, слушать классическую музыку, играть с соседскими ребяташками, заниматься верховой ездой и... летать на самолете, поскольку имеет любительские права пилота.

У супругов Гали нет детей. Но их дом всегда наполняют многочисленные родственники. Бутрос – преданный муж, не скрывающий трогательных и нежных чувств к своей супруге. Лея–Мария не раз признавалась журналистам, что их любовь не ослабевает с юных лет. Кстати сказать, госпожа Гали – высокообразованная женщина, долгие годы носившая в великосветских кругах Египта титул “самой элегантной дамы”. Кроме того, она – постоянный спонсор Движения палестинских женщин.

Старейшины еврейской общины Каира уверяют, что Лея все еще тоскует по покинутому отчужденному дому. В еврейские праздники она на несколько минут заходит в синагогу на улице Адли. В Судный день остается до конца молитвы.

...Перефразировав известную фразу о “человеке на все времена”, журнал “Тайм”, оценивая деятельность Бутроса Гали на посту генерального секретаря ООН, назвал его “человеком для всех народов”. Пожалуй, это так...

АВИГДОР ЛИБЕРМАН – ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СДЕЛАЛ СЕБЯ

Авигдор Либерман, генеральный директор министерства главы израильского правительства, подал в отставку 23 ноября 1997 года. В тот же день она была принята премьер–министром Биньямином Нетаниягу.

В официальном сообщении была дана высокая оценка деятельности Либермана на этом посту. Сам же премьер заявил:

Я сожалею об отставке своего верного друга, который работал со мной на протяжении долгих лет. Однако, я не могу препятствовать его решению...

На следующий день Либерман устроил пресс–конференцию в тель–авивском Доме журналиста “Бейт– Соколов”, расположенном на улице Каплан. Задолго до начала у входа в здание толпились, отталкивая друг друга, израильские “папарацци” в надежде уловить уникальный кадр: Либерман –подавленный, растерянный, несчастный...

И вот ровно в час дня перед искателями сенсаций появился совершенно другой Либерман. Спокойный, улыбчивый, уверенный в себе. Он выглядел именно так, как и полагалось выглядеть генеральному директору министерства главы правительства: в модном двубортном костюме и не менее модном темно–синем галстуке в мелкий горошек. Вот только говорил он несколько иначе: раскованно, свободно, впервые за последние полтора года избавившись от того “внутреннего цензора”, без которого на государственной службе не обойтись. Похоже, Либерман был рад тому, что уход в отставку с ответственного поста вернул ему утерянную на 17 месяцев свободу. И теперь, в новом для себя качестве, он может, наконец–то, сказать все, что думает.

Относительно отставки он заявил, что государственная служба не позволяла ему активно заниматься партийными делами. В связи с чем он и решил оставить свой пост, договорившись заранее с премьер–министром. Относительно будущего он сказал, что главное – это решение жизненно важных для Израиля проблем.

Когда меня спрашивают, – подчеркнул Либерман, – готов ли я на то, чтобы Израиль пошел на новые уступки и на территориаль–

ные компромиссы, я отвечаю четко и ясно: я не готов уступить ни единого сантиметра для рукопожатия с Арафатом или ради обеда в Белом доме с президентом Клинтоном.

Естественно, у журналистов возник вопрос: чем господин Либерман намерен заняться в будущем?

До сих пор я не получил никаких предложений, – ответил он. – Но у меня прекрасная профессия, пользующаяся спросом. Я грузчик и охранник. Думаю, что в Израиле найдется немало объектов по моим специализациям.

Репатриант из СССР

В израильском обществе сложилось мнение, что “русские” (т. е. репатрианты из СССР и России) не способны сделать политическую карьеру. Мол, им мешает языковой барьер, но главное – ментальность воспитанника советской системы. Авигдор Либерман – репатриант из СССР, до 23 ноября 1997 года генеральный директор министерства главы правительства – опроверг эти стереотипы.

Авигдор, которого друзья называют Эвик, родился 40 лет назад в Кишиневе. Его семья, как рассказал он однажды, “никогда не теряла связи с еврейскими корнями, дом был полон книг на идише и иврите”. Либерман–старший еще в молодости примкнул к движению ревизионистов, а Либермана–младшего увлекли идеи Жаботинского, которые блок правых партий “Ликуд” взял позднее на вооружение.

От отца Авигдор унаследовал любовь к литературе, который, кстати сказать, до сих пор сочиняет рассказы и публикует их в русскоязычных журналах. Сын питает слабость к поэзии, пишет стихи на русском языке, но еще никому не удалось убедить его отдать их в печать.

В 1978 году семья Либерманов репатриировалась в Израиль. Авигдор поселился в Иерусалиме и поступил в Еврейский университет, где изучал политологию. В его группе занимался нынешний министр здравоохранения Цахи Анегби, который пристрастил нового репатрианта к политике. Либерман вступил в студенческий клуб “Кастель”, связанный с “Ликудом”, и начал активно участвовать в политических спорах, проходивших тогда в университете.

По свидетельству однокашников, он не боялся острых дискуссий. Его позиция всегда отличалась жесткостью. Рассказывают, что как-то в День Памяти павших воинов Израиля группа арабских студентов демонстративно включила на полную мощность магнитофон с веселой музыкой. Либерман не мог вынести такого надруга-

тельства, вошел в комнату к арабам и попросил уменьшить звук. Ему ответили категорическим отказом. Дело закончилось дракой. В результате трое арабов оказались в больнице.

Вскоре Анегби нашел своему другу, нуждавшемуся в дополнительном заработке, “халтуру” – охранять здание студенческого клуба. Позднее, во время формирования правительства, острые на язык журналисты утверждали, что Либерман, став генеральным директором министерства главы кабинета, сполна вернул долг: нашел Анегби работу в министерстве здравоохранения. Это, разумеется, не более чем шутка. Анегби – один из ближайших соратников Нетаниягу.

Во время работы в клубе Авигдор познакомился со своей будущей женой Эллой – молоденькой студенткой, тоже репатрианткой из СССР, которая по вечерам мыла в клубной столовой посуду. Сегодня у четы Либерман трое детей: двенадцатилетняя Михаль, семилетний Яков и четырехлетний Амос.

После получения степени бакалавра Авигдор был призван в армию. Вплоть до сегодняшнего дня он ежегодно проходит военные сборы. Кстати сказать, когда он занимал должность генерального директора, израильские журналисты шутили: надо полагать, что вскоре командование Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ) постарается избавиться от такого резервиста. В противном случае, если гендир захочет по–прежнему выполнять свой солдатский долг, армии придется прикомандировать к части Либермана спецподразделение контрразведки, которое будет охранять человека, посвященного в самые сокровенные государственные тайны.

Закончив срочную службу, Авигдор вместе с женой поселился в новом районе Иерусалима – Гило. Но сионистские убеждения требовали более непосредственного участия в освоении “Эрец–Исраэль” (“Земля Израиля” в библейских границах). Вскоре молодая семья переехала в крохотное поселение Эль–Давид, в котором проживали как религиозные, так и светские семьи.

Либерман – не религиозен. Но еврейская традиция ему не чужда. Забегая вперед, скажу, что в ночь подсчета голосов избирателей, когда перевес был в пользу другого претендента на пост премьер–министра – Шимона Переса, он отправился в синагогу и попросил Всевышнего даровать победу Нетаниягу.

Едва он закончил молитву, как раздался телефонный звонок: лидер “Ликуда” начал лидировать.

Репатриант из СССР

Одно время Либерман руководил небольшой коммерческой фирмой. Затем получил первое политическое назначение: отвечал за запись новых репатриантов в больничную кассу “Меухедет”, связанную с “Ликудом”. В момент его прихода в иерусалимское отделение больничной кассы оно выглядело жалким: маленький домик, давно требовавший ремонта. Именно здесь Авигдор впервые продемонстрировал свои организаторские способности. Это он убедил вступить в больничную кассу сотни репатриантов и не только отремонтировал здание, но и надстроил целый этаж.

В Иерусалиме произошло и его знакомство с Нетаниягу, который, находясь тогда на посту израильского представителя в ООН, приехал в отпуск. Во время одного мероприятия, проходившего в рамках “Ликуда”, он “столкнулся” с Либерманом. “Сабра” (то есть, родившийся в Израиле) Нетаниягу и репатриант из СССР, так и не избавившийся от тяжелого русского акцента, сразу нашли общий язык. Когда в 1988 году Нетаниягу завершил работу в ООН и принял участие во внутренних выборах “Ликуда”, определив будущий список блока в кнессете (израильский парламент), Либерман стал его помощником. С тех пор они были неразлучны. Где бы ни находился

Нетаниягу, за ним всегда неотступной тенью следовал Либерман. Причем, он не был заинтересован в рекламе, избегал репортеров и телекамер. Преданность Либермана Нетаниягу была абсолютной. Самым главным для Эвика было продвижение Биби, как называют премьер–министра его сподвижники. Вскоре Либерман возглавил предвыборный штаб Нетаниягу на праймериз “Ликуда”, и тот был избран председателем блока.

Первое, что сделал новый лидер, – назначил Либермана генеральным директором “Ликуда”, который в 1993 году находился на грани развала. Десятки миллионов шеккелей долга, внутренние распри, потеря сторонников. Отделения блока на местах практически не функционировали, а в опросах общественного мнения тогдашний премьер–министр Ицхак Рабин лидировал с огромным отрывом.

Либерман принялся за работу. Он уволил десятки никому не нужных функционеров, получавших огромные зарплаты, навел строгий порядок в организационной структуре “Ликуда”. В течение года он расплатился с долгами, построил партийную инфраструктуру. Популярность Нетаниягу начала резко расти. К осени 1995 года он уже опережал тогдашнего премьер–министра Рабина в опросах общественного мнения.

После убийства главы правительства пресса развернула кампанию по дискредитации и даже шельмованию Нетаниягу, “Ликуда” и всего правого лагеря. По опросам, Переса поддерживали 54 процента населения, Биби – только 27. Казалось, все проиграно...

По свидетельству журналистов, встречавшихся тогда с Либерманом, тот был “абсолютно уверен в победе Нетаниягу на предстоящих выборах”. Эвик не опустил руки, не впал в панику, а продолжал спокойно и методично вести свою работу. И она принесла плоды.

Разрыв между Нетаниягу и Пересом сократился. И тем не менее, результаты опроса института “Дахар”, оглашенные после закрытия избирательных участков, предрекали победу Пересу. В штаб-квартире партии “Авода” началось бурное ликование. В “Ликуде” многие не скрывали слез.

Либерман держался абсолютно спокойно.

Это только опрос, – сказал он жене. – Вот увидишь, под утро произойдет перелом.

Он оказался прав...

Премьер-министром стал Нетаниягу, который тут же назначил Либермана генеральным директором своей канцелярии. Как шутили местные журналисты, “израильским Чубайсом”, сыгравшим решающую роль в победе на президентских выборах Б. Ельцина.

Но не успел новый гендир приступить к своим обязанностям, как на него обрушился шквал критики. Впрочем, критикой это назвать нельзя. На него просто вылили ушат помоев.

Тон задала израильская газета “Едиот ахронот”, которая наградила Либермана характеристикой – неизвестно откуда взявшийся “гомо-советикус”. Дальше – больше...

Но если разобраться объективно, то израильские СМИ должны были носить Либермана на руках. Ведь он, по существу, являлся (и продолжает оставаться) воплощением идеи сионизма. Еврей, репатриировавшийся в “Эрец-Исраэль”, собственными руками построивший дом, пробившийся в высшие сферы власти. Одним словом, сделавший себя сам.

Не случайно во время церемонии, посвященной вступлению в должность главы канцелярии, Либерман сказал:

Я, как человек, репатриировавшийся двадцать лет назад, могу с полным основанием заявить, что Израиль – это маленькая страна с неограниченными возможностями.

Так почему же израильские “масс–медиа” начали массированную атаку на Либермана, которому Нетаниягу во многом обязан своей победой? Цель очевидна – избавиться от этого человека.

Впрочем, журналисты понимали, что компромата на Эвика им найти не удастся. Прошлое у него безукоризненно: блестяще законченный университет, безупречная служба в армии. Где бы он ни работал, везде о нем отзывались как о профессионале, честном и ответственном человеке. Раскопать “клубничку” в семейной жизни тоже не получилось. Либерман – примерный муж и отец. Даже работая по двадцать часов в сутки, он раз в неделю выезжал в супермаркет за продуктами, чтобы жена не таскала тяжелые пакеты. Его невозможно обвинить и в высокомерии. Газета “Маарив” опубликовала недавно список друзей Либермана – сплошь простые люди, с которыми всемогущий глава канцелярии продолжал поддерживать добрые отношения. Находясь на высокой должности, в обществе друзей он охотно рассказывал анекдоты, пел песни под гитару, не отказывался от рюмки хорошей водки.

Надежды найти компромат, раздуть скандал и заставить его уйти в отставку – практически не было. Поэтому была избрана другая тактика.

Сегодня можно совершенно четко проследить тенденцию израильских СМИ и тех сил, которые за ними стояли. Вбить клин между Либерманом и Нетаниягу. Муссировались слухи о том, что в действительности все решает Либерман: назначает на должности, диктует Биби, что и как говорить. Больше того – именно он руководил формированием правительства.

В кулуарах кнессета даже родился анекдот.

– Почему только Нетаниягу знает, кто и какой получит министерский пост? – спрашивает один депутат другого.

Да потому, что Нетаниягу – наиболее близкий человек к Либерману...

Конечно, в анекдоте была определенная доля истины. Да, все решает глава правительства. Но влияние на него Либермана трудно переоценить.

При каждом удобном и неудобном случае пресса заостряла внимание читателей на “русском” происхождении Либермана. В статьях непременно упоминался “тяжелый русский акцент”, любовь к русской литературе, “русская” жена, “русские” приятели. По существу, израильтянам внушалось: пришел некий “гомо–советикус”, каким–то образом одурманил Нетаниягу (пусть правого, но все–таки нашего, “сабру”) и невесть как пролез к власти.

Между тем, его карьера, как до сих пор признают израильские СМИ, не имеет аналогов. Обосновавшись на “земле обетованной”, он, без каких–либо связей, без богатых и влиятельных покровителей, сделал то, о

чем только могут мечтать отпрыски высокопоставленных израильских семей.

Вот этого Либерману и не могли простить...

Лев готовится к прыжку

Итак, Авигдор Либерман, бывший генеральный директор министерства главы правительства, избавившись от ограничений, связанных со статусом государственного чиновника, начал активную деятельность. Как и ожидалось, его первой задачей стала борьба с группировкой так называемых “принцев Ликуда”, представляющей определенную опасность для Нетаниягу.

Он предпринял атаку на святая святых “принцев”, до сих пор находившуюся под их абсолютным контролем, – “Всемирный Ликуд”. До того как Либерман изъявил желание баллотироваться на пост его председателя никто почти не слышал о существовании этого объединения. А между тем израильский “Ликуд” имеет свои отделения в десятках странах Западной Европы, США. Канады и Латинской Америки. И хотя эта организация серьезной роли в политике Израиля никогда не играла, пост ее председателя всегда считался почетной синекурой. И не более. Но “принцы”, правившие бал во “Всемирном Ликуде” и обладавшие достаточной властью и влиянием, рассматривали эту организацию только в качестве “крыши” для бесчисленных заграничных командировок.

Здесь, пожалуй, следует пояснить, кого в “Ликуде” принято называть “принцами”. Это – дети и внуки видных “ликудовских” политиков, бывших депутатов кнессета, министров и даже главы правительства. Они вошли в политику еще при жизни своих родителей и благодаря заслугам отцов очень быстро выдвинулись на ведущие роли в партии.

К “принцам” относятся Бени Бегин – сын бывшего премьер-министра Менахема Бегина, и дети его ближайших сподвижников: мэр Тель-Авива Рони Мило, бывший министр финансов Дан Меридор, мэр Иерусалима Эхуд Ольмерт и министр связи Лимор Ливнат. Эти люди представляют собой так называемую партийную аристократию. Они уверены в том, что именно им судьба предписала руководить “Ликудом”.

К Нетаниягу они относятся с плохо скрываемым неуважением и считают его выскочкой. Хотя отец нынешнего премьера – профессор Бен Цион Нетаниягу, всегда придерживался идеологии ревизионистов и даже одно время был личным секретарем Жаботинского, все же он предпочитал большую часть времени и сил уде-

лять науке, а не партийной деятельности. Поэтому его сын никак не может претендовать на титул “принца”. Тем не менее, карьера Нетаниягу в “Ликуде” была стремительной...

Не удивительно, что головокружительный успех “высочки Нетаниягу” не мог понравиться “принцам”. А к ближайшему помощнику – Авигдору Либерману, сыгравшему решающую роль в его успехах, “принцы” испытывали прямо–таки патологическую неприязнь. Еще бы! Какой–то репатриант, не имеющий за собой ни папы – партийного функционера, ни многолетнего партийного стажа – вдруг взял да и оттеснил “принцев” на второй план. А в намерении Либермана баллотироваться на пост главы “Всемирного Ликуда” “принцы” видели только одно – стремление бывшего генерального директора перейти в другую категорию. Ведь до сих пор он занимал самые высокие посты в партийной и государственной структурах. Но это были чиновничьи должности. А чиновника, как известно, всегда можно перекинуть на другое место, понизить да и просто уволить. Чиновник, пусть даже и самый высокопоставленный, в принципе, не представляет опасности для парламентария. Другое дело – народный избранник. Уволить его не может никто. Разве что он сам совершит какой–то противозаконный поступок и будет вынужден уйти в отставку.

Если бы Либерман занял пост председателя “Всемирного Ликуда”, то в течение четырех лет его не только нельзя было бы снять с этой должности, но самое главное – он перешел бы в совсем другую категорию: народных избранников. В таком качестве Либерман представлял бы собой угрозу не только дармовым поездкам за границу “принцев” и “принцесс”, но и их привилегированному положению в партийной иерархии. А вот этого они не могли допустить. И не допустили... Им удалось всеми правдами и неправдами заблокировать избрание Либермана.

И тем не менее, Эвик показал и доказал своим недругам, каким огромным влиянием он обладает в “Ликуде”. Он прекрасно понимает, что должность председателя “Всемирного Ликуда” не так уж и важна. Но схватку вокруг нее, по его собственному признанию, он рассматривает как пробу сил перед намного более серьезными сражениями.

Один из израильских журналистов, комментируя отставку Либермана, заметил:

Лев вырвался из клетки...

Я бы добавил:

И готовится к прыжку...

ОБ АВТОРЕ

Капитонов Константин Алексеевич – журналист–международник. Родился в 1946 году в городе Батуми. В 1973 году закончил арабское отделение факультета журналистики Московского Государственного института международных отношений.

С 1972 года – корреспондент газеты “Известия”.

С 1976 по 1981 годы – собственный корреспондент газеты “Труд” в Египте.

С 1982 по 1988 годы – собственный корреспондент “Литературной Газеты” в Ливане.

В настоящее время – свободный журналист, сотрудничает со многими российскими газетами и журналами.

Часть предлагаемых политических портретов публиковалась в разное время в “Независимой Газете”, “Комсомольской правде”, “Красной Звезде”, “Литературной Газете”, Московских Новостях”, “Вечерней Москве”, в журналах “Новое время”, “Азия Африка сегодня”, “Эхо планеты”.

Несколько портретов перепечатывались арабскими и израильскими газетами.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ
И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник.

1996 г.

1. **Абу-Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
2. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
3. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
4. **Д.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
5. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
6. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
7. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
8. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
9. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.2.

1997 г.

1. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
2. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
3. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.3.
4. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
5. "Сирийская Арабская Республика".
6. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
7. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.4.

1998 г.

1. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
2. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
3. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества (израильская модель) ".
4. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
5. **С.Б.Багдасаров** и **А.Н.Чавушьян** "Военный и военно—экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (совместно с ИВ РАН).
6. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.5.
7. "Актуальные проблемы Ближнего Востока".

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF
ISRAELI AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio-economic and political development in the Arab World".
(In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
4. "The contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

1. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
2. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
3. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
4. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf countries" by **L.Rudenko**
5. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
6. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and A.Fedorchenko**
7. "Water resources in the South West and South East Asia " by **A.Filonik and N.Rogozhina**
8. "The Arab World in the end of the XX-th century", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
9. "The contemporary Middle East" ^{1 2}, (collection of essays)

1997

1. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Issaev**
2. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
3. "The contemporary Middle East" ^{1 3}, (collection of essays)
4. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
5. "The Syrian Arab Republic"
6. "The Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**

7. "The contemporary Middle East " ¹ 4, (collection of essays)

1998

1. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by
A.Kovtunov

2. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation
with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

3. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A. Fedorchenko**

4. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**

5. "Military and Military – Economic Potential of the Middle East-
ern Countries" by **S.Bagdasarov** and **A.Chavushian**
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Acade-
my of Sciences

6. "The contemporary Middle East" ¹ 5, (collection of essays)

7. "Actual problems of the Middle East"

Лицензия ЛР № 030697 от 29.07.1996 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Константин Капитонов

БЛИЖНИЙ ВОСТОК В ЛИЦАХ

Подписано в печать 14.07.1998 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная.

Бумага офсетная №1 Объем 13,2 уч. изд. л.

Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 1093

Типография КТ РФ